

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

В О П Р О С Ы ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СИБИРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Выпуск первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1966

В О П Р О С Ы ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СИБИРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Выпуск первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1966

Редактор доцент О. И. Блинова

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Проф. А. И. Данилов (председатель, ректор университета), проф. В. А. Пегель (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя), проф. Г. Д. Суворов, директор издательства М. С. Змазнев, проф. Б. Г. Иоганзен, проф. В. Н. Кессених, проф. П. П. Куфарев, проф. И. М. Разгон, проф. К. В. Савицкий, проф. М. В. Тронов, проф. В. А. Хахлов, проф. К. П. Ярошевский, проф. А. Р. Ананьев, доц. З. Я. Бояршинова, доц. М. А. Кривов, доц. А. А. Любавин, проф. Г. И. Назаров, проф. Н. В. Прикладов, проф. В. В. Серебrenников, директор научной библиотеки М. Р. Филимонов, доц. В. С. Флеров, проф. Р. Н. Щербаков, секретарь парткома А. П. Бычков.

О. М. СОКОЛОВ

О СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ КОРРЕЛЯТИВНЫХ ПАР ПРЕФИКСАЛЬНОГО ТИПА

В современной аспектологической литературе возможность «чистой перфективации» глагольных основ получает различную оценку: она или признается или отрицается¹⁾. Для разрешения этого вопроса, как, впрочем, и для углубленного понимания природы глагольного вида в славянских языках, существенный интерес представляет анализ тех смысловых отношений, в которых могут находиться члены видовых пар.

С этой целью были рассмотрены видовые корреляции префиксального типа, собранные в книге А. А. Спагис «Материалы к изучению способов образования видовых пар глаголов». В этой книге представлены в виде таблиц наиболее употребительные оппозиции, вызывающие, очевидно, меньше сомнений относительно их грамматической природы. Анализ имеющегося материала (около 800 пар) позволил убедиться в различии смысловых отношений, реально существующих между членами видовых оппозиций.

В зависимости от направленности действия на достижение результата, от характера его протекания и предела, с которым ассоциируется достижение результата, все глагольные пары можно подразделить на несколько довольно четко противопоставленных друг другу групп.

I. Значительная группа глаголов представлена такими оппозициями, отношения между членами которых (т. е. между Н/В и С/В) осознается как отношение действия к его следствию. В таких отношениях находятся глагольные пары, у которых Н/В содержит информацию о такой направленности действия, когда достижение предела ассоциируется с результатом качественного, количественного, качественно-количественного, временного или пространственного результата.

А. Группа глаголов содержит информацию о направленности действия на качественно-механическое изменение предмета: *бороздить, ломать, пахать, рыхлить, драть, копать, полоть, потрошить, стегать* (одеяло), *тесать, точить, утюжить, бетонировать, бинтовать, бронировать* (покрывать броней), *давить, паковать, пломбировать, скирдовать, шнуровать, шпаклевать, штопать, комкать, крошить, мельчать, мять, полосовать, трепать, метать, царапать, кольцевать, рушить, седлать, щипать,*

¹⁾ Отрицание возможности «чистой перфективации» содержится в работах Маслова Ю. С. (см. его докт. дисс. «Глагольный вид в современном болгарском языке», Л., 1957), А. В. Исаченко (см. его «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким». Морфология, ч. II, Братислава, 1960). Из новых работ, поддерживающих противоположную точку зрения, см. Тихонов А. Н. «Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования». ВЯ, № 1, 1964 г.

шлифовать, делить, долбить, таранить, фильтровать, ворошить, графить, громить, дробить, колоть, пороть (одежду), вить, жать, клеить, косить, молот, плющить, ткать, цементировать, шить, трамбовать и др.

Б. Группа глаголов содержит информацию о направленности действия на достижение предметом нового качества внутреннего характера: *бесить, бунтовать, будоражить, волновать, мутить, полошить, потеть, мужать, линять, муштровать, сохнуть, сушить, травить, вянуть, гложить, зеленеть, квасить, коченеть, леденеть, мерзнуть, мочить, неметь, пьянеть, рубцеваться, румянить, солить, твердеть, тонуть, хиреть, хмелеть, чахнуть, червиветь, чернить, черстветь, баловать, мокнуть, беднеть, деревенеть, дичать, дряхлеть, дурачить, дуреть, жиреть, звереть, злить, зябнуть, каменеть, крепнуть, криветь, леденить, лысеть, мертветь, нагнеть, неметь, нищать, гнить, пошлеть, пустеть, робеть, сипнуть, слабеть, слепнуть, смелеть, стекленеть, столбенеть, студить, стыть, тощать, трезветь, тупеть, тяжелеть, хрипнуть, цепенеть, алеть, багроветь, блекнуть, буреть, глупеть, голубеть, губить, добреть, дурнеть, желтеть, здороветь, крупнеть, молодеть, мутнеть, мрачнеть, плотнеть, редеть, рябеть, свежеть, светлеть, сереть, седеть, смуглеть, суроветь, тончать, тускнеть, тучнеть, умнеть, хорошеть, богатеть, свирепеть, сердиться, таять, варить, гноить, зреть, жечь, конфузить, преть, робеть* и др.

В. Группа глаголов содержит информацию о направленности действия на достижение количественного результата: *колесить, вербовать, бороздить, нумеровать, полосовать, скандалить* и др. Для большинства глаголов этой группы количественная направленность является проявлением полисемии слова, которая достаточно хорошо осознается при сопоставлении префиксальных образований: *навербовать* и *завербовать* (*морщины изборозовали его лоб*).

Количественная направленность действия в некоторых случаях неразрывно связана с направленностью качественного характера, что выявляется при сопоставлении синонимов *растолочь* и *истолочь, раскрошить* и *искрошить*.

Г. В небольшой группе глаголов содержится информация о временной направленности действия, т. е. достигнутый результат в перфективном члене корреляции ассоциируется с временным пределом действия: *зимовать* (ср. *прозимовать, ночевать*), (ср. *про- переночевать*), *ждать* (ср. *прождать*), *быть* (ср. *пробыть*), *жить* (ср. *прожить*) и др.

Д. Некоторые глаголы содержат информацию о направленности действия на достижение определенной пространственной точки: *карабкаться* (направленность на достижение точки, расположенной сверху), *пикировать, никнуть* (направленность на достижение точки, расположенной внизу), *лгнуть* (направленность на достижение результата соприкосновения) и др.

Во всех отмеченных разновидностях глагольных пар действие, выражаемое основой Н/В, осознается как действие непрерывное, на каждом этапе своего развития приближающееся к **известному определенному** результату. В большинстве случаев протяженный характер действия хорошо гармонирует с протяженным значением приставок (количественного, временного, пространственного характера), которые в силу этого легко становятся избыточными²).

² Анализ значений приставок в образованиях данного типа приведен в статье «О значении и функциях русских глагольных префиксов», Лингвистический сборник: изд. ТГУ, 1964.

Е. Несколько особняком в этом ряду стоит группа глаголов, где Н/В выражает некоторое действие, процесс, развивающийся во времени и предполагающий границу своего прекращения, прерванности; характер этой границы является неопределенным; этот предел условно можно назвать ограничительным, непосредственно он не связывается ни с одним обобщенным лексическим значением приставок. Сюда относятся глагольные пары: *молиться — помолиться, обедать — пообедать, платиться — заплатить, потчевать — попотчевать, пудриться — попудриться, смотреть — посмотреть, стучаться — постучаться, тереться — потереться, терпеть — потерпеть, тягаться — потягаться, чесать — почесать, щекотать — пощекотать, завтракать — позавтракать, доить — подоить, гулять — погулять, клясться — поклясться, колотить — поколотить, курить — покурить, кушать — покушать, лакомиться — полакомиться, мешать — помешать, тешить — потешить, хвалиться — похвалиться, шарить — пошарить, щупать — пощупать, иллюстрировать — проиллюстрировать, плясать — сплясать, контролировать — проконтролировать* и др.

Особенность этой группы глаголов заключается в том, что действие с трудом поддается количественной градации, оно таково, что прекращение его на любом участке осознается как достижение естественного результата.

II. Если в рассмотренных выше разновидностях видовых оппозиций действие, выраженное основой Н/В, можно рассматривать как предпосылку для достижения некоторого результата (т. е. результат оказывается как бы подготовленным предшествующим действием), то в иных отношениях находятся глагольные пары, приводимые ниже: *кипеть — вскипеть, чувствовать — почувствовать, слыть — прослыть, слышаться — послышаться, нравиться — понравиться, нести — понести, любить — полюбить, вестись — повестись, бунтоваться — взбунтоваться, пылать — воспылать, тарашить — вытарашить, дружить — подружить, пятиться — попятиться, следовать — последовать, спешить — поспешить, торопиться — поторопиться, чутать — почутать, тянуться — потянуться* и др.

Если для глаголов I-й группы Н/В означает процесс, действие, ведущее к некоторому результату, то в данной группе глаголов Н/В с точки зрения логических отношений, напротив, следовало бы рассматривать как следствие того результата, представление о котором связывается с семантикой приставочного глагола С/В. В данном случае в перфективном члене оппозиции содержатся предпосылки, условия для дальнейшего течения действия. Именно поэтому префиксальное значение очень близко (если не тождественно) значению начинательности. В этом легко убедиться, сопоставив синонимы: *закипеть — вскипеть, взбунтоваться — забунтоваться, поспешить — заспешить, заторопиться — поторопиться, зачуть — почутать* и др. В говорах подобные случаи синонимии, переходящие порой в морфологическое варьирование, явление довольно распространенное, ср., например, *залюбить — полюбить* (*Жених девушку залюбит, сосватает и везёт. Который парень девушку залюбит*)³, *заботиться — побояться* (*Он ничего не заботится*), *забрезговать — побрезговать*. (*Она не забрезговала ещё со мной стариком*), *поиметь — заиметь* (*С тех пор мы поимели большую дружбу*), *похотеть — захотеть* (*Не похотел учиться*), *почухать — зачухать, послышать — заслышать* и др.

Представление о начинательности действия в данном случае связывается с тем, что то состояние (а глаголы эти, как правило, имеют зна-

³) Пример берется из картотеки «Словаря русских старожилческих говоров средней части бассейна реки Оби» (кафедра русского языка ТГУ).

чение состояния), которое выражено основой, воспринимается как качественно новое по соотношению с тем состоянием, которое предполагается как предшествующее, именно поэтому приставка символизирует начало вступления в данное состояние.

III. Значительная по численности группа оппозиций представлена таким соотношением семантики приставочных и бесприставочных основ. Когда оказываются нарушенными типичные для первых двух групп логические связи действия и его следствия. Приведем следующие примеры: *валять* — *свалять*, *пользоваться* — *воспользоваться*, *молвить* — *вымолвить*, *промолвить*, *палить* — *выпалить*, *жмуриться* — *зажмуриться*, *свидетельствовать* — *засвидетельствовать*, *пробовать* — *попробовать*, *пугаться* — *испугаться*, *врать* — *соврать*, *именовать* — *наименовать*, *мудрить* — *смудрить*, *радоваться* — *обрадоваться*, *скалиться* — *оскалиться*, *шпариться* — *ошпариться*, *рекомендовать* — *отрекомендовать*, *порекомендовать*, *благодарить* — *поблагодарить*, *миловать* — *помиловать*, *видаться* — *повидаться*, *грешить* — *погрешить*, *дарить* — *подарить*, *гнушаться* — *погнушаться*, *дивиться* — *подивиться*, *думать* — *подумать*, *жалеть* — *пожалеть*, *жаловаться* — *пожаловаться*, *заботиться* — *позаботиться*, *завидовать* — *позавидовать*, *заимствовать* — *позаимствовать*, *зариться* — *позариться*, *казаться* — *показаться*, *колебаться* — *поколебаться*, *льстить* — *польстить*, *манить* — *поманить*, *морищить* — *поморищить*, *считаться* — *посчитаться*, *ссориться* — *поссориться*, *способствовать* — *поспособствовать*, *стараться* — *постараться*, *стесняться* — *постесняться*, *сторониться* — *посторониться*, *страдать* — *пострадать*, *стыдиться* — *постыдиться*, *терять* — *потерять*, *теснить* — *потеснить*, *тревожить* — *потревожить*, *требовать* — *потребовать*, *ходатайствовать* — *походатайствовать*, *церемониться* — *поцеремониться*, *целоваться* — *поцеловаться*, *шутить* — *пошутить*, *щадить* — *пощадить*, *шевелиться* — *пошевелиться*, *видеться* — *свидеться*, *ревновать* — *приревновать*, *слабить* — *прослабить*, *сниться* — *присниться*, *грешить* — *сгрешить*, *жульничать* — *сжульничать*, *командовать* — *скомандовать*, *лукавить* — *слукавить*, *морищить* — *сморищить*, *мошенничать* — *смошенничать*, *острить* — *состричь*, *мудрить* — *смудрить*, *нестись* — *снестись*, *сутулиться* — *ссутулиться*, *трусить* — *струсить*, *фотографировать* — *сфотографировать*, *хитрить* — *схитрить*, *щуриться* — *сощуриться*, *венчать* — *увенчать*, *жалить* — *ужалить* и др.

Отношения между Н/В и С/В в данном случае можно охарактеризовать как отношения неоднократной, постоянной совершаемости действия (Н/В) к конкретному, чаще всего к единичному проявлению данного действия (С/В).

Это значение общности, постоянности совершаемого действия соотносено с конкретным его проявлением в какой-то мере присуще и глаголам II разновидности (ср. *чувствовать* и *почувствовать*), однако отличие рассматриваемых оппозиций от других заключается в их взаимной логической немотивированности, в таких отношениях, которые не могут быть представлены как следственные.

При разграничении оппозиций указанных разновидностей нельзя оставить без внимания явление многозначности основ. В этих случаях семантическое варьирование может затрагивать характер логических отношений между Н/В и С/В, что находит свое формальное выражение в различии присоединяемых приставок. Например, оппозиции *врать* — *соврать* и *врать* — *наврать* соответственно могут быть отнесены к III и I группам, такое же различие обнаруживается и между оппозициями *мудрить* — *смудрить* и *мудрить* — *намудрить*, *грешить* — *согрешить* и *грешить* — *нагрешить*, *морищить* — *сморищить* и *морищить* — *наморищить*

и т. д. Подобные сопоставления позволяют реально разграничить и научно разъяснить такие семантические варианты слова (а точнее основы), которые далеко не всегда фиксируются словарями.

Еще более очевидным становится отнесённость оппозиций к различным типам при сопоставлении некоторых омонимов. Например, *острить* — *заострить* (I тип) и *острить* — *состричь* (III тип), *нести* — *понести* (II тип) и *нести* — *снести* (I тип), *строить* — *построить* и *строить* — *состроить* (гримасу), *болтать* — *сболтать* (т. е. смешать) и *болтать* — *сболтнуть* (т. е. проболтаться).

Таким образом, различия в смысловом соотношении так называемых видовых корреляций приставочного типа при ближайшем рассмотрении не согласуются с попыткой представить собственно видовую корреляцию как «две соотносительные формы глагола, которые при полной лексической тождественности отличаются тем, что одна выражает длительность и нерезультативность процесса, а другая — нерезультативность и недлительность процесса»⁴). Раскрытие содержания видовой корреляции через указание на неоднородность смысловых отношений между членами ее заставляют усомниться в «грамматическом» характере этого явления языка.

В любом случае отсутствие в специальных работах, авторы которых отстаивают тезис о возможности «пустых» приставок, анализа смысловых отношений между членами оппозиций, делают аргументацию довольно слабой и уязвимой, тем более, что подбор иллюстраций так называемых видовых корреляций производится на основе интуиции, не опирается на объективную методику.

Отсюда и неубедительность многих примеров, истолкованных в качестве грамматической оппозиции. В самом деле, чем объяснить тот факт, что авторы не отмечают явного начинательного значения приставок в таких глаголах, как *повезти*, *поехать*, очевидно считая пару *везти* — *повезти*, *ехать* — *поехать* коррелятивной⁵). Неубедительным представляется и утверждение А. Н. Тихонова о том, что в глаголах *забрюхатеть*, *забеременеть*, *зачервиветь*, *заплешиветь* приставка *за-* лишается начинательного значения. А. Н. Тихонов в данном случае ссылается на словарь Даля и Востокова, где эти глаголы отмечены как начинательные и на словарь Ожегова, где они толкуются уже как результативные и даны в паре с теми бесприставочными глаголами, от которых образованы. На основе сопоставления материалов этих словарей автор делает вывод о том, что «в этих глаголах приставка никакого лексического значения не имеет, постепенно лексически опустошилась — грамматикализовалась» (Это признано в словаре Ушакова)⁶). Трудно, однако, согласиться с тем, что в смысле результативности пара *беременеть* — *забеременеть* выражает ту же результативность, что и глаголы *фильмовать* — *профильмовать*, *делать* — *сделать* и т. п. Никакие ссылки на словари не в состоянии опровергнуть того факта, что в первом случае приставка обозначает начало вступления субъекта в новое качество, а во втором — достижение нового качества; в первом случае в перфек-

⁴) Мучник И. П. О видовых корреляциях в современном русском языке. ВЯ, 1956, № 6.

⁵) Мучник И. П. О видовых корреляциях в современном русском языке. ВЯ, 1956 г., № 6, стр. 102.

⁶) Тихонов А. Н. Начинательное значение глаголов в русском языке. Труды Узбекского ун-та, Новая серия, вып. 95, Сборник статей по языкознанию, Самарканд, 1959, стр. 48.

тивном члене оппозиции содержатся предпосылки для дальнейшего течения действия, а во втором — течение действия, процесс (Н/В) создает предпосылки для получения результата, выраженного перфективным глаголом.

Что касается глаголов *заплешиветь* и *зачервиветь*, то если мы согласимся с тем, что эти глаголы могут обозначать *вступление предмета в новое качество* (а такое значение, конечно, следует признать как одно из возможных), то у нас не будет оснований отрицать их способности выражать начинательность значения; это значение особенно ярко выступает при сопоставлении пар: *заплешиветь* — *плешиветь*, *плешиветь* — *сплешиветь*, т. е. с логической точки зрения глаголы выстраиваются в ряд: *заплешиветь* — *плешиветь* — *оплешиветь*.

Внимание исследователей в недостаточной степени привлекал тот факт, что присоединение суффикса -ся к основе глагола оказывает влияние не только на сочетаемость возвратной формы глагола с тем или иным кругом приставок, но изменяет и функцию префикса в том случае, если формально он остается тем же. Например, в работе А. А. Спагис⁷⁾ отмечается корреляция: *будоражить(ся)* — *взбудоражиться*, *пениться* — *вспениться*, в работе И. П. Мучника *бунтоваться* — *взбунтовать(ся)*, *волноваться* — *взволноваться* и др.

Однако нетрудно видеть, что в приставочном глаголе без -ся приставка имеет значение результата, достигнутого в процессе целенаправленной деятельности, а в глаголах с -ся — значение начала определенного состояния. В анализе конкретных явлений авторы обнаруживают явную непоследовательность, произвольно признавая или не признавая способность глаголов к образованию корреляций. Например, в указанной работе А. А. Спагис находим допустимую корреляцию — *веселить* — *развеселить* и это как-будто не вызывает возражений), но почему в таком случае не признается корреляция *веселиться* — *развеселиться* (Молодежь веселится), не потому ли, что здесь отчетливо осознается значение начинательности? Непонятно, почему за глаголом *вести* не признается способности к образованию корреляции (*повести* — деривация), а за глаголом *повестись* (Так ведется (повелось) истари) признается; разве начинательность и в этом случае не осознается? Глагол *гноить* в соответствии с истолкованием А. А. Спагис образует видовую пару *сгноить*, а глагол *гноиться* такой пары не имеет, но если использовать форму *загноиться* (с явно начинательным значением приставки *за-*) будет ли оппозиция *гноиться* — *загноиться* чем-либо отличаться от оппозиции *кипеть* — *закипеть*? Таких отличий, по-видимому, обнаружить не удастся даже при самом строгом анализе.

Число примеров непоследовательности в попытках установить коррелятивные ряды (и даже назвать их точное число) можно было бы легко умножить. Однако и без этого ясно, что теория «пустых» приставок нуждается в дальнейшем усовершенствовании.

7) Спагис А. А. Цит. раб., стр. 75.

О. И. БЛИНОВА

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о типах лексических различий диалектного языка важен не только для глубоко научного понимания особенностей диалектной лексической системы, но и для правильного представления о характере единства диалектного языка и его месте в системе национального языка.

Типология диалектных лексических различий русского языка привлекала внимание ряда исследователей¹⁾. Наиболее полно, с учетом последних достижений лексикологии она разработана Р. И. Аванесовым и Л. П. Жуковской²⁾. Принципиальное значение в теории диалектных лексических различий Р. И. Аванесова и Л. П. Жуковской имеет допустимость положительного решения спорной проблемы: считать ли возможным перенесение учения о различных явлениях лексикологии — синонимии, омонимии, варьировании слова — с внутрисистемных отношений (система литературного языка или отдельного говора) на межсистемные отношения (система диалектного языка как целого). Допустимость положительного решения этой проблемы покоится, во-первых, на том, что «отдельные диалекты русского языка не образуют замкнутых в себе систем, а входят в состав более общей и сложной системы частных диалектных систем»³⁾, во-вторых, на строгом разграничении внутрисистемных (однодиалектных) и межсистемных (разнодиалектных) синонимических, вариантных и других соотношений слов.

Типология диалектных лексических различий Р. И. Аванесова и Л. П. Жуковской отличается полнотой и глубиной разработки еще и потому, что диалектные лексические различия проанализированы в системе других диалектных различий русского языка — различий фонетических, морфологических, синтаксических.

В представленной типологии четко разграничены непротивопоставленные (А) и противопоставленные (Б) лексические диалектные различия в зависимости от того, отсутствуют или наличествуют в разных диалектных системах взаимно-эквивалентные языковые факты⁴⁾. При

¹⁾ Филин Ф. П. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов. сб. «Вопросы славянского языкознания», кн. I, Львов, 1948, стр. 221—225; Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова, Вопросы изучения диалектов языков народов СССР, ВЯ, 1953, № 5, стр. 43—45; Л. П. Жуковская, Типы лексических различий в диалектах русского языка, ВЯ, 1957, № 3, стр. 102—111; и некот. др.

²⁾ Вопросы теории лингвистической географии, изд. АН СССР, М., 1962, стр. 147—174.

³⁾ Там же, стр. 150.

⁴⁾ Там же, стр. 152—153.

выделении видов противопоставленных лексических различий выдержаны единые принципы.

Наряду с отмеченными достоинствами рассматриваемая типология диалектных лексических различий русского языка имеет некоторые недостатки. Прежде всего представляется неудачным понятие общности, которое положено в основу классификации противопоставленных различий. Неудачным оно представляется потому, что допускает возможность двоякого его понимания или толкования. Так, и в схеме, и в комментариях к ней в одних случаях под общностью семантической или материальной разумеется полное совпадение или семантики слов (Б I — *петух: кочет*), или фонемного состава слов (см. Б II 1а — *кут 'угол в доме': кут 'лавка': кут 'зуб'*; Б II 1б — *жито 'ячмень': жито 'рожь' (вообще): жито 'рожь на корню': жито 'рожь в зерне'*), или корневой морфемы слова (см. Б III — *косье: окосье*). В других случаях под общностью (материальной) понимается неполное совпадение звуковой оболочки слов (см. Б II 2а — *туца: туца*; Б II 2 б — *острый: вострый*; Б III 3 — *мышь: мыша, свекровь: свекрова*). Вопрос же о полном или неполном совпадении семантики слов или их фонемного состава является принципиально важным не только в определении видов диалектных лексических противопоставлений, но и в определении того, чем являются противопоставленные лексические единицы: разными словами или вариантами одного и того же слова.

Таким образом, возможность двоякого понимания материальной или семантической общности слов лишает необходимой четкости классификацию противопоставленных лексических различий.

Далее. Избранный принцип классификации противопоставленных лексических различий, имея ряд преимуществ, не предусматривает последовательного разграничения противопоставлений разных слов и вариантов одного и того же слова. Согласно избранному принципу классификации противопоставленные слова и варианты слов то разграничены (Б I и Б II 2, Б II 3, Б III), то объединены в один подтип (Б II 1), с другой стороны — различные варианты одного слова выделены в разные подтипы (Б II 3 и Б III).

Целиком и полностью принимая теоретические предпосылки, лёгшие в основу рассматриваемой разработки типологии диалектных лексических различий, учитывая деление лексических различий на непротивопоставленные (А) и противопоставленные (Б), автор настоящей статьи предлагает иной принцип классификации противопоставленных лексических различий, основываясь на строгом и последовательном разграничении противопоставлений **разных слов** и **вариантов одного и того же слова** (см. схему на стр. 13).

Противопоставленные лексические различия в связи с этим делятся на **собственно лексические** (Б I) и **вариантные** (Б II).

Собственно лексические диалектные различия основаны на противопоставленности разных слов, имеющих или тождественную семантику при отсутствии общности в звуковой оболочке (Б I 2), или тождественную звуковую оболочку при отсутствии общности в семантике (Б I 1).

Собственно лексические различия первого рода (противопоставления на основе семантического тождества) составляют слова, являющиеся разнодиалектными синонимами (абсолютными) типа *волк: бирюк, коваль: кузнёц, гнёт: бастрёк: хлуд, больной: хворый, вялый: квёлый, говорить: баить, шишковать: орешничать, красиво: баско* и т. п.

Собственно лексические различия второго рода (противопоставления на основе материального тождества) составляют слова, являющиеся

разнодиалектными омонимами типа *берлінка* (сорт картофеля): *берлінка* (кокетка у кофты), *поярка* (шерсть молодой овцы): *поярка* (работница, которая поит скот), *бот* (долблёная лодка): *бот* (ботва): *бот* (орудие кедрового промысла): *бот* (колокольчик на шее животных), *пахать* (обрабатывать землю плугом): *пахать* (подметать пол), *бáчить* (смотреть): *бáчить* (говорить).

Вариантные диалектные различия основаны на противопоставленности вариантных образований одного и того же слова. Они делятся на две группы в зависимости от того, что лежит в основе противопоставления вариантов слова: семантическое тождество или тождество материальное, фонетическое.

На основе фонетического тождества при некотором различии в значении противопоставляются разнодиалектные **лексико-семантические варианты слова** (Б II 2): *кошенйна* (скошенная трава): *кошенйна* (луг после покоса), *столёшница* (крышка стола): *столёшница* (скатерть), *морбзый* (с морозом): *морбзый* (холодный), *бурóбить* (нарушать гладь водной поверхности, снежного покрова): *бурóбить* (говорить вздор, лгать), *взревёт* (закричать): *взревёт* (позвать с близкого расстояния).

На основе семантического тождества при некотором различии в фонетической или морфологической характеристиках противопоставляются разнодиалектные **фоно-морфологические варианты слова** (Б III), которые представлены **фонетическими** (Б III а) и **морфологическими** (Б III б) вариантными образованиями.

Противопоставленные фонетические варианты слов бывают двух видов: **акцентологические** (Б II 1а а), различающиеся местом ударения, и **фонематические** (Б II 1а в), различающиеся фонемами.

Примеры акцентологических различий: *мóрмыш*: *мормыш*, *вёрба*: *верба*, *кйслица*: *кислиця*, *болóбистый*: *болотистый*, *коно́пляный*: *конопляный*, *бáско*: *баско*, *стра́шно*: *страшно*, *сысподи*: *сысподи*, *бо́тать*: *ботать*, *пролётовать*: *пролетовать*.

Примеры фонематических различий: *лйвень*: *лёвень*, *сосёд*: *сусёд*, *просто́кйша*: *присто́кйша*, *бо́мба*: *бонба*, *тёсто*: *кёсто*, *па́смурный*: *пахмурный*, *промышля́ть*: *промушлять*, *откёль*: *откуль*.

Противопоставленные морфологические варианты слов известны двух видов: **грамматические** (Б II 1 б а), различающиеся грамматическими характеристиками, и **словообразовательные** (Б II 1 б в), различающиеся словообразовательными аффиксами.

Грамматически вариантные противопоставления специфичны для каждой части речи. Так, в области имён существительных грамматически вариантные образования слова противопоставляются по родовому значению (*кедр*: *кедра́*: *кедрó*, *пасм*: *пáсма*: *пáсмо*, *крыльцо́*: *крылёц*, *полотёнце*: *полотёнец*, *istöк*: *istöка*, *istöпель*: *istöпля*: *istöпле*, *аппетй́т*: *аппетйта*), по категории числа (*снóвка*: *снóвки*, *крóсна*: *крóсны*, *слйвки*: *слйвок*), по типу склонения (*цёрковь*: *цёрква*, *мо́рковь*: *мо́рква*, *жизнь*: *жйзня*, *болёзнь*: *болёзня*, *свекро́вь*: *свекро́ва*).

В области имен прилагательных противопоставление грамматических вариантов слова возникает за счет принадлежности их к мягкой или твёрдой разновидности склонения (*да́льний*: *да́льный*, *блйжний*: *блйжний*, *вёрхний*: *вёрхный*, *нйжний*: *нйжный*, *лётошний*: *лётошный*).

В области глагола противопоставляются грамматические варианты слов, относящиеся к разным глагольным классам. Так, в одних говорах русского языка глагол *бреха́ть* по соотношению основ (*бреха́ть* — *бреха́ю*) относится к первому продуктивному классу, в других говорах (*бреха́ть* — *брешу́*) — к непродуктивному классу. То же характеризует

и такие глаголы, как *махать* (*махáю* и *машу́*), *полоскать* (*полоска́ю* и *полощу́*) и др.

Противопоставленные словообразовательные варианты слова также специфичны для каждой части речи, что обусловлено спецификой арсенала словообразовательных аффиксов и моделей, свойственных каждой части речи. Так, например, в области имён существительных значительно преобладают над другими вариантами (префиксального и суффиксально-префиксального типа) варианты суффиксального типа: *пряха: пря́ля: пря́льня: пря́лка, медведи́ца: медве́жиха: медведи́ца, голу́бка: голу́йга: голу́йца: голу́бника: голу́бянка, кедро́вник: кеде́рник: кедрáч, мя́лка: мя́льница, ды́мник: дыма́рь*. То же наблюдается у имён прилагательных: *бревённый: бревёнчатый, блестя́щий: блестя́щий, стира́льный: стира́тельный* и т. д.

В области глагола значительную часть противопоставлений составляют словообразовательные варианты префиксального типа: *прилома́ть: перелома́ть, припо́ртить: перепóртить, припо́лоть: перепóлоть, признако́миться: поэзнако́миться, спрóбовать: поспрóбовать, зачина́ть: начина́ть* и мн. др.

Предложенная схема противопоставленных лексических различий в системе диалектного языка безусловно не исчерпывает всего того многообразия языковых противопоставлений, которые свойственны диалектному языку как целому. Так, данная схема не отражает, хотя и не исключает, разного рода переходные или смешанные случаи противопоставлений типа *бот: боту́шка, черпа́к: черпу́шка, погребо́к: погребу́шка*, представляющих собой противопоставления грамматико-словообразовательные (поскольку межсистемные варианты, слова различаются и грамматически и суффиксально).

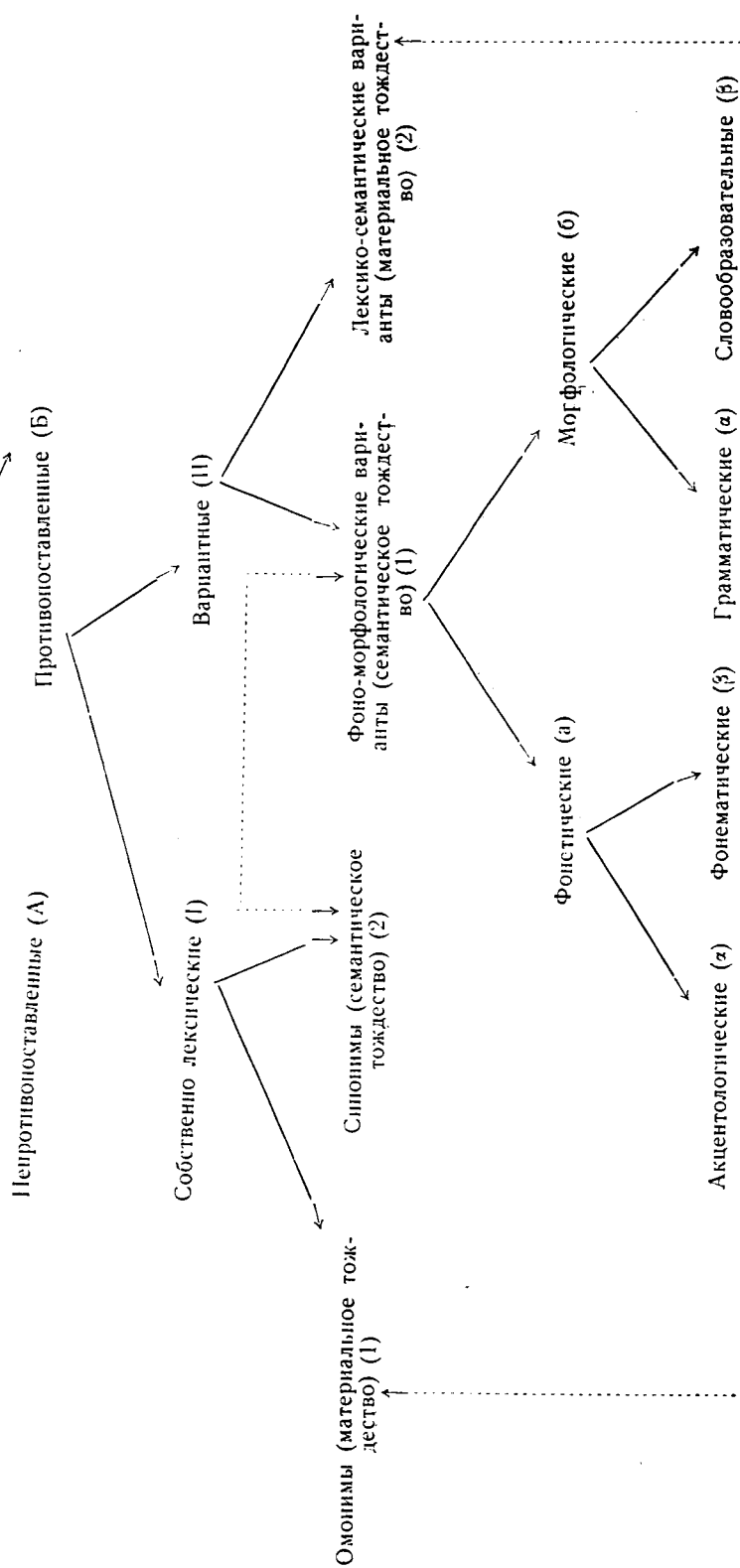
Предложенная схема типов лексических различий диалектного языка, как, впрочем, и любая из схем, может служить лишь остовом, скелетом, костяком реальной картины действительной непротивопоставленности или противопоставленности разнообразных и многочисленных языковых фактов.

Анализ диалектных лексических различий с учетом проблем «отдельности слова» и «тождества слова» имеет свои преимущества. Результаты такого анализа, например, позволяют наглядно и выпукло на материале лексических различий показать единство диалектного языка: собственно лексические диалектные различия, основанные на противопоставлении разных слов, теряются в массе вариантных различий, основанных на противопоставлении вариантных образований одного и того же слова.

Далее, строгое разграничение противопоставлений разных слов и вариантов одного и того же слова позволяет отразить в схеме связь омонимии и синонимии с основными видами варьирования слова: фоно-морфологическим и лексико-семантическим. Эта связь, как известно, проявляется в том, что омонимия является пределом лексико-семантического варьирования слова, а синонимия — пределом фоно-морфологического варьирования слова. На схеме показано, что в случае распада лексико-семантической вариантности слова пополняется класс омонимов диалектного языка. В случае же распада фоно-морфологической вариантности слова пополняется класс синонимов диалектного языка. Последнее, в свою очередь, приводит к некоторому перераспределению в противопоставлениях языковых фактов.

Следует подчеркнуть, что типология диалектных лексических различий (в каких бы вариантах она ни создавалась исследователями)

Диалектные лексические различия

в течение длительного периода времени остается мало или почти неизменяемой категорией. Изменчивым, непостоянным является ее «содержание» — тот языковой материал, который составляет типы лексических различий диалектного языка. В системе диалектного языка постоянно действуют процессы, приводящие к возникновению лексем, которые либо составляют новые языковые противопоставления, либо разрушают ранее существовавшие.

Обратимся к примерам.

Большое количество диалектных противопоставлений создают межсистемные лексико-фонетические варианты слова, которые порождаются действием разного рода процессов и закономерностей: фонетических (*опять: опётъ, аспирин: испирин, кувийн: кукишин, жизнь: жистъ*), морфологических (*муравейный: мурашённый, пропадина: пропастина, скорлупа: скорлуха*), семантических (*лечь: лёнь, бастрёк: вострёк, дипломат: тепломат, вертолёт: верхолёт, глюкоза: вликоза*)⁵). Причем, значительное число лексико-фонетических вариантов слова возникло в последние десятилетия в связи с утратой ряда фонетических явлений диалектного языка (что привело к их лексикализации), в связи с освоением иноязычных слов, широким потоком хлынувших в словарный состав диалектов, и т. д.

Большое количество диалектных противопоставлений образуют межсистемные морфологические варианты слова, не столько грамматические (*литр: лётра, жизнь: жёнзя, идти: идтёть*), сколько словообразовательные (*гусиха: гусица, высадка: садёвка, спекулировать: спекуляничать*)⁶), которые так же составляют довольно продуктивную категорию в современных диалектах.

Меньшее количество диалектных противопоставлений среди вариантов составляют межсистемные лексико-семантические варианты слова, которые возникают в результате развития разного рода переносных значений (*мочаг — 'непросыхающее болото': мочаг — 'впадина с водой от дождей или разлива'; чашка — 'сосуд для питья': чашка — 'надколенная кость': чашка — 'воронка в реке'*)⁷).

Рост диалектных противопоставлений наблюдается и среди слов, составляющих собственно-лексические различия.

Так, класс межсистемных омонимов диалектного языка продолжает пополняться, причём не столько за счёт заимствований из разных источников, совпавших в своем звучании, сколько за счет совпадения образований от одного корня или от разных корней (*зимник — 'животное, родившееся зимой': зимник — 'дорога, проезжая только в зимнее время'; поперёчник — 'поперечный ремень у шлеи': поперёчник — 'человек, любящий возражать, перечить'*), а также за счет распада лекси-

⁵) Подробнее об этом см. в статье автора «Лексико-фонетическое варьирование слова в диалектах», стр. 17—33 настоящего сборника.

⁶) Соколов О. М. Морфологически варианты глаголы в старожильческих говорах Томской области (к вопросу о словообразовании и формообразовании диалектного глагола). «Материалы 3-й зональной конференции кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока», Красноярск, 1958; Он же. Об условиях возникновения морфологически вариантов глаголов в старожильческих говорах Томской области, «Ученые записки Томского университета», т. 39, 1959; статья автора «Заметки о морфологическом варьировании имён существительных в говорах (на материале старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби)», «Вопросы русского языка», изд. ТГУ, 1965.

⁷) См. в статье Блиновой О. И. и Арьяновой В. Г. «К вопросу о лексико-семантическом варьировании слова и омонимии в говорах (на материале имён существительных старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби)», «Вопросы русского языка», изд. ТГУ, 1965.

ко-семантических вариантов слова (*бор* — 'всякий густой лес, не только хвойный': *бор* — 'возвышенное место'; *строга́* — 'острога': *строга́* — 'насекомое слепень')⁸⁾.

Класс разнодиалектных синонимов продолжает расти за счет взаимодействия говоров и литературного языка (*допрѣжь*: *раньше*, *дѹжить*: *выдѣрживать*, *добролюбчивый*: *привѣтливый*), 'говоров и языков местных народностей (*кедрѡвка*: *клѣвка*: *орѣшница*: *ка́зара* в знач. птица 'ореховка')⁹⁾, реже за счет распада морфологических вариантов слова (после распада вариантной пары *дича́ть*: *дикова́ть* образовалось синонимическое противопоставление *дикова́ть*: *безобра́зничать*; после распада вариантной пары *ѹмничать*: *ѹмствова́ть* образовалось противопоставление *ѹмствова́ть*: *дума́ть*)¹⁰⁾ и распада лексико-фонетических вариантов слова (в результате расхождения в значениях произошел распад вариантной пары *се́верный*: *си́верный*, после чего образовалось новое, но уже не вариантное, а синонимическое противопоставление *си́верный*: *ве́трeный*).

Пополняется число компонентов, составляющих и непротивопоставленные лексические различия. Осуществляется это за счет возникновения слов, порожденных необходимостью обозначить этнографические и природные особенности той или иной местности (*бахы́лы* — 'легкие рабочие сапоги', *борча́тка* — 'верхняя теплая одежда, сшитая со сборками', *дуба́с* — 'женская широкая одежда из белого холста', *голея́* — 'безлесное болотистое место', *болотня́к* — 'лес на болоте' и т. п.), за счет слов, связанных с детализацией названий (*вечѣрочник* — 'молоко вечернего удоя', *двойча́тка* — 'раздвоенное дерево', *дурни́на* — 'дудковатая трава, негодная для корма скота', *грѣшевище* — 'поле, с которого убрана гречиха'), за счет слов, порожденных необходимостью в обозначении отдельных понятий, которые в других говорах и в литературном языке передаются описательно (*годова́ть* — 'существовать, жить в течение года', *блезирничать* — 'поступать неискренне', *бы́гать* — 'сохнуть на ветру', *горлы́стый* — 'имеющий большое горло' (о посуде), *ба́рма* — 'неясно говорящий человек', *гоноши́ться* — 'хлопотливо заниматься мелкими хозяйственными делами'). Среди таких слов заметное место занимают слова, эмоционально окрашенные (*абы́з* — 'сердитый человек', *доса́дник* — 'человек, причиняющий неприятности, упрямый, навязчивый', *гу́жеэд* — презрительная кличка ямщика, *во́шка́ться* — 'долго продолжительно заниматься чем-либо', *втѹмиться* — 'прийти в голову', *боти́нчишки* — уничижительно к *боти́нки*).

Параллельно росту языковой противопоставленности или непротивопоставленности в системе диалектного языка идет процесс распада названных явлений. Он осуществляется за счет проникновения в говоры слов литературного языка с последующим вытеснением диалектных слов и диалектных вариантов слова, за счет распада вариантности сло-

⁸⁾ См. в статье Блиновой О. И. и Арьяновой В. Г. «К вопросу о лексико-семантическом варьировании слова и омонимии в говорах (на материале имен существительных старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби)», «Вопросы русского языка», изд. ТГУ, 1966.

⁹⁾ См. статью автора «О явлениях синонимии в терминологической лексике старожильческих говоров средней части Обского бассейна», «Труды пятой зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири», Новокузнецк, 1962, стр. 144—160.

¹⁰⁾ Соколов О. М. О морфологической синонимике как пределе морфологического варьирования слова и о некоторых явлениях распада вариантности слова, «Ученые записки Томского госуниверситета», т. 39, 1959, стр. 87—100.

ва, далеко не всегда приводящей к образованию новых противопоставлений (например, распад вариантной пары *пóмощь*: *пóмочь* в результате дифференциации их значения (*пóмочь* — коллективная помощь в работе за угощение) не привел к образованию новых противопоставлений), за счет исчезновения соответствующих обозначаемых реалий.

Специальные исследования должны ответить на вопрос, в пользу каких видов лексических различий диалектного языка работает время.

Несомненно одно, что распад диалектных противопоставлений постоянно увеличивает общенародный лексический пласт, служащий в системе диалектного языка фоном, на котором выделяются его лексические различия.

Априори можно утверждать, что в группе слов, составляющих собственно лексические различия, вряд ли рост языковых противопоставлений превышает их распад.

Вопрос о типах диалектных лексических различий нуждается в тщательном изучении всех видов лексических различий, включая переходные, смешанные, однопланные, многопланые и т. д., нуждается в выявлении причин и условий возникновения слов, составляющих противопоставленные и особенно непротивопоставленные лексические различия, в выяснении характера функционирования таких слов в системе диалектного языка, в определении процессов, сопровождающих развитие и изменение типологии лексических различий в диалектах в разные периоды истории русского языка.

О. И. БЛИНОВА

ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА В ДИАЛЕКТАХ

Проблема варьирования слова заслуживает самого пристального внимания. Варьирование слова без преувеличения можно назвать барометром многих языковых явлений, а варианты слова — его ртутным столбиком, который чутко реагирует на различные изменения в языке, отражает появление нового и отмирание старого, фиксирует закономерности в развитии языка. Путь к решению проблемы варьирования слова в целом лежит через исследования различных видов варьирования в системе всех разновидностей национального языка.

Данная статья посвящена одному из видов варьирования слова — лексико-фонетическому варьированию в системе русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби¹⁾.

До недавнего времени, пока шел сбор диалектного материала и пока лексикологические исследования на диалектном материале были малочисленными, местные слова с лексикализованными фонетическими особенностями (лексико-фонетические варианты общенародных слов) почти не привлекали внимания лингвистов. Происходило это, видимо, потому, что сугубо частными, сугубо индивидуальными казались те звуковые особенности, которыми отличались диалектные слова от литературных. В лучшем случае такие слова приводились, изредка объяснялись в исследованиях по фонетике русских говоров.

Впервые лексико-фонетическое варьирование слова в диалектном языке получило научно-теоретическое обоснование в работе проф. А. И. Смирницкого «К вопросу о слове (проблема «тождества слова»)²⁾, где не только определены сущность лексико-фонетического варьирования слова и его границы, но и положительно решен вопрос о возможности считать вариантами слова лексемы, функционирующие в разных говорах.

Дальнейшее творческое развитие вопросы лексико-фонетического варьирования слова (на материале литературного языка) получили в трудах проф. О. С. Ахмановой. В статье «О фонетических и морфологических вариантах слова»³⁾ рассмотрен характер и границы фонетиче-

¹⁾ В статье использованы материалы «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» в 3-х томах (1964—1966 гг.) и «Словарь некоторых иноязычных слов в говорах средней части бассейна р. Оби» В. В. Палагиной, помещенный в данном сборнике.

²⁾ Труды института языкознания АН СССР, т. IV, 1954, стр. 3—49.

³⁾ Сб. Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию, М., 1956, стр. 42—59.

ского и морфологического варьирования слова, в «Очерках по общей и русской лексикологии» (М., 1957) представлена классификация фонетических вариантов, выявлены основные тенденции в их развитии.

В коллективном труде «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962) на основе привлечения богатого диалектного материала сделан серьезный шаг вперед в развитии теории лексико-фонетического варьирования слова: уточнены границы фонетического варьирования, поставлен вопрос о причинах возникновения фонетических вариантов.

В настоящей статье делается попытка выявить типы лексико-фонетических вариантов слова и некоторые закономерности их возникновения в говорах.

Лексико-фонетическое варьирование слова, как известно, составляют такие видоизменения его звуковой оболочки, которые не влекут за собой никаких других изменений (семантических, морфологических). Лексико-фонетическое варьирование слова не создают те видоизменения звуковой оболочки, которые предопределяются особенностями фонетической системы говора, например, оканьем, еканьем и другими явлениями, ибо «такие различия... относятся не к отдельным словам, а к известным... фонетическим их разрядам, и воспринимаются уже скорее не как различия между вариантами слов, а как различия в общем характере речи»⁴), т. е. являются не лексическими, а собственно фонетическими различиями.

Лексико-фонетические варианты слова делятся на фонематические варианты, различающиеся качеством или количеством фонем (при неизменном ударении), и акцентологические, — различающиеся местом ударения.

ФОНЕМАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ СЛОВА

Фонематические варианты слова в исследуемых говорах представлены самыми разнообразными типами, которые можно объединить в следующие основные группы: 1) варианты слова, различающиеся гласными фонемами, 2) варианты слова, различающиеся согласными фонемами, 3) варианты слова, различающиеся гласными и согласными фонемами одновременно и 4) варианты слова, различающиеся порядком следования фонем.

1. Варианты слова, различающиеся гласными фонемами

Варианты слова, различающиеся гласными фонемами, разнородны: они могут различаться качеством ударных (а) и безударных (б) фонем и количеством их (в).

а) Фонематически варианты слова в исследуемых говорах варьируются за счет следующих ударных гласных фонем: Е—О, А—О, А—Е, А—Ы, О—Ы, У—Е, О—У и У—Ы. Причем, наибольшее количество вариантов различают только первые четыре пары фонем, остальные — представлены в редких вариантных образованиях: *когда́: когды́, куда́: куды́, тогда́: тогды́, вспы́рхнуть: вспы́рхнутъ, ны́нешний: ны́нешний, отку́да: отке́да, отку́ль: отке́ль, поку́ль: покёль, ро́хлый: ру́хлый, бу́дто: бы́дто, слух́: слых́, каблуќ: каблыќ*⁵).

⁴) Смирницкий А. И. К вопросу о слове. Стр. 30.

⁵) Значок двоеточия указывает на то, что приводимые варианты слова отмечены в разных говорах.

Варианты слов, различающиеся ударными Е—О, представляют собой отражение некогда действовавшей в древнерусском языке закономерности — перехода Е в О в положении после мягкого согласного перед твердым: *берёщаный: берёщаный⁶⁾, квёлый: квёлый, клец: клёц, лёжень: лёжень, мерёжа: мерёжа, нёбо: нёбо, нерст: нёрст, перст: пёрст, пусто-плёс: пустоплёс, рукотёрник: рукотёрник*. В редких случаях в О перешел гласный, восходящий к древнему «ять»: *бледный: блёдный, задев: задёв*, что не являлось фонетической закономерностью ни в древнерусском языке, ни в говорах. Отмечены случаи перехода Е в О и перед мягким согласным: *берёстина: берёстина, грабёльный: грабёльный, ква-шённик: квашонник, клепённый: клепённый, мётчик: мётчик*, что можно объяснить действием аналогии. Вариантная пара *брёдень: брөдень* возникла, очевидно, как результат образования от разных глагольных основ (*брести, бродить*). Остается неясным происхождение варианта *одёнье* у слова *одёнье*.

Варианты слова, различающиеся ударными гласными И—Е, имеют разное происхождение.

Вариантные пары с соотношением Е—И малочисленны: *есть: исть, поесть: поить, съесть: съисть, север: сйвер, северный: сйверный, клёвер: клйвер, фёрма: фйрма*. Варианты слов *есть* и *север*⁷⁾ и их производных отражают действовавшую в русских говорах закономерность перехода ударного Е на месте древнего «ять» в И. Причины возникновения вариантов у иноязычных слов *клёвер: клйвер, фёрма: фйрма* не ясны.

Вариантные пары с соотношением ударных Е—И составляют большую группу. Среди них имеются варианты исконно русских слов: *ботй-ночки: ботёночки, льнь: лёнь, лйвень: лёвень, набйлка: набёлка* и варианты заимствованных слов: *алюмйневый: алюмёневый, дифтерйя: дифте-рёя, квартйра: квартёра, малярйя: малярёя, мундйр: мундёр, партийный: партёйный* и др.

Выявление причин возникновения названных вариантов представляется весьма сложным. С одной стороны, напрашивается вывод о том, что все они или большинство их представляют собой порождение определенного явления, видимо, имевшего место в диалектах русского языка, — явления перехода ударного И в Е. В обоснование такого предположения можно привести дополнительные примеры, где переход И в Е произошел в составе аффиксальных морфем, что породило морфологические варианты: *заговорйть: заговорётъ, посолйли: посолёли, растопй-лась: растопёлась, учйлись: учёлись, вершйльщик: вершёлщик, зубрйль-щик: зубрёльщик, копнйльщик: копнёльщик, косйльщик: косёлщик* и др. (Ср. «И приближается к Е: Бейск» — Томский округ⁸⁾). Если существовала такая закономерность, то каков был ее характер? Могла ли она быть фонетической, если переход И в Е затронул не только корневые морфемы, но и аффиксальные, причем как именные, так и глагольные? Могла ли она быть фонетической, если условия перехода И в Е были столь неопределенны: в корневых морфемах он наблюдался и перед мягким согласным (*льнь: лёнь, люмйневый: люмёневый*), и перед твердым согласным (*набйлка: набёлка, квартйра: квартёра*) и перед «йотом» (*Марйя: Марёя, Росйя: Росёя, малярйя: малярёя*), а в аффик-

⁶⁾ В сибирских говорах долгая шипящая фонема — твердая:

⁷⁾ Вариантные пары *север: сйвер, северный: сйверный* во многих сибирских говорах распались в результате дифференциации их по значению.

⁸⁾ Ламанский В. И. Говор южной части Томского округа Томской губернии. «Живая старина», 1895, в. 3—4, стр. 416.

сальных морфемах не только перед согласным (мягким или твердым), но и в абсолютном конце слова? Если закономерность перехода И в Е имела фонетико-морфологический характер, то почему она охватывала и корневые морфемы?

С другой стороны, возникновение ряда фонетических вариантов с ударным Е можно объяснить и другими причинами. Так варианты слова *брить* и его производных могли появиться как результат обобщения гласной основы настоящего времени (*брёу — бреть*): вариант слова *лень* — *лень* мог возникнуть как результат ложной этимологии (ср. объяснение названия рыбы в с. Городище Парабельского р-на Томской обл.: «Лень — такая рыба ленивая, в озерах живет; форма такая, как язь, тожа чешуи у ней нет, вот и зовут лени — ленивые шибко»); *мундёр*, по свидетельству «Этимологического словаря» А. Преображенского, пришел в диалекты из солдатского аргю (ср. *офицёр, командёр*); слово *квартира*, заимствованное в XVIII в. из немецкого языка (*quartier*) через посредство французского (*quartier*)⁹, могло войти во французской огласовке сначала в городское просторечие, а затем в диалекты; что же касается вариантов типа *малярёя* (Ср. *Клавдёя, Марёя, Расёя*), то их появление вполне закономерно, если учесть, что конечное ударяемое — *ия* почти не свойственно русскому языку (слова с конечным ударяемым — *ия* составляет около 4% из общего числа в 1360 слов)¹⁰ и являются, как правило, научными терминами, неизвестными в диалектах), в то время как конечное — *ея* никогда не бывает безударным (*аллея, бумазёя, батарея* и др.).

Вариантные пары, различающиеся ударными А—О, более свойственны глагольной лексике и реже встречаются у имен существительных: *вышáгивать: вышóгивать, замáран: замóран, намáзываться: намóзываться, намáтывать: намóтывать, натрáпить: натрóпить, отлáмывать: отлóмывать, подсáвывать: подсóвывать, ухабáрить: ухабóрить, зябелъ: зéбелъ, пáкость: пóкасть, сарáнка: сарóнка* (Ср.: праздник, прозdnик — Томская губ.)¹¹).

Чередование подударных О || А в корнях основ глагола несовершенного вида известно в системе современного литературного языка. Исторически оно восходит к эпохе индоевропейского единства, где в корневых морфемах слов долгие гласные могли чередоваться с краткими гласными (ā || a). Остается неясным, чем вызвано появление вариантов с ударным О у существительных *зйбелъ, пáкость, прáздник*.

Малочисленные варианты образования, различающиеся ударяемыми А—Е, имеют разное происхождение. Если фонетические различия вариантной пары *задáрживать: задёрживать* «восходят к праславянской эпохе»¹²), то различия пар *опáть: опётъ, связь: свезь*, отражают действующую в северновеликорусских говорах (и утраченную во многих сибирских) закономерность перехода подударного А в Е в положении между мягкими согласными. Происхождение вариантной пары *ожáлить: ожёлить* неясно.

б) Среди вариантных пар, различающихся качеством безударных фонем, имеются слова, варьирующиеся за счет различных явлений абсолютного начала слова.

⁹ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

¹⁰ Подсчет произведен на основе данных, взятых из «Обратного словаря русского языка». Бильфельдта (Берлин, 1958).

¹¹ Семенов В. Некоторые слова и выражения, записанные в Томской губернии. «Живая старина», 1903, в IV, стр. 498.

¹² Вопросы теории лингвистической географии. Стр. 164.

Так многие варианты слов отражают известный в говорах Сибири переход начального О в И (ныне исчезающий как фонетическая черта): *обиходный*: *ибиходный*, *обласйшко*: *ибласйшко*, *обласок*: *ибласок*, *оболокаться*: *иболокаться*, *оболочься*: *иболочься*, *обтяжной*: *ибтяжной*, *огромадный*: *игромадный*, *огурчийски*: *игурчийски*, *однолично*: *иднолично*, *одноstopка*: *идноstopка* и под.¹³⁾. Причем, эта закономерность нашла отражение и в иноязычных словах с начальным А, поскольку в акающих говорах начальное О и А совпадают часто в варианте А: *америкánка*: *имерикánка*, *апетит*: *ипетит*, *аспирин*: *испирин*, *агрóном*: *игронóm*, *анулировать*: *инулировать*.

С особенностями усвоения гласных абсолютного начала иноязычных слов связаны такие вариантные пары как *инвалидный*: *анвалидный*, *инженёр*: *анженёр*, *интерес*: *антерес*, *интересный*: *антересный*, *интеллигент*: *антеллигент*, в которых А, видимо, являет собой более яркий признак иноязычности, чем И, такие, как *электричество*: *алектричество*, *эшелон*: *ашелон*, в которых столь «свободное» употребление начальных Э и А может быть объяснено тем, что оба гласных одинаково чужды абсолютному началу слов русского языка, чему дополнительное свидетельство вариантных слов с начальным Э: *эроплан*: *ероплан*, *эшафот*: *ешафот* (ср.: *энтот*: *энтот*, *этот*: *этот*).

Не меньший интерес представляют вариантные пары, различающиеся неначальными безударными гласными.

Ряд фонематических вариантов возник в результате огубления гласных О и Ы в предударном или заударном слогах: *бодать*: *будать*, *забостй*: *забустй*, *морбшка*: *мурбшка*, *настрогать*: *настругать*, *сосед*: *сусед*, *соседка*: *суседка*, *дóктор*: *дóхтур*, *обротъ*: *обрутъ*, *околи*: *окули*, *бывать*: *бувать*, *добывать*: *добувать*, *забывать*: *забувать*, *прибывать*: *прибувать*.

Изредка огублению подвергается и гласный А, обычно под влиянием губного согласного: *браслёт*: *бруслёт*, *бармить*: *бурмить*, *баерак*: *буррак*¹⁴⁾, *байрак*: *буйрак*, *малёк*: *мулёк*, *салтафан*: *салтуфан*, *лабаз*: *лабуз*.

Часть диалектных фонетических вариантов связана с отражением сингармонизма: *бальзамин*: *бильзимин*, *босиком*: *бисиком*, *Валентина*: *Вилинтина*, *голубица*: *гулубица*, *голубой*: *гулубой*, *кустюм*: *кустюм*, *малированный*: *милированный*, *мужичок*: *мужучок*, *нобилизовать*: *нибилизовать*, *прутужальник*: *прутужальник*, *поднимать*: *пиднимать*, *простокйша*: *пристокйша*, *проявиться*: *приивиться*, *радикулит*: *ридикулит*, *санитарный*: *синитарный*, *сантиметр*: *синтиметр*, *сатинет*: *ситинет*, *сумашедший*: *самашедший*, — явления, которое охватило как слова иноязычного, так и русского происхождения, явления, известного в говорах Восточной Сибири¹⁵⁾ и Урала¹⁶⁾.

в) Вариантные пары, различающиеся количеством гласных фонем, характеризуются соотношением гласный: ноль звука.

Прежде всего такое соотношение дают варианты иноязычных слов с начальными А и Э, которые не свойственны абсолютному началу исконно русских слов, почему во многих говорах и происходит их утрата: *аверьяновка*: *верьяновка*, *акушёрка*: *кушёрка*, *алебастр*: *лебастр*,

¹³⁾ Ср. в томских говорах XIX в.: «не итпевают, не итнимают, иднадомны, ихтябрь, изерки» (Ламанский В. И. Указ. соч. Стр. 416).

¹⁴⁾ В турецком *bağ* — «склон, бугор» («Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской).

¹⁵⁾ «Кипиратив». Георгиевский А. П. К изучению русских говоров по Московскому тракту в Забайкалье. «Записки Владивостокского отделения РГО», т. V, в. 22, 1930, стр. 184.

¹⁶⁾ «Бисиком». Агеева З. С. Акающие говоры Красноуфимского р-на Свердловской области (неопубл. канд. дисс.). Свердловск, 1954, стр. 51.

алимѐнты: лимѐнты, алюмѐневый: люмѐневый, америкáнка: мерикáнка, анатомѝровать: натомѝровать, анекдѝт: некдѝт, анулѝровать: нулѝровать, апендицѝт: пендицѝт, аракчѝнка: ракчѝнка, арендовáть: рендовáть, арестáнт: рестáнт, престовáть: рестовáть, арифмѝтика: рифмѝтика, асигнáция: сигнáция, аспарáгус: спарáгус, эвакуѝрованный: вакуѝрованный, эвакуѝроваться: вакуѝроваться, эконѝмить: конѝмить, электрѝчество: лектрѝчество, эмалирѝванный: малирѝванный, эмалирѝвка: малирѝвка, эспедѝция: спедѝция.

То же соотношение характеризует варианты иноязычных (реже исконно русских) слов с начальным О, поскольку в акающих сибирских говорах оно реализуется в А: обечáйка: бечáйка, одеколѝн: деколѝн, одеколѝниться: деколѝниться, одувáнчик: дувáнчик, оперáция: перáция.

В основном, только иноязычные слова в говорах имеют варианты с утратой одного из рядом стоящих гласных, утрата происходит по вполне понятным причинам: русскому языку, как правило, не свойственны сочетания гласных. Примеры таких вариантов: аукциѝнный: акциѝнный, аэроплáн: ероплáн, иордáнь: ирдáнь, леáндра: ляндра, люмѝнневый: люмѝневый, реактѝвный: рактѝвный.

Изредка этот процесс затрагивает и исконно русские слова, отражаясь в них и приводя к возникновению вариантности слова: *приобрести: прибрести, производить: призводить*.

Варианты слов *пѝвка, пѝвка, свѝзь: связь, хозѝева: хозѝа* утратили гласный после того, как произошло исчезновение интервокального йота в этих словах.

У исконно русских (или славянских) слов вариантные образования с соотношением *гласный: ноль звука* возникли или как результат контаминации: *громáдный: огромáдный* (из *огромный* и *громадный*), или как результат появления протетического О перед сонорным, которое с развитием аканья в говорах Сибири реализовалось в одних случаях в А: *лляной: алляной, ржаной: аржаной, ржанѝще: аржанѝще, репѝй: арепѝй*, в других случаях — в И согласно действовавшей закономерности перехода начального неударного О в И: *ржáвец: иржáвец, ржанѝще: иржанѝще, ржаной: иржаной, ржать: иржáть*.

Результат развития побочной слоговости сонорного Р в нормальный слог представляют такие варианты слов: *кейтр: кейтер, километр: киломѝтер, осѝтр: осѝтер*. Возникновение протетического гласного в соседстве с плавным и губным привело к появлению таких вариантов, как *длиná, далиná, пшени́ца: пашени́ца, пшени́чный: пашени́чный, пшени́чище: пашени́чище, пельмѝни: пелемѝни, пальтѝ: палетѝ, пластѝна: палестѝна, пленѝца: паленѝца*. В вариантной паре *гѝлбец: гѝлубец* возникшее протетическое О подверглось лабнализации под воздействием соседнего губного согласного.

Вариантная пара *университѝт: ниверситѝт* отражает тенденцию к сокращению слогов у многосложных слов иноязычного происхождения (стр. 30).

2. Варианты слова, различающиеся согласными фонемами

Вариантные пары, различающиеся согласными фонемами, составляют два четко очерченных типа: варианты, различающиеся *качеством* согласных фонем по способу и месту образования (а), по *звонкости — глухости* (б), по *твердости — мягкости* (в), и варианты, различающиеся *количеством* согласных фонем (г).

Варианты, различающиеся согласными фонемами, в своем большинстве, представляют собой результат действия различных фонетических и иных закономерностей в языке.

а. Варианты, различающиеся качеством согласных фонем по месту и способу образования, имеют различное происхождение. Многие из них обязаны своим возникновением диссимилятивным и ассимилятивным процессам, особо широко известным в диалектном языке.

Действию слоговой и межслоговой диссимиляции чаще других подвергаются губные согласные (особенно М) и заднеязычный взрывной К.

Примеры: амб́ар: анба́р, бо́мба: бо́мба, заче́мба́рить: заче́нба́рить, трамбова́ть: транбова́ть, че́мба́ры: че́нба́ры, ко́мпас: ко́нпас, ко́мпания: ко́нпа́ния, ла́мпа: ла́нпа, мо́мпасе́: мо́нпасе́, трамва́й: транва́й, гу́мно: гу́вно, мно́го: вно́го, мно́гушко: вно́гушко, кре́пды́шн: кре́нды́шн;

автомо́биль: автоно́биль, ме́бель: не́бель, ми́мо: ни́мо, мобилизо́вать: нобилизо́вать, самоп́ряха: саноп́ряха, бу́ма́га: гу́ма́га, бу́ма́жник: гу́ма́жник, бу́ма́жный: гу́ма́жный, свобо́да: сло́бода, освободи́ть: ослободи́ть, ку́вшн: ку́кшн;

ди́ре́ктор: ди́ре́ктор, до́ктор: до́ктор, ка́ра́ктер: ка́ра́ктер, квокта́ть: квохтáть, квокта́нья: квохтáнья, кто: хто, пра́ктика: пра́ктика, тра́кт: трахт, тра́ктор: тра́ктор, элеќтричество: элестри́чество.

Реже диссимиляции подвергаются другие согласные, создавая варианты слов: касси́р: касты́р, касси́рша: касты́рша, кремне́вый: кремле́вый, ку́хонный: ку́хольный, пе́сенник: пе́сельник, унты́: ульты́, агроно́м: агроло́м, жа́жда: за́жда, ре́крут: не́крут, фуфа́йка: туфа́йка: куфа́йка, ша́шка: са́шка, я́рмарка: я́рманка.

Результатом полной или частичной ассимиляции являются варианты слов:

амни́стия: амми́сия, колхо́з: холхо́з, льняно́й: лляно́й, вну́к: мнук, вну́чка: мну́чка, давно́: дамно́, давно́шный: дамно́шный, дй́вно: дй́мно, дро́вны: дро́мни, пра́внук: пра́мнук, пра́вну́чка: пра́мну́чка.

Варианты слов с различием заднеязычный — переднеязычный согласный отражают наблюдавшийся в ряде говоров Сибири переход Г. К перед гласными переднего ряда в Д, Т. В XIX веке это фонетическое явление было отмечено в говорах юго-запада Томской губернии¹⁷⁾ и в говорах Восточной Сибири¹⁸⁾. В ряде современных, особенно потрактованных, говоров оно живо до сих пор, но и в настоящее время «круг слов с произношением Т, Д вместо К, Г весьма ограничен»¹⁹⁾, что является верным признаком отмирания фонетического явления и его лексикализации. В большинстве исследованных говоров средней части бассейна р. Оби это явление также лексикализовалось, закрепившись в немногих словах:

Ангели́на: Андели́на, гекта́р: декта́р, дипи́ор: дипи́ор, Евге́ня: Евде́ня, Евге́ныч: Евде́ныч, Палаге́я: Паладе́я;

ке́ржа́к: те́ржа́к, кй́бас: тй́бас, коке́тка: коте́тка, марке́р: марте́р, маркиро́вка: мартиро́вка.

Своеобразное отражение явления от противного представляют варианты слов для́: гля́, Конта́нтин: Конста́нтин, теа́тр: ке́а́тр, те́сто: ке́сто.

¹⁷⁾ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. «Этнографический сборник», изд. РГО, в. VI, СПб, 1864, стр. 2.

¹⁸⁾ Соболевский А. И. Очерки русской диалектологии. «Живая старина». 1892, в. 2, стр. 95.

¹⁹⁾ Гриб Р. Т. Говор селений по Московскому тракту в западной части Красноярского края. Автореферат канд. дисс., Красноярск, 1959, стр. 16.

Не являются ли отзвуком рассмотренной особенности варианты *ветлина*, *крахмал*, *трахмал*, *крахмальный*: *трахмальный*?

Редки в исследуемых говорах варианты слов с различием *заднеязычный* — *среднеязычный* согласный (Г—йот): *генерал*: *енерал*, *герань*, *ерань*, *германский*: *ерманский*, *герой*: *ерой*. Такие варианты — отражение известного во многих русских говорах фонетического явления²⁰).

Большая группа вариантных пар в исследуемых говорах характеризуется различием согласных, одинаковых по месту образования шума, но разных по способу его образования, и наоборот.

Таковы, например, вариантные пары, различающиеся заднеязычными глухими согласными Х—К, один из которых фрикативный, другой — взрывной: *кархаль*: *каркаль*, *колхоз*: *кольхоз*, *нахлобушка*: *наклобушка*, *пасха*: *паска*, *характер*: *кара́ктер*, *характерный*: *кара́хтерный*, *хлев*: *клев*, *хоровод*: *коровод*, *хутор*: *ку́тор*, *черёмуха*: *черёмка*, *колхоз*: *холхоз*, *колхозный*, *холхозный*, *корчёвка*: *хорчёвка*, *крест*: *хрест*, *крестовина*: *хрестовина*, *крестовка*: *хрестовка*, *крестовый*: *хрестовый*, *крёсла*: *хря́сла*, *оклематься*: *охлематься*, *осокорь*: *осохорь*.

Таковы вариантные пары, различающиеся глухими губными согласными Ф—П, один из которых фрикативный, а другой — взрывной: *фунт*: *пунт*, *шифонёр*: *шипонёр*, *шкаф*: *шкап*, *пльнтус*: *фльнтус*;

вариантные пары, различающиеся фрикативными глухими Ф—Х (губной — язычный): *ва́фля*: *ва́хля*, *карто́фа*: *карто́ха*, *рифме́тика*: *рихме́тика*, *штрафо́вка*: *штрахо́вка*;

колхоз: *колфоз*, *колхозник*: *колфозник*, *ку́хта*: *ку́фта*, *кухта́*: *куфта́*, *нахулига́нить*: *нафулига́нить*, *пихто́вник*: *пифто́вник*, *хольхоз*: *хольфоз*, *хулига́н*: *фулига́н*, *хутор*: *фу́тор*;

вариантные пары, различающиеся переднеязычными зубными согласными Ц—С (аффриката — щелевой): *пру́нцес*: *пру́нсес*, *пустоце́вт*: *пустосве́т*, *расцве́ст*: *рассве́ст*, *ца́рапать*: *са́рапать*, *ца́рапка*: *са́рапка*, *цве́ст*: *све́ст*, *цвет*: *све́т*, *цвето́к*: *све́то́к*, *це́нтер*: *се́нтер*;

буксва́ть: *букцова́ть*, *консе́рвы*: *конце́рвы*;

вариантные пары, различающиеся сонорными М—Н (губной — язычный): *домкра́т*: *донкра́т*, *камга́*: *канга́*, *кремь*: *крень*, *кулё́ма*: *кулё́на*, *кулё́мка*: *кулё́нка*, *метр*: *нетр*, *ме́трики*: *не́трики*, *му́ромцы*: *му́ронцы*, *мя́коть*: *ня́коть*, *ро́мжа*: *ро́нжа*, *сы́мка*: *сы́нка*; вариантные пары, различающиеся сонорными переднеязычными Р—Л (дрожащий — смычно-проходной): *артиле́рист*: *альтиле́рист*, *бароме́тр*: *баломе́тр*, *брига́дёр*: *блига́дёр*, *венте́рь*: *венте́ль*, *гарде́рб*: *галде́рб*, *директи́ва*: *дилекти́ва*, *дире́ктор*: *диле́ктор*, *коридо́р*: *колидо́р*, *про́рубы*: *про́лубы*, *перста́тка*: *пельста́тка*, *револьве́р*: *лево́льве́р*, *регули́ровка*: *легули́ровка*, *регистра́ть*: *легистра́ть*, *рези́нка*: *лезы́нка*, *ресо́ра*: *лесо́ра*, *рукоте́рник*: *рукотель́ник*, *секрета́рь*: *секлета́рь*, *терито́рия*: *телито́рия*, *фигури́ровать*: *фигульи́ровать*;

плеви́т: *преви́т*, *сва́льба*: *сва́рьба*.

Сфера возникновения и бытования перечисленных видов вариантных пар весьма определена: это в большинстве своем иноязычные слова, фонетическое освоение которых идет, как правило, сложным путем, реже — это исконно русские слова с одной и той же корневой морфемой (Ц—С в корневых морфемах «царап» и «цвет», К—Х в корневой морфеме «крест»).

Причины возникновения большинства названных вариантных пар поддаются объяснению. Нет сомнения в том, что варьирование слов, фонемный состав которых содержит Ф, обусловлено иноязычным происхо-

²⁰ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. 1949, стр. 163.

ждением этой фонемы, замену которой говоры пытаются найти в фонемах, сходных с Ф или по месту образования (П), или по способу образования шума (Х). Диалектная «корректурa» иноязычных слов, содержащих в разных слогах слова звук Р, вызывает появление вариантных образований с заменой одного из Р звуком Л, поскольку такие сочетания дрожащих Р несвойственны диалектным словам²¹). Варьирование исконно русских слов за счет фонем Ц—С связано с фонетическим явлением утраты затвора у аффрикаты. Названные фонетические закономерности (как это часто наблюдается в языке) сопровождаются явлением от противного, что привело к образованию таких вариантных пар, как *плінтус: флінтус, хўтор: фўтор, плеврїт: преврїт, консёрвы: концёрвы* и другие (стр. 24).

Причины появления вариантных пар с соотношением согласных фонем Х—К неясны, хотя точно такое же явление наблюдалось во многих говорах русского языка и, в частности, в Сибири несколько десятков лет назад²²). Ждут своего объяснения причины возникновения других вариантных пар.

Варианты слов *га́шник: гасник, молóчник: молóсник, молóчный: молóсный* появились, по мнению проф. А. М. Селищева, в системе материнских северновеликорусских говоров, где сочетания ЧН согласно цоканью произносились как ЦН, в котором Ц утратило затвор перед взрывным Н, дав сочетание СН²³). С отражением исчезнувшего в исследуемых говорах цоканья связаны варианты слов: *уничтожа́ть: унистожа́ть, уничтоже́ние: унистоже́ние, уничтожи́ть: унистожи́ть*.

Вариантные пары слов *общество: обчество, по́мощь: по́мочь*²⁴), *сообща́ть: сообща́ть* фиксируют фонетическое соответствие, существовавшее между старославянской и русской огласовкой слова. По аналогии возникли вариантные пары *щеката́рить: чеката́рить, щеката́рка: чеката́рка*.

Появление вариантных пар *боле́знь: боле́сть, жизнь: жи́сть* связано с рядом фонетических преобразований. Прежде всего, слова *боле́знь* и *жизнь* в системе говоров претерпели упрощение группы конечных согласных с последующим оглушением звонкого конечного З: *боле́сь, жи́сь*. Затем мягкий конечный согласный С был «восстановлен» до СТ (в северновеликорусских и сибирских старожильческих говорах широко известно упрощение конечных СТ в С, СТЬ в СЬ), отсюда *боле́сть, жи́сть*.

Очевидно, следствием разного звукоподражания являются вариантные пары: *захны́кать: захвы́кать, квóчка: клóчка, квокта́ть: клокта́ть, квокту́нья: клокту́нья*.

Ряд вариантных образований возник под влиянием разного рода морфологических явлений или как прямое порождение этих явлений. Так, причину появления вариантной пары *муравейный: мураш́ейный* не следует искать среди фонетических процессов: различие согласных В—Ш варианты наследуют от производящих основ *муравей* и *мура́ш*. Вариантные пары *запуржи́ть: запургі́ть, нала́живать: нала́дивать, мо́рошно: мо́рожно, молоча́й: молока́й, послу́шать: послу́хать, пропади́на:*

²¹) Аванесов Р. И. Указ. соч. Стр. 193.

²²) Молотиллов А. Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинский у. Томской губ.). «Труды Томского общества изучения Сибири». Т. 2, Томск, 1913, стр. 15. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 33.

²³) Селищев А. М. Указ. соч. Стр. 55—56.

²⁴) Во многих говорах эти варианты распались, дифференцировавшись по значению.

пропастина, редь: *режь*, *редяк*: *режак*, *слúшать*: *слúхатъ*, *спугáться*: *спужáться*, *спускáть*: *спущáть*, *стегáть*: *стежáть* и некоторые другие возникли не без влияния производящих и формообразующих основ (*пропастина* от *пропáсть*, *пропадина* от *пропадáть*, *стегáть* по аналогии с *стегáю*, *стежáть* по аналогии с *стежú*, *спущáть* — *спущú*, *редяк* от *редкий*, *режак* по аналогии с *реже* и т. п.), не без влияния аналогий с другими однокоренными словами (*послúхатъ* — *слух*, *запургéть* — *пургá*, *налади-вать* — *ладить*). Следствие контаминации представляет вариант *скорлухá* (от *скорлупá* и *шелухá*; ср. другие образования: *шерлухá*, *скорлушá*) к слову *скорлупá*. Вполне возможно, что вариант *остя́тка* к слову *остя́чка* является словообразовательной аналогией с *буря́тка*, *яку́тка*.

Семантические явления тоже иногда приводят к возникновению фонематических вариантов слова. Не ложное ли этимологизирование создало вариант *вострýк* (острый) к слову *бастрýк* (жердь для крепления сена или снопов на возу), вариант *тепломáт* (тепло) к слову *депломáт* (род теплой верхней одежды), вариант *штрафóвка* (штраф) к *штрахóвка*, вариант *хрест* (от «Христос», чей образ неотделим от распятия на кресте) к слову *крест*?

б) В исследуемых говорах, как и в литературном языке, представлены варианты слов с различием согласных по *глухости* — *звонкости*. В фонетическом варьировании слова участвуют все согласные русского языка, соотносительные по глухости — звонкости.

П — Б: *закúпорить*: *закúборить*, *плáнка*: *блáнка*, *плóмба*: *блóмба*, *пломбировать*: *бломбировать*, *покальпó*: *покальбó*, *поярковый*: *боярковый*, *раскúпорить*: *раскúборить*, *сапóг*: *сабóг*;

бамазéя: *памазéя*, *бамазéйка*: *памазéйка*, *дубля́нка*: *дупля́нка*, *лабас*: *ла́пас*;

В — Ф: *вэ́нтель*: *фэ́нтель*, *картóфельный*: *картóвельный*;

Д — Т: *грома́дный*: *грома́тный*, *ехи́дный*: *ехи́тный*, *загнэ́та*: *загнэ́да*, *загнэ́тка*: *загнэ́дка*, *лутóк*: *лудóк*, *ма́дор*: *ма́тур*, *огрома́дный*: *огрома́тный*;

С — З: *дормэс*: *дормэз*, *пéнсия*: *пéнзия*, *туясо́к*: *туязо́к*;

Г — К: *бастрýк*: *бастрýг*, *киманó*: *гиманó*, *клубни́ка*: *глубни́ка*, *росома́ка*: *росома́га*;

но́готь: *но́коть*, *строга́*: *стро́ка*.

Различия согласных по глухости — звонкости в названных вариантных парах объяснить трудно (вопреки существующему мнению о том, что несемантизированные лексические диалектные различия по глухости — звонкости обычно исторически легко объяснимы²⁵). Обобщение согласного из слабого положения представлено только в вариантной паре *ноготь*: *нокоть* (ср. но [кт] я). Появление же звонкого соответствия во многих вариантах слов, составляя общую черту, мало понятно: глухой согласный в словах, имеющих варианты, в большинстве случаев находится в сильной позиции. Правда, для одних случаев можно допустить такое предположение: озвончение глухих согласных могло произойти на основе восприятия их в конце слова (*бастрýк*, *дормэс*, *туяс*) и в середине слова перед глухим согласным (*загнэ́тка*) в качестве глухого варианта звонкого согласного, отсюда «восстановление» звонкости: *бастрýг*, *дормэз*, *туяз* — *туязóк*, *загнэ́дка* — *загнэ́да*. Для других случаев можно допустить предположение о возможности аналогии с однокоренными словами (*закúпорить* — *кúборка* — *закúборить*) или со словами, близкими по звучанию (*плáнка* — *бланк* — *блáнка*). И, наконец, для третьих — заимствованных слов (*плóмба*: *бломба*, *покальпó*: *покальбó*, *бамазéя*, *памазéя*, *лабас*: *ла́пас* и др.) — возможность разного освоения в системе раз-

²⁵) Вопросы теории лингвистической географии. Стр. 164.

ных говоров, учитывая, что для многих заимствований «показательна неустойчивость их внешнего звукового обличья»²⁶).

в. Вариантные пары с различием согласных по твёрдости — мягкости представлены в исследуемых говорах значительным количеством примеров. В одних вариантных парах названное различие не сопровождается другими, дополнительными различиями: *балбёра: бальбёра, бердánка: бердýнка, выпóд: выпóдь, головáшки: головýшки, горлáнка: горлýнка, жéнска: жéньска, колхóз: кольхóз, колхóзник: кольхóзник, колхóзный: кольхóзный, копалóха: копалóуха, костёрка: костёрька, круглáш: круглýш, наза́д: наза́дь, одóнок: одёнок, опу́шнать: опу́шнать, папирóса: папирёса, плетóшка: плетóшка, поддáрживать: поддáрживать, рóнжа: рóньжа, свинáрка: свинýрка, туфáйка: тюфáйка, чéрез: чéрезь.*

В других вариантных парах различие согласных по твердости — мягкости вызывается или сопровождается различием последующих гласных: *барлóвый: берлóвый, бастрýк: бастрýк, гриб: грýб, грибóчек: грýбóчек, держáть: даржáть, кýбас: кýбас, киргýз: кыргýз, кýска: кýска, кысы: кысы, клýрос: клýрос, кресáло: крысáло, кресáть: крысáть, лýва: лýва, ма́дар: ма́дер, маринáк: меринáк, пропóрция: препóрция, рýга: рýга, ребёнок: робёнок, скипидáр: скaпидáр, скипидáрный: скaпидáрный, селýнка: солýнка, телев́изор: телев́изир*²⁷).

По признанию Р. И. Аванесова и Л. П. Жуковской, многие несемантизированные лексические диалектные различия в согласных фонемах твердых или мягких остаются неясными по своему происхождению (например, *высокий: високий, дуже: дюже, студень: стюдень*)²⁸. И действительно, различия в приведенных выше вариантных парах настолько нерегулярны, настолько неоднотипны, настолько в большинстве своем индивидуальны, что искать в них отражение каких-либо закономерностей вряд ли имеет смысл. Исключение, пожалуй, составляют варианты пары с сохранившейся твердостью заднеязычного согласного К: *кýбас: кýбас, кýска: кýска, кысы: кысы* и др. Очевидно, воздействие твердых заднеязычных согласных привело к отвердению Р в вариантных парах *гриб: грýб, грибóчек: грýбóчек, кресáло: крысáло, кресáть: крысáть, крýнка: крýнка, скрип: скрып, кричáть: крычáть*. Отверждение Р наблюдается и в других случаях, например, *бастрýк, рýга* и т. д. В этих и других словах твердое Р отмечено в разных говорах русского языка²⁹, в том числе и в сибирских («рыга, охрыпнуть, скрып, рабёнок, кастрюлька, брунет» — Томская губ.³⁰), «скрыпочка, крык, товарищи, монастыру» — Иркут., Якут. и др.)³¹, причем в разное время («с товарищи» (1703 г.)³²), «кручьями» (1821 г.)³³), «Мирона Растрьгина» (1831 г.)³⁴). Что привело к отвердению Р в некоторых словах, до сих пор не выяснено.

²⁶) Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. II, М., 1953, стр. 122.

²⁷) У многих вариантных пар фонетическое различие по твердости-мягкости согласного сопровождается различием в грамматической характеристике, что переводит их из разряда лексико-фонетических вариантов слова в разряд вариантов морфологических. Таковы, например, варианты имен прилагательных типа ближний: ближний, дальний: дальний, варианты имен существительных типа дупло: дупле, комар: комарь, у которых мягкость или твердость конечного согласного основы определяет принадлежность к мягкой или твердой разновидности склонения.

²⁸) Вопросы теории лингвистической географии, стр. 164.

²⁹) Русская диалектология. изд. АН СССР, М., 1964, стр. 92.

³⁰) Молотиллов А. Указ. соч. Стр. 19.

³¹) Селищев А. М. Указ. соч. Стр. 44.

³²) Томский гос. обл. архив. Фонд 340—2, д. 2, л. 1.

³³) Томский гос. обл. архив. Ф. 57—1, д. 45, л. 55.

³⁴) Томский гос. обл. архив. Фонд 57—1, д. 66, л. 1.

Различие в вариантных парах *держать: даржать, поддърживать: поддарживать* «восходят еще к праславянской эпохе»³⁵⁾.

г) В исследуемых говорах отмечено значительное число вариантных пар, различающихся не качеством согласных фонем, а их количеством. Это различие обычно выражено соотношением *согласный — ноль звука*.

Большая часть вариантных пар данного вида является отражением различных фонетических закономерностей, имевших место в говорах. Одной из таких фонетических закономерностей было появление протетического В перед лабиализованными О и У. Закрепление протетического В в узком круге слов привело к возникновению ряда вариантных пар: *обруч: вобруч, озеро: возеро, окунь: вокунь, олоть: волоть, Ольга: Вольга, он: вон, опыт: вопыт, опушень: вопушень, осень: восень, осенью: восенью, осокорь: восокорь, сохорь: восохорь, острий: вострий, острохвост: вострохвост, острохвостка: вострохвостка, острый: вострый, ось: вось, ошкур: вошкур, узкий: вужкий, улица: вулица, улка: вулка, умный: вумный, уросить: вуросить, утка: вутка, утром: вутром, учиться: вучиться, юрок: вюрёк*. (Ср.: в конце XIX — начале XX вв.: *воспа, вокунь, вон, вутром* — Томск. окр.³⁶⁾ на вилицу, *вострый* — Каинск. у Томск. губ.³⁷⁾, *воспа, волово, вольха* — Томск. губ.³⁸⁾, *возиро, вокунь* — Забайкалье)³⁹⁾. Вариантная пара *исподь: выподь* возникла иначе: *высподь* — наречие, образованное лексико-синтаксическим способом из сочетания предлога с существительным. Вариантная пара *исподний: выподний* — их производные.

Другим фонетическим явлением, известным в сибирских говорах, была утрата интервокального В (реже Б) в положении между лабиализованными О и У, или между другим гласным и У (см.: каро-ушка, на тра-у, де-ушка, сла-у богу — Каинск. у; Томск. губ.⁴⁰⁾, лоушка, соушка, зоут, жиут, криули — Сибирь)⁴¹⁾. Это явление, закрепившись в отдельных словах, создало вариантные пары: *бабушка: баушка, вдовушка: вдбушка, голувушка: голуушка, девушка: деушка, клевушок, корбушка: корбуушка, медовуха: медоуха*.

Противоположным рассмотренной фонетической черте было так называемое «вторичное интервокальное В» (по терминологии Р. И. Аванесова), возникающее в положении между гласными, один из которых лабиализованный, реже — между согласным и лабиализованным гласным. Это явление было известно ряду сибирских говоров⁴²⁾ и оставило след в некоторых словах, что привело к возникновению вариантных пар: *вйучить: вйвучить, геолог: геволог, голоуший: головуший, заострённый: завострённый, заулок: завулок, зауросить: завуросить, какáo: какáво, караул: каравул, караулить: каравулить, караульный: каравульный, караульщик: каравульщик, Ларион: Ларивон, паут: павут, период: перивод, радио: радиво, радиус: радивус, район: райвон, суживаться: свуживаться, тротуар: тротувар*. Отмечен единственный случай, когда вторичное интервокальное В появилось в положении между гласными и лаби-

³⁵⁾ Вопросы теории лингвистической географии. Стр. 164.

³⁶⁾ Ламанский В. Указ. соч.. Стр. 416.

³⁷⁾ Молотиллов А. Указ. соч.. Стр. 13.

³⁸⁾ Селищев А. М. Указ. соч.. Стр. 30.

³⁹⁾ Георгиевский А. П. К изучению русских говоров по Московскому трактату в Забайкалье. «Записки Владивостокского отделения РГО» т. V, в. 2, 1930, стр. 183.

⁴⁰⁾ Молотиллов А. Указ. соч.. Стр. 13.

⁴¹⁾ Селищев А. М. Указ. соч.. Стр. 173.

⁴²⁾ Молотиллов А. Указ. соч.. Стр. 13. Томский гос. обл. архив. Фонд 57—1 д. 38, 1822 г., л. 289 об., д. 66, 1831 г., л. 42 об.

лизованным согласным — *прабабушка: правбабушка*. И по аналогии — *прадед: правдед*.

Заметное количество вариантных пар возникло в результате упрощения групп согласных в конце слова, в середине слова и (единичные случаи) в начале слова⁴³). Закрепились результаты упрощения групп согласных главным образом в вариантах заимствованных слов: *агѐнт, агѐн, аграмáнт: аграмáн, дѣрн: дѣр, документ: докумѐн, жандáрм: жан-дáр, квартирáнт: квартирáн, космона́вт: космона́т, лифт: лиф, турне́нс: турне́н*;

айдá: адá, апенди́цит: апени́цит, благословѣ́ние: басловлѣ́ние: басловѣ́ние, басловить: басловить, басловля́ть: басловля́ть, брэзговать: брэговать, взадпята́й: запята́й, во́лглый: во́лглый, го́лбец: го́бец, ёжлив: ёлив, ёзли: ёли, кварта́ра: кварта́ра, ко́мплексный: ко́мплесный, липса́н: лиса́н, монта́жник: мота́жник, обобществи́ть: обоществи́ть, оммѣт: омѣт, перламүтровый: перламүтовый, погйбнуть: погйнуть, подқа́нак: поканáк, пóздно: пóздо, пoзднoвáто: пoздoвáто, портрет: потрѣт, председа́тель: преседáтель, рентгѣ́н: регѣ́н, цѣ́нтнер: цѣ́нтер, шампиньóн: шампиóн, джемпер: жѣмпер, спортсмѣ́н: портсмѣ́н.

В вариантной паре *ревматизм: рематиз* упрощение группы согласных произошло и в середине и в конце слова.

В вариантных парах нашел отражение процесс усложнения групп согласных (процесс противоположный только что рассмотренному). Причем, усложнение групп согласных на конце слова отмечено только в словах иноязычного происхождения: *барóметр: барóментр, кли́мат: кли́мант, левольвѣ́р: левольвѣ́рт, нагáн: нагáнт, план: плант, револьвѣ́р: револьвѣ́рт, рентгѣ́н: рентгѣ́нт*.

Усложнение групп согласных в середине слова тоже наблюдается в вариантах иноязычных слов, но чаще в вариантах слов исконно русских: *баба́шка: балба́шка, га́лтус: га́лстус, ка́ркать: ква́ркать, настра́мать: настра́мь, немóй: немтóй, нрав: ндрав, нра́виться: ндра́виться, обóз: обво́з⁴⁴), окунѣ́ться: окурнѣ́ться, подтру́нивать: подстру́нивать, понра́виться: пондра́виться, регла́н: ренгла́н, сержáнт: стержáнт, срам: стра́м, срук: строк, срóчно: стрóчно, срóчный: стрóчный, сруб: стру́б, те́нь: те́нь*.

Причем, если в вариантах иноязычных слов усложнение групп согласных осуществилось как независимый, самостоятельный процесс (*регла́н: ренгла́н, сержáнт: стержáнт*), то в словах исконно русских усложнение групп согласных в ряде случаев произошло не без влияния или ложной этимологии (*подтру́нивать: подстру́нивать, обóз: обво́з*), или словообразовательных связей (*немóй: немтóй*, ср. *немты́рь; окурнѣ́ться: окурнѣ́ться*, ср. *курнѣ́ть* в значении 'окунуть'), или звукоподражания (*ка́ркать: ква́ркать*).

Соответствие между старославянской и русской огласовкой слова в произношении согласных отражают вариантные пары *междѣ́: межу́, наде́жда: наде́жа*.

⁴³) Процесс упрощения некоторых сочетаний согласных (например, СТ в С — мост → мос, СТИ в СИ — крестья́нин → кресья́нин) является живым в современных говорах Сибири, что исключает возможность квалифицировать произносительные варианты мост и мос, крестья́нин и кресья́нин лексико-фонетическими вариантами слова.

⁴⁴) Ср.: «Шли — прошли обвозики (т. е. обозики, обозы) — Енисейский окр. Архив Всесоюзного географического общества (Ленинград), р. 55, оп. 1, 1898, л. 15.

3. Варианты слова, различающиеся гласными и согласными фонемами

Вариантные пары, различающиеся гласными и согласными фонемами, в исследуемых говорах отмечены только у многосложных слов иноязычного происхождения. Варианты их отражают существующую в говорах тенденцию к сокращению слогов с четырех—шести до двух—трех. В одних случаях сокращение слогов не сопровождается дополнительными различиями: *автобиография*: *автография*, *ветерина́р*: *ветена́р*, *инструме́нт*: *струме́нт*, *лаборато́рия*: *лабото́рия*, *медикаме́нт*: *дикаме́нт*, *минингит*: *мингит*, *мобилиза́ция*: *билиза́ция*, *религио́зный*: *лигио́зный*, *туберкулёз*: *беркулёз*, *туберкулёзный*: *беркулезный*, *универма́г*, *ерма́г*, *факульте́т*: *культе́т*, *экспеди́ция*: *спеди́ция*.

В других (очень немногих) случаях сокращение слогов сопровождается дополнительными различиями, вызванными явлением метатезы и иными явлениями: *велосипе́д*: *лисопе́т*, *волейбо́л*: *летбо́л*, *гиперто́ния*, *берто́ния*, *электри́чество*: *лестри́чество*, *электри́ческий*: *лестри́ческий*.

В вариантной паре *фе́льдшер*: *фе́ршал* отражено и упрощение группы согласных и явление метатезы.

Сложные видоизменения претерпели варианты слов *инжене́р*: *аржене́р*, *интерна́т*: *артерна́т*.

4. Варианты слова, различающиеся порядком следования фонем

Особняком стоят вариантные пары (это преимущественно слова иноязычные), различающиеся не качеством и не количеством фонем, а порядком их следования: *бруцеллёз*: *бурцеллёз*, *бухгалтер*: *булгáхтер*, *бухгалте́рия*: *булгахте́рия*, *веретно́*: *вертенó*, *вуа́ль*: *увáль*, *жерёбы́*: *берёжий*, *каблúк*: *калбúк*, *карга́ль*: *клаха́рь*, *кисе́нь*: *иксе́нь*, *консе́рвы*: *консе́вры*, *конце́рвы*: *конце́вры*, *кочме́ный*: *коче́мный*, *маляре́я*: *маряле́я*, *мануфакту́ра*: *намуфакту́ра*, *медве́дь*: *ведме́дь*, *не́рвничать*: *не́вричать*, *не́рвы*: *не́вры*, *прово́лка*: *про́ловка*, *рога́ль*: *лога́рь*, *хара́ктер*: *кара́хтер*, *шосе́йный*: *сошейный*.

Возникновение большинства приведенных вариантов объясняется действием явления метатезы, наблюдаемого обычно при освоении иноязычных слов, звуковая оболочка которых противоречит или не соответствует законам сочетания звуков русского языка.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ СЛОВА

Акцентологические варианты слова характеризуются рядом особенностей, отличающих их от фонетических вариантов. Эти особенности состоят в следующем. Во-первых, фонетическое различие, связанное с местом ударения, относится не к отдельной какой-либо фонеме, а к слову в целом. Во-вторых, различие в месте ударения никогда не является единственным различием вариантов слова, оно всегда сопровождается различием гласных фонем, качество которых разнится в зависимости от того, в слабой или сильной позиции они находятся⁴⁵). В-третьих, акцентологические варианты в определенной степени связаны с морфологической структурой слова, поскольку «с разными словообразовательными моделями бывает связано то или иное место ударения»⁴⁶), в то время

⁴⁵) В связи с данной особенностью акцентологических вариантов Ахманова О. С. делит их на подгруппы, учитывая афеографический облик слова. См. Очерки по общей и русской лексикологии. Стр. 203.

⁴⁶) Вопросы теории лингвистической географии. Стр. 29.

как фонематические варианты к морфологической структуре слова индифферентны.

В связи с последней особенностью возникает необходимость рассмотрения акцентологических вариантов слова по частям речи.

Наибольшее количество акцентологических вариантов слова в исследуемых говорах отмечено в области имен, для глагола они оказались мало характерными. Среди имен они значительно преобладают в разряде существительных. Здесь прежде всего выделяется группа производных имен существительных, обычно двусложных, варианты которых различаются местом ударения: *бальбёра: бальберá, вёрба: вербá, вёрша: вершá, ёжа: ежá, ибальджа: ибальджá, йга: игá, камга: камгá, канаска: канаскá, кáрча: карчá, коно́ба: коноба́, крósна: кросна́, кúба: кубá, кúржа: куржá, кúхта: кухтá, кúфта: куфтá, лéха: лехá, мáкса: максá, мо́лонья: молонья́, мо́рда: морда́, мо́рква: морквá, мо́шка: мошкá, о́льха: ольхá, пáра: парá, пётля: петл́я, пёшня: пешня́, пóлба: полбá, пúджа: пуджá, ромжа: ромжá, скýрда: скирдá, слю́да: слюдá, чáща: чащá;*

бéресто: берестó, пáльмо — пальмó;

кíбас: кибáс, ко́мель: комель, ла́баз: лабáз, мо́рмыш: мормы́ш, о́чеп: очéп, сéлезень: селезёнь, со́ксан: соксáн;

ко́нопь: коно́пь, кúколь: кукóль, мо́рковь: моркóвь, по́сконь: поскóнь.

Несмотря на кажущееся единообразие и однотипность названных вариантных пар, причины, приведшие к их возникновению, далеко не одни и те же. Думается, что здесь сказалось и влияние грамматических форм слова, имеющих подвижное ударение (ср. *петля́, петл́й, петл́й* в ед. числе, *пéтли, пётля́ми* — во мн. числе); и влияние однокоренных слов (*ежá*, ср. *едá*); и взаимодействие говоров, с одной стороны, слитературным языком (*ольхá: ольха, чащá: чаща*), с другой — с иными диалектами (*ко́нопь* — *сибирское*, *ко́нопь* — *рязанское*); и влияние языка — источника, из которого заимствовано слово (*пúрга: пургá, пúджа: пуджá*); и дополнительные морфологические значения, свойственные аффиксам (например, флексия *-а*, выражающая значение собирательности, во многих говорах притягивает к себе ударение: *мошкá*).

Среди вариантных пар производных имен существительных выделяется несколько групп с одинаковыми суффиксами:

-щик — *го́нщик: гонщи́к, грéбщик: гребщи́к, ко́рмщик: корми́к;*

-ищ (е) — *жили́ще: жи́лище, жнивь́ще: жни́вище, игри́ще: и́грище, пехови́ще: пехови́ще;*

-иц (а) — *ве́рхница: верхни́ца, ки́слица: кисли́ца, йгли́ца: игли́ца;*

-к (а) — *заку́ска: заку́ска, занавё́ска: занáвеска, зарабо́тка: за́работка, кожа́нка: ко́жанка;*

ин (а) — *бе́рестина: берести́на, ле́тнина: летни́на, осокóрина: осокóрина, па́дина: пади́на, спори́на: спори́на;*

-ник — *подсе́нник: подсенни́к, скла́дник: складни́к, сы́рник: сырни́к.*

Отмечено несколько одиночных вариантных пар: *до́чка: дочкá, па́костник: пакостни́к, пёстун: песту́н, па́хота: пахотá, мно́жество: множе́ство, о́пытк: опы́ток, на́плав: наплáв, пра́вдед: правде́д, ко́злы: козлы́, плéтня: плетни́, са́ночки: санóчки.*

Причины, приведшие к появлению акцентологических вариантов производных имен существительных, в большинстве своём те же, что и у производных имен существительных. Специфична причина, связанная с ударяемостью или безударностью того или иного суффикса в разных говорах или в говорах и литературном языке, что и приводит к возникновению акцентологически вариантных пар.

Среди вариантных пар имен прилагательных имеются «такие, в которых фонетические различия, связанные с различием места ударения, не отражаются на письме»⁴⁷): *ба́лмошный: балмо́шный, бла́нковый: бланко́вый, боло́тистый: болоти́стый, коно́пльный: конопля́ный*.

Но больше в исследуемых говорах выявлено таких вариантных пар, «з которых фонетические различия, вызванные разным ударением, отмечаются на письме»⁴⁸). Это имена прилагательные с суффиксами:

-ов- — *бу́совый: бусово́й, воло́вый: волово́й, едо́вый: едово́й, жи́ровый: жирово́й, кресто́вый: крестово́й, пы́рьёвый: пырьёво́й, хресто́вый: хрестово́й*;

-н- — *до́йная: дойна́я, запря́жный: запряжно́й, ле́тный: летно́й, негóдный: негодно́й, пй́мный: пимно́й, по́здный: поздно́й, со́н-ный: сонно́й, стра́шный: страшно́й*;

-ан- — *берё́стяный: берестя́ный, берёща́ный: береща́ный, дегтя́ный: дегтяно́й, прося́ный: просяно́й*.

Вариантные пары имен прилагательных являются своеобразным отражением варьирования ударения в области этой части речи в общенародном языке: суффиксы прилагательных **-ов-**, **-ан-**, **-ист-** в системе общенародного языка могут быть как ударными (ср.: *сосно́вый, овся́ный, гористый*), так и безударными (ср.: *йово́вый, глиня́ный, йлистый*), прилагательные, основа которых содержит суффиксы **-ов-**, **-ан-**, **-н-**, в общенародном языке характеризуются ударением как на основе (ср.: *пухо́вый, песча́ный, водо́ный*) так и на флексии (ср.: *луго́вый, дрово́ной, земно́й*).

В системе литературного языка тоже наблюдается вариантность прилагательных с суффиксами **-н-**, **-ан-**, **-ов-** (*взрывно́й, взрывно́й: запасно́й, запасно́й; мелочно́й, мелочно́й; смычно́й, смычно́й; нитяно́й, нитяно́й; марганцево́й, марганцево́й*)⁴⁹).

Вариантные пары наречий, выявленные в исследуемых говорах, различаются местом ударения, падающим на неконечный или конечный слог: *ба́ско: баско́, ве́село: весело́, гру́дно: грудно́, стра́шно: страшно́, во́зля: возля́, пй́для: пидля́, по́сля: посля́, пе́рва: перва́, на́коси: накоси́, нево́дле: неводле́, сы́споди: сысподи́, оно́мнясь: ономя́сь*.

Вариантность наречий во многом также производна, как производна сама часть речи (ср.: *стра́шно: страшно́ и стра́шный: страшно́й*), хотя не исключена возможность существования среди наречий своих сложившихся типов акцентологических вариантов слова.

Акцентологически вариантных пар в глагольной лексике, как отмечалось, немного: *ба́ловаться: балова́ться, бо́тать: бота́ть, заку́ржаветь: закуржаве́ть, застрелы́ть: застрелы́ть, летáть: лета́ть⁵⁰), нерсты́ться: нёрститься, отсыре́ть: отсыре́ть, поверну́ться: поверну́ться, положи́ть: положи́ть, предложы́ть: предложы́ть, прихилы́ться: прихилы́ться, пролетова́ть: пролётова́ть, стабори́ть: стабори́ть*.

Акцентологические варианты глаголов отличаются однотипностью различия в месте ударения: в каждой вариантной паре оно падает на глагольный суффикс и на корневую морфему. Появление же данных вариантов скорее всего обусловлено разными факторами. Так, в вариантных парах отыменных глаголов представлены типы ударения глагола (на суффиксе) и имени (на корневой морфеме) (Ср.: *бо́тать — бот, заку́ржаветь — кёржа, нёрститься — нерст, пролётова́ть — лёто* и т. д.).

⁴⁷) Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. Стр. 203.

⁴⁸) Там же.

⁴⁹) Там же.

⁵⁰) В некоторых говорах произошел распад названной вариантной пары в связи с дифференциацией вариантов по значению.

В появлении других вариантных пар далеко не последнюю роль сыграло влияние литературного языка и городского просторечия (*положить*: *по́ложить*, *предложить*: *предло́жить* и др.).

* *

Как показал представленный в статье материал, лексико-фонетические варианты слова в говорах весьма многочисленны и разнообразны. Так же многообразны те факторы, которые в конечном итоге приводят к возникновению лексико-фонетических вариантов слова. И как бы ни было индивидуально изменение звуковой оболочки некоторых слов, в большинстве случаев фонетические видоизменения слов представляют собой отражение, след, отзвук имевшего место в диалектном языке фонетического и иного явления, закономерности, черты. Отсюда выявление типов лексико-фонетических вариантов слова и причин их возникновения может иметь не только серьезное значение для установления границ между собственно фонетическими явлениями, имеющими всеобщий характер, и лексикализованными фонетическими явлениями, охватывающими узкий круг слов (иначе говоря для установления границ между явлениями фонетики и лексики), но и другое, самостоятельное значение: по вариантам слова можно судить о самих фонетических и иных закономерностях, явлениях, подчас не существующих ныне и принадлежащих далекому или недавнему прошлому языка.

Каковы же закономерности возникновения фонетически вариантных слов? Закономерностей общих и частных, очевидно, много. Но самой существенной закономерностью, приводящей к появлению лексико-фонетических вариантов слова, является постоянное изменение и развитие языка, взаимодействие всех разновидностей национального языка, взаимодействие всех уровней языка (фонетического, морфологического, семантического, лексического). Одной из частных закономерностей возникновения лексико-фонетических вариантов слова представляется утрата фонетического явления и как следствие или признак утраты — его лексикализация. Другой закономерностью возникновения лексико-фонетических вариантов слова следует считать широкое действие явления аналогии. Закономерно появление лексико-фонетических вариантов слова в процессе освоения заимствованных слов. Причем, типы лексико-фонетических вариантов слова и явления, их порождающие, могут как совпадать, так и существенно различаться у вариантов исконно русских слов и слов-заимствований.

Следует подчеркнуть, что лексико-фонетические варианты слова являются не только в результате фонетических процессов, но и в результате процессов морфологических и процессов семантических.

Лексико-фонетические варианты слова — еще одно свидетельство сложности структуры диалектного языка и показатель общности и единства русских диалектов.

В. В. ПАЛАГИНА

СЛОВАРЬ НЕКОТОРЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В ГОВОРАХ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ БАСЕЙНА Р. ОБИ

В лексическую систему русских старожильческих сибирских говоров наряду с исконно русскими словами входит немало заимствованных слов. Некоторые из них были известны уже материнским говорам Европейской части России, некоторые появились в Сибири из языков ее аборигенов. Большая часть этих заимствований — непосредственные заимствования из языков-источников. Кроме заимствований такого типа, в лексической системе наших говоров определенное место занимают иноязычные слова западно-европейского происхождения, попавшие в говоры из русского литературного языка. Такие слова подверглись первичным изменениям уже в период их освоения литературным языком. В говорах многие из них подвергаются вторичным изменениям в звуковом оформлении и морфологической структуре под действием закономерностей фонетической системы и грамматического строя диалектного языка.

В наш небольшой словарь не вошли те слова, которые в старожильческих русских говорах средней части бассейна р. Оби сохранили литературное звучание и грамматическое оформление. Таких слов в диалектологических материалах кафедры русского языка Томского университета довольно много. Например: *адвокат, аренда, верстак, газета, губернатор, диплом, дивизия, журнал, инвентарь, кубометр, культиватор, культура, курсант, лагерь, ликвидировать, лимит, мандат, микроб, механизировать, митинг, момент, номер, офицер, ремонт, пассажир, патефон, персонал, ревизия, результат, ремонтировать, сезон, сессия, солдат, стадион, стаж, студент, сумма, талант, транспорт, факт, фартук, фасон, флаг, фронт, фундамент, циркуль, шеф, шкаф, шнур, шприц, штаб* и др. В словарь включены слова с фонетико-морфологическими отличиями от литературных. Это слова с утратой начальных гласных (*кушёрка, натоми́ровать, коно́мить, рифме́тика, пера́ция, пенди́цйт, леба́стр, ваку́йрованный, лимёнты, люми́невый, малиро́ванный, нули́ровать, рестова́ть, реста́нт, рестова́нный* и др.), с вставкой гласных (*палито́, нерве́нный, ба́нок пи́еса* и др.), с вставкой интервокальных согласных (*ра́диво, райво́н, перй́вод, ра́дивус* и др.), с сокращением двойных гласных (*иро́план, ракти́вный* *вм. реакти́вный, акцио́нный* *вм. аукцио́нный* и др.), с упрощением групп согласных (*кватя́ра, потре́т, мото́жник, перламү́товый, регё́н* *вм. рентген, космо́нат, ремати́зм* и др.), с ассимиляцией и диссимиляцией соседних согласных (*тра́хтор, пра́хтика, транва́й, транбова́ть, разбонби́ть, блóмба, па́чпорт* и др.), с межслоговой ассими-

ляцией и сингармонизмом гласных (*кусти́ом, сингиме́тр, тиливи́зирь, синита́рный, ситине́т, ридикули́т* и др.), с межслоговой ассимиляцией и диссимиляцией согласных (*превря́т, легули́ровать, сестива́ль* в.м. *фестива́ль, холхо́з, коллидо́р, гальдеро́б, диле́ктор, лессо́ра, са́шка* в.м. *шашка, телито́рия* и др.), с метатезой (*булга́хтер, консе́рвы, неври́чать, ува́ль, намуфакту́ра, фе́ршали* и др.), с сокращением слогов (*автогра́фия* в.м. *автобиография, лаборо́рия* в.м. *лаборатория, ветена́р* в.м. *ветеринар, минга́йт* в.м. *минингит, спеди́ция* в.м. *экспедиция, культёт* в.м. *факультет* и др.), с субституцией звуков (*нетр* в.м. *метр, штрах* в.м. *штраф, пенсия* в.м. *пенсия, стипенсия* в.м. *стипендия* и др.), с особенностями морфологического оформления (*не́фта* в.м. *нефть, пенса* в.м. *пенсия, катастро́фия* в.м. *катастрофа, ревматизма* в.м. *ревматизм, реста́нец* в.м. *арестант, терра́с* в.м. *терраса, люстр* в.м. *люстра, скарлати́н* в.м. *скарлатина* и др.).

Иноязычные слова, вошедшие в словарный состав наших говоров, мы по техническим причинам помещаем без транскрипции, но с указанием ударения (ударенный гласный выделен полужирным шрифтом). Читателю следует учитывать, что говоры, из которых взяты примеры, характеризуются недиссимилятивным аканьем, оглушением конечных согласных, взрывным Г, твёрдым Ц, наличием фонемы Ф, смягчением согласных перед гласными переднего ряда, редукцией заударных гласных, по качеству совпадающей с редукцией литературного произношения. Не отражено в приведенных нами словах различное произношение гласного первого предударного слога, который в одних говорах средней части бассейна р. Оби звучит как Е, в других — как И, в третьих — как звук, средний между И и Е, твёрдость, мягкость и полумягкость Ж, Ш, различное качество фонемы Ч в наших говорах, различное произношение долгих шипящих. После каждого приведенного в словаре слова указываются районы, в которых это слово записано.

АВТОГРАФИЯ (В.-Кет.) — автобиография.

АГЕН (Яшк.) — агент.

АГРОМАТ (Тюм.) — аграмант.

АГРОЛОМ (Ас.) — агроном.

АКЦИОННЫЙ, -ая, -ое. (Шег.) — аукционный.

АЛЕКТРИЧЕСТВО (В.-Кет., Зыр.) — электричество.

АЛЬТИРЕЛИСТ (Зыр.) — артиллерист.

АМИСИЯ (В.-Кет.) — амнистия.

ИНВАЛИДНЫЙ, -ая, -ое. (Кож.) — инвалидный.

ИНЖЕНЕР (Туг. Шег.) — инженер.

АНТЕРЕС (Колп., Шег.) — интерес.

АНТЕРЕСНО (Ас., Зыр., Том., Шег.) — интересно.

АНТЕРЕСНЫЙ, -ая, -ое. (Зыр., Том.) — интересный.

АНТИЛИГЕНТ (Кож.) — интеллигент.

АПЕНИЦИТ (Том.) — аппендицит.

АРЖЕНЕР (Шег.) — инженер.

АРТЕРНАТ (Кож.) — интернат.

АФТИРЕЯ (Том.) — дифтерия.

АШЕЛОН (Том.) — эшелон.

БАЛОМЕТР (Туг.) — барометр.

БАНОК (Пар., Том., Туг.) — банк.

БАРОМЕНТР (Том.) — барометр.

БАРОМЕТРА (Кож.) — барометр.

БЕРКУЛЕЗ (В.-Кет., Крив., Пар., Том., Туг.) — туберкулез.

БЕРКУЛЕЗНЫЙ, -ая, -ое. (В.-Кет., Зыр. Кож. Пар.) — туберкулезный.

БЕРОМЕТРА (Кож.) — барометр.

БЕРТОНИЯ (Яшк.) — гипертония.

БЕСПАЧПОРТНЫЙ (Крив., Том.) — беспаспортный.

БИЛИЗАЦИЯ (Кож.) — мобилизация.

БИЛЬЗИМИН (Мар., Пар.) — бальзамин.

БИЛЬЗИМИНКА (Ас., Зыр., Колп., Крив., Пар., Юрг., Яшк.) — бальзамин.

БИТАМИН (Пар.) — витамин.

БЛАНКА (Пар., Шег.) — планка.
БЛИГАДИР (Том.) — бригадир.
БЛИЗИМИНКА (В.-Кет., Мар., Юрг.) — бальзамин.
БЛИЗЮМИНКА (В.-Кет., Зыр., Мар., Мол., Том., Шег.) — бальзамин.
БЛОМБА (В.-Кет., Колп., Том., Туг.) — пломба.
БЛОМБИРОВАННЫЙ, -ая, -ое (Том.) — plombированный.
БЛЮЗИМИНКА (Зыр.) — бальзамин.
БРУСЛЕТ (Крив.) — браслет.
БУКСУРНЫЙ, -ая, -ое (Пар.) — буксирный.
БУКЦОВАТЬ (Зыр.) — буксовать.
БУЛГАХТЕР (Ас., В.-Кет., Зыр., Пар., Том., Туг., Шег.) — бухгалтер.
БУЛГАХТЕРИЯ (Том.) — бухгалтерия.
БУРЦЕЛОЗ (Пар.) — бруцеллез.
ВАКУИРОВАННЫЙ, -ая, -ое (Колп., Пар.) — эвакуированный.
ВАКУИРОВАТЬ(СЯ) (Колп., Пар., Том.) — эвакуировать(ся).
ВАЛЬВАТЕР (Шег.) — фарватер.
ВАХЛЯ (Крив., Том.) — вафля.
ВЕЛЕТИНАР (Кож.) — ветеринар.
ВЕЛЕТИНАРНЫЙ, -ая, -ое (Пар.) — ветеринарный.
ВЕЛИСАПЕД (Крив.) — велосипед.
ВЕРТИНАР (Кож.) — ветеринар.
ВЕТЕНАР (Зыр., Пар., Том.) — ветеринар.
ВЫКУИРОВАННЫЙ, -ая, -ое (Колп., Пар.) — эвакуированный.
ГАЛТУС (Том.) — галстук.
ГАЛЬДЕРОБ (Том.) — гардероб.
ГАРНИЗАЦИЯ (Том., Туг., Шег.) — организация.
ГЕРАНДА (В.-Кет.) — веранда.
ГИМАНО (Пар.) — кимано.
ГНИЗИРОВАТЬ (Кем.) — глазировать.
ДАВИДЕНТ (Том.) — дивиденд.
ДЕКОЛОН (В.-Кет., Том.) — одеколон.
ДИКАМЕНТ (Том.) — медикамент.
ДИЛЕКТИВА (Мол.) — директива.
ДИЛЕКТОР (Шег.) — директор.
ДИЛЕХТОР (Том., Туг.) — директор.
ДИПЮР (Том.) — гипюр.
ДИРЕХТОР (Туг.) — директор.
ДИХТЕРИК (Мар.) — дифтерит.
ДОКУМЕН (Шег.) — документ.
ДОНКРАТ (Зыр.) — домкрат.
ДОХТОР (Кож., Мол., Колп., Пар., Шег.) — доктор.
ДОХТУР (Крив., Пар.) — доктор.
ЕЛЕСТРИЧЕСТВО (Мол., Пар.) — электричество.
ЕНЕРАЛ (Пар.) — генерал.
ЕРАНЬ (Том.) — герань.
ЕРЛОН (Пар.) — рулон.
ЕРМАГ (Зыр., Том.) — универмаг.
ЕРОПЛАН (Пар.) — аэроплан.
ЕТАП (Туг.) — этап.
ЕШАФОТ (Пар.) — эшафот.
ЖАНДАР (В.-Кет.) — жандарм.
ЖЕНПЕР (Зыр.) — джемпер.
ИРОПЛАН (Том., Шег.) — аэроплан.
КАСТИР (Зыр., Шег.) — кассир.
КАСТИРША (Зыр., Том.) — кассирша.
КАТАРАК (Крив., Мар.) — катаракта.
КАТАСТРОФИЯ (Туг.) — катастрофа.
КАТАСТРОХА (Зыр.) — катастрофа.
КВАНТИРАНТ (Зыр., Колп.) — квартирант.
КВАНТИРАНТКА (Том.) — квартирантка.
КВАРТЕРА (Зыр., Карг., Колп., Крив., Мол., Пар., Том., Туг., Шег.) — квартира.
КВАТЕРА (Зыр., Кож., Том., Шег.) — квартира.
КВАТИРА (Зыр., Пар.) — квартира.
КВАТИРАН (Крив.) — квартирант.
КВАТИРАНТ (Зыр.) — квартирант.
КЕЯТЕР (Пар., Том.) — театр.
КЕЯТР (Пар., Том.) — театр.
КЕЯТРА (Шег.) — театр.

- КИЕТА (Шег.) — киот.
КИЛОМЕТЕР (В.-Кет.) — километр.
КИЛОМЕТРА (Зыр.) — километр.
КЛИМАНТ (Зыр., Крив., Том., Туг., Шег.) — климат.
КЛЫРОС (Пар.) — клирос.
КОЛЕТИВ (В.-Кет.) — коллектив.
КОЛИДОР (Ас. Зыр., Колп., Крив., Мол., Пар., Том., Туг., Шег.) — коридор.
КОЛФОЗ (Зыр., Том.) — колхоз.
КОЛФОЗНИК (Шег.) — колхозник.
КОЛЬКОЗ (Шег.) — колхоз.
КОЛЬХОЗ (Зыр., Кем., Крив., Том., Топк., Шег., Яшк.) — колхоз.
КОЛЬХОЗНИК (Том.) — колхозник.
КОЛЬХОЗНЫЙ, -ая, -ое (Том., Туг.) — колхозный.
КОМОДА (Том.) — комод.
КОМПЛЕКСНЫЙ, -ая, -ое (Туг.) — комплексный.
КОНБАЙН (Зыр., Кож., Том., Шег.) — комбайн.
КОНБАЙНА (Том.) — комбайн.
КОНДРА (Шег.) — контры.
КОНОМИТЬ (В.-Кет.) — экономить.
КОМПАНИЯ (Крив., Пар.) — компания.
КОМПАС (Зыр.) — компас.
КОНСЕВРА (Том.) — консервы.
КОНСЕРВА (Пар., Том.) — консервы.
КОНЦЕРНЫЙ, -ая, -ое (Крив.) — консервный.
КОНЦЕВРЫ (Туг.) — консервы.
КОНЦЕРВА (Пар., Том.) — консервы.
КОНЦЕРНЫЙ, ая, ое (Крив.) — консервный.
КОСМОНАТ (Пар.) — космонавт.
КРЕНДЫШИН (Зыр.) — крепдешин.
КУЛЬТЕТ (Кож.) — факультет.
КУСТЮМ (Кем., Том.) — костюм.
КУШЕРКА (Том.) — акушерка.
ЛАБОТОРИЯ (В.-Кет.) — лаборатория.
ЛАНПА (Туг.) — лампа.
ЛЕБАСТР (Туг.) — алебастр.
ЛЕВОЛЬВЕРТ (Мол.) — револьвер.
ЛЕВОРВЕР (Шег.) — револьвер.
ЛЕГИОЗНЫЙ, -ая, -ое (Пар.) — религиозный.
ЛЕГИСТРИРОВАТЬ (В.-Кет., Мол., Пар., Шег.) — регистрировать.
ЛЕГУЛИРОВАТЬ (Том.) — регулировать.
ЛЕЗИНКА (Том.) — резинка.
ЛЕКТРИЧЕСТВО (Ас.) — электричество.
ЛЕСОРА (Зыр.) — рессора.
ЛЕСТРИЧЕСТВО (Том., Шег.) — электричество.
ЛЕСТРИЧЕСКИЙ, -ая, -ое (Пар.) — электрический.
ЛЕТБОЛ (Шег.) — волейбол.
ЛИМЕНЕВЫЙ, -ая, -ое (В.-Кет.) — алюминиевый.
ЛИМЕНТЫ (Том., Шег.) — алименты.
ЛИСОПЕД (Зыр., Крив., Пар., Том., Туг., Шег.) — велосипед.
ЛИСОПЕТА (Зыр.) — велосипед.
ЛИФТ (Кож., Том.) — лиф.
ЛОНПАСЕ (Кем., Том., Яшк.) — момпансье.
ЛОНПАСЕЯ (В.-Кет.) — момпансье.
ЛОНПАСЬЕ (Мар., Яшк.) — момпансье.
ЛЮМИНЕВЫЙ, -ая, -ое (Колп.) — алюминиевый.
ЛЮСТР (Колп.) — люстра.
МАЛИРОВАННЫЙ, -ая, -ое (Ас., В.-Кет., Шег.) — эмалированный.
МАЛИРОВКА (Зыр., Пар.) — эмалировка.
МАЛЯРЕЯ (В.-Кет.) — малярня.
МАРЯЛЕЯ (Крив., Том., Яшк.) — малярня.
МЕТРА (Том.) — метр.
МИДИСАТИВНЫЙ, -ая, -ое (Шег.) — административный.
МИЛИРОВАННЫЙ, -ая, -ое (В.-Кет.) — эмалированный.
МИНГИТ (Пар.) — менингит.
МИСИЯ (Том.) — амнистия.
МОТАЖНИК (Кем.) — монтажник.
МОТОЦЫКЛА (Пар.) — мотоцикл.

- МУНДЕР (Зыр.) — мундир.
НАГАНТ (В.-Кет.) — наган.
НАМУФАКТУРА (Шег.) — мануфактура.
НАТОМИРОВАТЬ (Зыр., Крив., Пар.) — анатомировать.
НАТОМИТЬ (Зыр., Крив., Пар.) — анатомировать.
НАФИЛЮГАНИТЬ (Зыр.) — нахулиганить.
НЕБЕЛЬ (В.-Кет., Мол., Пар., Яшк.) — мебель.
НЕРВРИЧАТЬ (Крив.) — нервничать.
НЕВРЫ (Зыр.) — нервы.
НЕКДОТ (Том.) — анекдот.
НЕКРУТ (Ас., Пар., Том., Шег.) — рекрут.
НЕРВЕННЫЙ, -ая, -ое (Крив., Пар.) — нервный.
НЕТР (В.-Кет., Том.) — метр.
НЕТРА (Крив.) — метр.
НЕФТА (Карг.) — нефть.
НИБИЛИЗОВАТЬ (Крив.) — мобилизовать.
НИВЕРСИТЕТ (Ас.) — университет.
НОБИЛИЗОВАТЬ (Зыр., Пар.) — мобилизовать.
НУЛИРОВАТЬ (Шег.) — аннулировать.
ПАЛИЗОВАТЬ (Пар.) — парализовать.
ПАЛИТО (Пар.) — пальто.
ПАМАЗЕЯ (Крив., Том.) — бумазая.
ПАМАЗЕЙКА (Шег.) — бумазейка.
ПАПИРЕСА (Том.) — папираса.
ПАТАРМОНЕТ (Зыр.) — портмоне.
ПАЧПОРТ (Пар., Том., Шег.) — паспорт.
ПЕНДИЦИК (Мар.) — аппендицит.
ПЕНДИЦИТ (В.-Кет.) — аппендицит.
ПЕНЗИЦИТ (Том.) — аппендицит.
ПЕНЗИЯ (В.-Кет., Зыр., Колп., Крив., Том., Топк., Юрг., Яшк.) — пенсия.
ПЕНСА (Кем.) — пенсия.
ПЕРАЦИЯ (Том.) — операция.
ПЕРИВОД (Том.) — период.
ПЕРЛАМУТОВЫЙ, -ая, -ое, (Шег.) — перламутровый.
ПИЕСА (Том.) — пьеса.
ПИНЖАК (Зыр., Колп., Крив., Мар., Мол., Пар., Том., Яшк.) — пиджак.
ПЛАНТ (Ас.) — план.
ПОЛУКЛИНИК (Том. Туг.) — поликлиника.
ПОРТСМЕН (Шег.) — спортсмен.
ПОРФЕЛЬНА (Шег.) — портвейн.
ПОТРЕТ (В.-Кет., Кож., Колп., Крив., Мол., Пар., Том.) — портрет.
ПОТУВАР (Крив.) — тротуар.
ПРАЛИЗОВАТЬ (Кож.) — парализовать.
ПРАХТИКА (Кож.) — практика.
ПРЕВРИТ (В.-Кет., Шег.) — плеврит.
ПРЕПОРЦИЯ (Зыр.) — пропорция.
ПРОДЕРМАГ (Зыр.) — универмаг.
ПРОТУАР (Колп., Крив., Пар.) — тротуар.
ПРОТУВАР (Кож., Мол.) — тротуар.
ПРОТУЯР (Колп.) — тротуар.
ПУНТ (Кол.) — фунт.
РАДИВА (Кол.) — радио.
РАДИВО (В.-Кет., Зыр., Кем., Кож., Крив., Мол., Пар., Том., Туг., Шег.) — радио.
РАДИВУС (Туг.) — радиус.
РАКТИВНЫЙ, -ая, -ое (Том.) — реактивный.
РАЙВОН (Ас., Зыр., Кож., Крив., Пар., Том., Туг., Шег.) — район.
РЕВМАТИЗМА (Кож., Крив., Пар., Том.) — ревматизм.
РЕГЕН (В.-Кет., Пар.) — рентген.
РЕГЕНТ (Кож.) — рентген.
РЕКИМЕНДОВАТЬ (Зыр., Туг.) — рекомендовать.
РЕМАТИЗ (В.-Кет.) — ревматизм.
РЕМАТИЗМ (Пар.) — ревматизм.
РЕМАТИЗМА (В.-Кет., Зыр., Крив., Мол., Пар., Том., Туг.) — ревматизм.
РЕНГЕНТ (Мол., Пар.) — рентген.
РЕНГЛАН (Туг.) — реглан.
РЕНДОВАТЬ (Крив.) — арендовать.
РЕСТАНЕЦ (Шег.) — арестант.

- РЕСТАНТ (В.-Кет., Туг.) — арестант.
РЕСТОВАТЬ (Кож., Том., Туг., Шег.) — арестовать.
РИДИКУЛИТ (Зыр.) — радикулит.
РИФМЕТИКА (Ас.) — арифметика.
РИХМЕТИКА (Зыр.) — арифметика.
РОЯЛЬВА (Кож.) — рояль.
САНАТАРНЫЙ, -ая, -ое (Кож.) — санитарный.
САНДАР (Зыр.) — ондатра.
САТИНЕЦ (Зыр., Крив.) — сатинет.
ШАШКА (Крив., Том.) — шашка.
СВИТРА (В.-Кет., Том.) — свитер.
СЕКЛЕТАРЬ (Ас., Зыр., Карг., Кож., Колп., Крив., Пар., Том., Туг., Шег.) — секретарь.
СЕНТЕР (В.-Кет., Крив.) — центнер.
СЕПАРАТ (Том.) — сепаратор.
СЕРДАНТ (Шег.) — сержант.
СЕСТИВАЛЬ (Кож.) — фестиваль.
СИГНАЦИЯ (Ас.) — ассигнация.
СИНИТАРНЫЙ (Пар.) — санитарный.
СИНТИМЕТР (Пар.) — сантиметр.
СИТИНЕТ (Кож.) — сатинет.
СКАПИДАР (Том.) — скипидар.
СКАПИДАРНЫЙ, ая, ое (Том.) — скипидарный.
СКАРЛАТИН (Мар.) — scarlatina.
СОША (Крив., Мол., Том., Шег.) — шоссе.
СОШЕЙНЫЙ, -ая, -ое (Мол.) — шоссейный.
СПАРАГУС (Том.) — asparagus.
СПЕДИЦИЯ (Колп.) — экспедиция.
СТЕРЖАНТ (Том.) — сержант.
СТИПЕНЗИЯ (В.-Кет., Колп., Мол., Том.) — стипендия.
СТРУМЕНТ (Зыр., Мол., Пар., Том., Туг., Шег.) — инструмент.
ТАБАРЕТКА (Ас., В.-Кет., Кож., Крив., Том., Туг.) — табурет.
ТАБЕРКЕЛЕЗ (Топк.) — туберкулёз.
ТЕЛЕВИЗИР (Зыр., Том.) — телевизор.
ТЕЛИТОРИЯ (Крив.) — территория.
ТЕРАС (Том.) — терраса.
ТЕРЖАНТ (Шег.) — сержант.
ТЕХМИНИМ (Крив.) — техминимум.
ТЕХНИК (Крив.) — техникум.
ТИЛОГРАМ (Кож., Шег.) — килограмм.
ТРАНБОВАТЬ (Мол.) — трамбовать.
ТРАНБАЙ (Том.) — трамвай.
ТРАНВАЙ (Крив., Пар., Том., Туг., Яшк.) — трамвай.
ТРАХМАЛ (В.-Кет., Зыр., Карг., Крив., Кем., Пар.) — крахмал.
ТРАХМАЛЬНЫЙ, -ая, -ое (Кож., Колп., Крив., Яшк.) — крахмальный.
ТРАХТ (В.-Кет., Зыр., Колп., Крив., Мар., Пар., Том., Туг., Шег.) — тракт.
ТРАХТОР (Крив., Пар., Том., Яшк.) — трактор.
ТУБАРЕТКА (В.-Кет., Колп., Тег.) — табурет.
ТУРНЕП (Колп.) — турнепс.
УВАЛЬ (Кож., Колп., Крив., Мар., Тег., Том., Шег., Яшк.) — вуаль.
ФАТЕРА (Карг., Кем., Крив.) — квартира.
ФАТЕРАНТ (Мар.) — квартирант.
ФЕРШАЛ (Кож., Топк., Яшк.) — фельдшер.
ФИГУЛИРОВАТЬ (Кож.) — фигурировать.
ФИРМА (Крив., Том.) — ферма.
ФЛИНТУС (Зыр., Мар., Пар., Туг., Юрг., Яшк.) — плитус.
ФОНТАЛ (Кож.) — фонтан.
ФУКСА (В.-Кет., Том., Шег.) — растение фуксия.
ФУКЦА (Яшк.) — фуксия.
ФУЛИГАН (Туг.) — хулиган.
ФУЛИГАНСТВО (Шег.) — хулиганство.
ФУЛЮГАН (Кем., Кож., Крив.) — хулиган.
ФУЛЮГАНСТВО (Зыр.) — хулиганство.
ФУТОР (Туг.) — хутор.
ХАРИТОН (Ас., Крив., Мол., Пар., Яшк.) — ткань кретон.
ХАРИТОНОВЫЙ, -ая, -ое, (Мол.) — кретоновый.
ХОЛХОЗ (В.-Кет., Кож., Колп., Крив., Мол., Пар., Шег., Яшк.) — колхоз.

ХОЛХОЗНИК (Крив., Мол., Шег.) — колхозник.
 ХОЛХОЗНИЦА (Колп.) — колхозница.
 ХОЛХОЗНЫЙ, -ая, -ое (В.-Кет., Крив., Пар., Шег.) — колхозный.
 ХОЛЬФОЗ (Туг.) — колхоз.
 ХОЛЬХОЗ (Крив., Туг.) — колхоз.
 ХОЛЬХОЗНИК (Крив., Туг.) — колхозник.
 ХОЛЬХОЗНЫЙ, -ая, -ое (Крив.) — колхозный.
 ЦАРИЗМА (Пар.) — царизм.
 ЦЕНДРА (Крив.) — центр.
 ЦЕНТЕР (Ас., Кож., Крив., Туг.) — центнер.
 ЦЕНТЛЕР (Том.) — центнер.
 ЦЕНТРА (Шег.) — центр.
 ШАМПИЕНКА (Мар.) — шампиньон.
 ШАМПИОН (Ас., Зыр.) — шампиньон.
 ШЕРШЕБЕЛЬ (Яшк.) — шерхебель.
 ШЕРШЕБКА (Зыр., Том.) — шерхебель.
 ШЕРШЕБОК (В.-Кет.) — шерхебель.
 ШИПОНЬЕР (Том.) — шифоньер.
 ШИФОЛЬЕР (Зыр.) — шифоньер.
 ШПИОН (Зыр.) — шампиньон.
 ШПИЙОН (Кож.) — шампиньон.
 ШТАТ (Мар., Яшк.) — стаж.
 ШТАФЕЛЬ (Кож.) — штабель.
 ШТРАФОВКА (Колп., Пар., Том.) — страхование.
 ШТРАХОВКА (Ас., В.-Кет., Колп., Пар., Туг.) — страхование.
 ЯРМАНКА (В.-Кет., Зыр., Колп., Крив., Пар., Топк., Шег.) — ярмарка.

Список условных сокращений

Ас.— Асиновский район Томской обл.
 В.-Кет.— Верхнекетский район Томской обл.
 Зыр.— Зырянский район Томской обл.
 Карг.— Каргасокский район Томской обл.
 Кем.— Кемеровский район Кемеровской обл.
 Кож.— Кожевниковский район Томской обл.
 Колп.— Колпашевский район Томской обл.
 Крив.— Кривошеинский район Томской обл.
 Мар.— Мариинский район Кемеровской обл.
 Мол.— Молчановский район Томской обл.
 Пар.— Парабельский район Томской обл.
 Тег.— Тегульдетский район Томской обл.
 Том.— Томский район Томской обл.
 Топк.— Топкинский район Кемеровской обл.
 Туг.— Туганский район Томской обл.
 Шег.— Шегарский район Томской обл.
 Юрг.— Юргинский район Кемеровской обл.
 Яшк.— Яшкинский район Кемеровской обл.
 (Районы указаны по административному делению 1956 г.).

О. Н. КИСЕЛЕВА

**ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ГОВОРА СЕЛА ИШТАН
КРИВОШЕИНСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Село Иштан, говор которого привлек наше внимание, было основано не ранее 1701 и не позднее 1782 года¹). Расположено оно на левой стороне реки Мингерь, притоке реки Шегарки, на расстоянии 25 км по прямой от районного центра Кривошеино или 50 км по тракту, в тупике. Расстояние от г. Томска до с. Иштан — 120 км.

Из исторических источников известно²), что ни Московский тракт, ни местные трактовые дороги через село Иштан не проходили. Это подтверждается и старожилами. Более того, и в настоящее время регулярное сообщение между селом Иштан и районным центром Кривошеино отсутствует. Река Мингерь очень мала и несудоходна, так что водное сообщение исключено. Такие условия затрудняли широкое общение населения данного села с представителями других сел района и способствовали формированию однородного говора и его сохранению до настоящего времени во многих своих чертах, несмотря на сильное влияние литературного языка, которое идет через школу (в селе есть школа восьмилетка), радио (село электрифицировано), библиотеку (ее читателями являются многие колхозники среднего возраста, молодежь, школьники), клуб (в нем почти ежедневно демонстрируются фильмы, изредка проводятся вечера). Основное население — старожилы, которые живут компактной массой и занимают центральную часть с. Иштан. Окраины заселены переселенцами из различных областей европейской части нашей страны.

Два последних десятилетия акающие говоры средней части Обского бассейна изучались особенно активно. Однако многие из них пока остаются неизвестными, и, в частности, говоры Кривошеинского района, расположенного посередине этой территории, описание систем которых на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях еще не сделано.

Задача настоящей статьи показать, что представляет собой морфологическая система имени существительного в говоре села Иштан Кривошеинского района Томской области.

Автор статьи использовал материалы трехкратных диалектологических экспедиций в с. Иштан, проведенных преподавателями и студентами историко-филологического факультета Томского госуниверситета

¹) Агеева Н. И. К истории основания русских поселений Томской области в связи с задачами изучения русских говоров Сибири. Ученые записки Томского государственного педагогического института, Том X, 1953, стр. 120.

²) Список населенных мест по сведениям 1859 года. Томская губерния. LX, СПб, 1868.

в 1947, 1958 и 1962 годах³): записи бесед со старожилами, выписки из протоколов собраний колхозников, их заявлений, выписки из тетрадей учащихся местной школы. Общее число записей составило 700 тетрадных страниц рукописного текста.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Категория рода

В говоре села Иштан, как и в литературном языке, существует система трех родов: мужского, женского и среднего. Каждое имя существительное (кроме *pluralia tantum* и слов общего рода) относится к одному из трех родов. Однако в системе говора существительные по-разному распределяются по родам.

К мужскому роду принадлежат слова «олиф», «берлог», «мышь», «полуклиник», «крылец», «яблок», «печень», «обувь»: *хороший алиф, в алиф забралси, бальной бирлок, в бирлок пашол; кошка паймала мыша, ф старым палуклиники заведушным был, крылец высокий, йаблак спелый; печинь бальной, обувь был худой.*

К женскому роду относятся слова «метра», «литра», «камода», «ревматизма», «механизма», «платья», «условия», «оружия», «полугодия», «строения»: *нет ни одной метры ткани, две литры вотки, камода хороша у миня, у меня риматизма храническа, я одену белу платью, кака условия жизни, бабы с аружыйей идут, за эту полугодю и за ту здать нада была, в адну страению.*

Средний род отмечен у существительных «коноплё» и «фамилие»: *тако канплё ни сеют здесь, фамилые майо.*

Колебание в роде испытывает существительное «путь», которое зафиксировано в форме мужского и женского рода: *пайти этим путем, хорошая путь.*

Причины подобных различий в системах категорий рода говора и литературного языка разнородны.

В именах существительных «берлог» и «мышь» колебания в роде отмечены были еще в древнерусском языке. Слова «берлога» в памятниках было отмечено в двух формах: «берлога» и «берлог»⁴).

Преображенский, указывая, что слово «мышь» женского рода, высказывает предположение, что первоначально оно имело мужской род⁵). Факт колебания в родовой принадлежности данных существительных, видимо, определил преобладание в отдельных территориальных диалектах той или другой формы. В результате в литературном языке оказались закрепленными формы женского рода, а в некоторых говорах утвердились формы мужского рода.

Существительное «олифа»⁶) и «поликлиника»⁷) были заимствованы литературным языком из греческого. В литературном языке имели место факты, когда греко-латинские слова вторично приходили к нам через

³) Экспедиция 1962 года была проведена при непосредственном участии автора и под его руководством.

⁴) Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Том I, 1893. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, 1958.

⁵) Преображенский А. Г. Указ. словарь.

⁶) Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Том I—IV, М., 1935—1940.

⁷) Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.

посредство западноевропейских языков с иной родовой принадлежностью, что и обуславливало колебания в роде⁸⁾.

По-видимому, данные слова разделили их судьбу или получили колебания в роде по аналогии, как иноязычные слова, вошедшие в говор села Иштан в прошлом веке после того, как произошло ознакомление крестьян с реалиями, обозначенными данными словами.

Займствованные литературным языком из греческого и французского слова «метр»⁹⁾, «литр»¹⁰⁾, «механизм»¹¹⁾, «ревматизм»¹²⁾, перейдя из литературного языка в говор с. Иштан, приобрели окончание «-а». Французское по происхождению слово «комод»¹³⁾, по свидетельству Обнорского¹⁴⁾, вторично пришло в наш язык через польский, в польской огласовке и, очевидно, распространилось в некоторых говорах, на базе которых складывался говор с. Иштан.

Фонетическими причинами можно объяснить появление слова «крылец», которое было образовано от существительного «крыло» с помощью древнерусского суффикса «-ьц»¹⁵⁾, где «ь» был в сильном положении. Вероятно, существовал и другой вариант слова, в котором редуцированный суффикс оказался под ударением и перешел в гласный полного образования, дав форму «крылец».

Категория среднего рода в говоре сохраняется, наблюдаются лишь единичные случаи перехода некоторых слов из категории среднего рода в женский. Это слова малоупотребительные, чаще с абстрактным значением. Редукция безударных гласных в окончании создает благоприятную почву для осуществления подобного перехода, так как в произношении существительные женского и среднего рода совпадают.

Выяснить причины иной родовой принадлежности, нежели в литературном языке, среди других слов говора нам не удалось, но и приведенные факты показывают, что эти причины разнообразны и приводят к фонетико-морфологическому изменению формы слова. В результате слова «олиф», «берлог», «полуклиник» приобретают решающий грамматический признак, который указывает на их отношение к мужскому роду: бесфлексийную основу на твердый согласный. Неодушевленные существительные «метра», «литра», «ревматизма» с присоединением флексии «а» переходят в женский род.

Склонение имен существительных в единственном числе.

В говоре с. Иштан имеется три типа склонения имен существительных.

Таблица I склонения имен существительных

И. город	конь	озеро	поле
Р. города (у)	коня	озера	поля
Д. городу	коню	озеру	полю
В. город	коня	озеро	поле
Т. городом	конём	озером	полем
П. городе (у)	о конё	об озере	о поле

⁸⁾ Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число, 1927, стр. 39.

⁹⁾ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.

¹⁰⁾ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.

¹¹⁾ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.

¹²⁾ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.

¹³⁾ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.

¹⁴⁾ Обнорский С. П. Указ. раб., стр. 40.

¹⁵⁾ Преображенский А. Г. Указ. словарь.

И. время	мальчишка	дедушка
Р. время	мальчишка	дедушка
Д. время	мальчишку	дедушку
В. время	мальчишка	дедушка
Т. временем	мальчишком	дедушком
П. о време	о мальчишке	о дедушке

И. кино	сельпо
Р. кина	сельпа
Д. кину	сельпу
В. кино	сельпо
Т. кином	сельпом
П. о кинэ	о сельпе

Таким образом, падежные формы первого склонения в говоре с. Иштан почти не отличаются от форм этого склонения в литературном языке. Однако первым склонением в говоре охвачена значительно большая группа слов, чем в литературном языке.

Существительные среднего рода на «-мя», стоящие вне системы трех склонений в литературном языке, в говоре включились в систему первого склонения мягкой разновидности, утратив наращение -ен во всех падежах: *нету имя, сколь время, в выми молока нет*. Следовательно, существительные среднего рода в говоре объединяются в одну систему склонения без всяких исключений.

Подобная тенденция к объединению в одном типе склонения на основании признака принадлежности к определенному роду проявляется у имен существительных мужского рода. Слова «мальчишка», «парнишка», «сынишка», «дедушка» включены в систему первого склонения твердой разновидности, хотя существительные типа «дядя», «Ваня», изменяются в говоре по второму склонению: *парнишка дома не была, мальчишку девить лет, пашол з дедушкам*.

Этот факт еще раз подчеркивает, что распределение имен существительных в системе склонения говора происходит главным образом по родовому признаку. Вместе с тем объединению слов одного рода в единую систему склонения (к чему стремится наш говор) препятствует сила традиции. Сила тяготения существительных мужского рода на «-а» к изменению по трафарету парадигмы 2-го склонения вступает в противоречие, в борьбу со стремлением говора к преобразованию системы склонения по родовому признаку с учетом лексического значения у одушевленных существительных. Эта борьба, очевидно, помешала говору полностью завершить свои «замыслы», так как группа существительных мужского рода с флексией «-а» все же сохранилась в системе 2-го склонения.

Если в литературном языке обогащение языка некоторыми заимствованными и сложносокращенными словами привело к искусственному выделению группы несклоняемых существительных, то в системе говора этого не произошло, так как каждое появляющееся имя существительное здесь включается в один из типов склонения. Поскольку в наш говор проникли неодушевленные имена существительные иноязычного происхождения, их отнесение к склонению было определено формой, т. е. тем фактом, что они оканчиваются на «-о» («кино», «пальто»).

Приведенная выше таблица показывает, что у имен мужского рода твердой разновидности в родительном и предложном падежах имеется двойное окончание.

Окончание «-у» в родительном падеже имеют:

- 1) вещественные существительные со значением части от целого и целого, из которого берется часть (*галофка чеснока, купили атласу*);
- 2) отвлеченные существительные (*падняли смеху, крику много была*);
- 3) существительные с собирательным значением (*народу мала, люду многа*);
- 4) самую большую группу слов составляют существительные с конкретным значением, употребляемые с предлогами и указывающие на время и место действия (*с лугу, до снегу, ис калхозу, з дивиноста симова году*);
- 5) существительные, имеющие при себе определение (*з дальнава востоку, фсякава гнусу многа*);
- 6) некоторые существительные с конкретным значением (*анбару небыла; паткладу нет*).

Эти примеры показывают, что в говоре с. Иштан флексия «-у» получила более широкое распространение, чем в литературном языке, изменив соотношение между окончаниями «-а» — «-у» в пользу сокращения слов с первым и увеличения слов со вторым внутри системы 1-го склонения имен существительных. Л. А. Булаховский¹⁶⁾ и А. А. Шахматов¹⁷⁾ отмечали, что живому народному языку всегда были свойственны тенденции к употреблению форм родительного падежа на «-у», но в литературном языке они были подавлены церковнославянским книжным влиянием. Естественно, что в нашем говоре, не испытавшем книжного влияния, окончание «-у» получило более широкое развитие, чем в литературном языке.

Архаические формы родительного падежа сохраняют в нашем говоре слова «день» и «рубль»: *для питрова дни, третива дни; два рубли*¹⁸⁾.

Двойное окончание «-е» и «-у» наблюдается в предложном падеже у имен мужского рода твердой разновидности. Причем, подавляющее большинство существительных имеет флексию «-е»; «-у», «-ж» появляется только в том случае, когда существительные как односложные, так и многосложные, имеют подвижное ударение, которое в предложном падеже падает на окончание, и употребляются с предлогами «в» и «на» для обозначения времени и места действия: *ф сару родилась; была ф суду; на холоду; на тем истраву*.

В подобных же условиях употребляется окончание «-у» и в литературном языке. Причину его появления Л. А. Булаховский¹⁹⁾ видит во влиянии разрушенного типа склонения й-основ. Однако в говоре в орбиту действия аналогии оказался вовлеченный более широкий круг слов по сравнению с литературным языком. Исключение составляет существительное «год»: *в прошлам годи, в етим годи*. Эта архаическая форма, которая в литературном языке в этом значении была вытеснена формой с окончанием «-у», сохранилась в говоре с. Иштан.

¹⁶⁾ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 59.

¹⁷⁾ Шахматов А. А. Очерки современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 438.

¹⁸⁾ См. Палагина В. В. Именное и местоименное склонения в говоре западной части Томского района. Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, том 138, 1960, стр. 50—51.

¹⁹⁾ Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Том II, Киев, 1953, стр. 124.

Колебания в роде существительного «путь» в говоре определили и колебания в системе его склонения. Чаще всего оно изменяется по образцу первого склонения существительных мужского рода мягкой разновидности.

И. путь
Р. путя
Д. путю

В. путь
Т. путём
П. о путё

Примеры: *бис путя, нет мне путя, в армию взяли по последнему путю, пайти нада этим путем.*

Но вместе с тем в говоре отмечены случаи употребления этого слова в формах третьего склонения²⁰): *хорошая путь, на путе зашел к йиму.* Широко распространено в говоре наречное сочетание «на путе» в значении «по настоящему», «как полагается»: *стали жить на путе, некаму взяцца хлапатать на путе.*

С. П. Обнорский отмечает²¹), что разрушение старого склонения i-основ, к которому относилось существительное «путь» в древнерусском языке, привело в народном языке к полному переходу всех имен этого склонения, включая и слово «путь», либо в первое склонение, либо в III склонение, причем, переход данного существительного в систему склонения мужского рода — явление, характерное для южновеликорусских говоров, а переход в систему склонения женского рода — северновеликорусская особенность.

Приняв во внимание данное положение, мы пришли к выводу, что колебания в роде и склонении слова «путь» в нашем говоре, по-видимому, объясняется внелингвистическими факторами. История заселения Западной Сибири и, в частности, Томской области показывает, что поток первоначальных насельников в XVII—XVIII веках был очень пестрым по своему составу. Сюда приходили и селились как выходцы из южнорусских, так и из севернорусских территорий. Поэтому сложение сибирских говоров шло по пути перемалывания различных говоров, как северных, так и южных по происхождению, и слияния их в единую систему. Поскольку слово «путь» в разных по происхождению материнских говорах принадлежало к разным склонениям, то на его последующее существование в нашем говоре оказали влияние две противоположные тенденции; влияние каждой из них было настолько сильным, что одержать полную победу не смогла ни одна из них. По этой же причине колебания в роде и склонении слова «путь» остается фактом системы склонения имен существительных говора с. Иштан и в настоящее время.

Второе склонение в говоре составляют имена существительные женского, мужского и общего рода с окончанием «-а», «-я» в именительном падеже (за исключением слов мужского рода с суффиксами «ушк», «ншк»).

Таблица II склонения имен существительных

И. сестра́	земля́
Р. сестры́, сестре́	земли́, земле́
Д. сестре́	земле́
В. сестру́	зе́млю
Т. сестро́й	земле́й
П. о сестре́	о земле́

²⁰) Существительные III склонения в говоре с. Иштан имеют окончание «-е» в дательном и предложном падежах.

²¹) Обнорский С. П. Указ. раб. Стр. 2—3.

Флексиию «-е» в родительном падеже имеют существительные II-го склонения в том случае, если они употребляются с предлогами «у», «от», «с», имеющими пространственное значение, при этом окончание может быть под ударением и в безударном положении: *у радне комнату снимали, у снахе йесь корова; у Кузьме; с квартири ушли; ат вазы крышка была.*

Наличие окончания «-е» в родительном падеже единственного числа — результат влияния мягкой разновидности древнего склонения а — основ²²).

Во всех других случаях употребляется только окончание «-и», «-ы»: *систры нет дома: выпил вады; аграды у дома нет.*

Слово «церква» получившее в говоре окончание «-а» склоняется как существительное второго склонения.

И. цёрква
Р. цёрквы, цёркве
Д. цёркве

В. цёркву
Т. цёрквой
П. о цёркве

Примеры: *церква у нас згарела, церкву у нас строят, рядам с церковой жили, у церкви.*

Под влиянием литературного языка в говор проникают формы именительного и винительного падежей «церковь»: *нову церкафь строили*

К III склонению в говоре с. Иштан относятся имена существительные женского рода с основой на мягкие согласные и шипящие с нулевой флексией (рожь, кровь, дверь).

Таблица III склонения имен существительных

И. двёрь
Р. двёри
Д. двёре, двёрн
В. двёрь
Т. двёрью
П. о двёрé, двёрí

рожь
ржй
ржé, ржй
рожь
рожью
ржé, ржй.

Вариантное окончание имеют в системе третьего склонения дательный и предложный падежи. Наличие двух форм одного и того же падежа объясняется влиянием литературного языка, которое ведет к вытеснению основного для говора окончания «-е» и замене его флексией «-и». В речи представителей самого старшего поколения флексия «-и» почти не встречается, ее употребление расширяется в речи среднего поколения, и, наконец, она господствует в речи молодежи: *сарвалась с цепи; сидит на цыпе, на гризи идут; на гризе ходит.*

В большинстве случаев приобретение флексии «-е» в дательном и предложном падежах сопровождается передвижкой ударения с основы на окончание. Можно отметить лишь отдельные существительные, не охваченные этим явлением: *на пристани, на кровати, у свикрови.*

Сопоставление II и III склонений имен существительных женского рода показывает, что формы дательного и предложного падежей у них совпадают в форме «-е». III склонение приобрело окончание «-е» под влиянием II склонения по аналогии с ним, причем процесс этот сопровождался передвижкой ударения на окончание. Последний фактор,

²²) Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1960, стр. 93. Шахматов А. А. Очерки современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 445.

вероятно, сыграл немаловажную роль, поддержал аналогию, способствовал ей и ограничивал ее, поэтому она и не охватила всех слов данного типа, дав исключения из общего правила.

В склонении существительных «мать», «дочь» особенностей по сравнению с литературным языком не отмечено.

Склонение имен существительных во множественном числе.

Склонение имен существительных множественного числа в говоре с. Иштан менее разнообразно по сравнению с их склонением в единственном числе. В дательном, творительном и предложном падежах окончания едины для имен всех родов трех склонений.

Д. — -ам

Т. — -ами

П. — -ах.

Примеры: *к лисам; на окнам; к каровам, к двирям, на двирях, к лашыдам пашол, на риках делают.*

Окончания дательного и творительного падежей множественного числа в говоре строго различаются.

Вариантное окончание «-ими» имеют в творительном падеже лишь существительные с основой на заднеязычный и с безударной флексией: *траирошкими грибут, с рибитишкими, чашками звали.*

Гораздо более разнообразные окончания имеют во множественном числе существительные именительного и родительного падежей.

В именительном падеже множественного числа имеются окончания «-а», «-я», «-ы», «-и». У существительных мужского рода с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа во множественном преобладает окончание «-ы», «-и»; *деды, звери, снапы, саседи.* Более обширна, чем в литературном языке, у этих существительных группа слов с окончанием «-а», «-я»: *груза, витра, мисица.* Присоединение этого окончания сопровождается перемещением ударения с основы на окончание.

Для существительных среднего рода, как и в литературном языке, характерно окончание «-а», «-я»: *паля, балота, азира, кольца.* Но вместе с тем в говоре у некоторых существительных среднего рода вместо флексии «-а» в безударном положении употребляется «-ы», «-и»: *письмы, ружьы; крыльы, окны.*

Группа существительных мужского и среднего рода образует именительный падеж множественного числа при помощи суффикса «j» и окончания «-а»: *азерья, балотья, валосья, аблосья, ухватья.* От слов «брат» и «зять» именительный падеж образуется с суффиксами «ов», «ев» и окончанием «-а»: *братавья, зятивья.*

Большинство имен существительных II и III склонений женского рода оканчиваются в именительном падеже на «-ы», «-и»: *жоны, двери, сёстры, сети.* Но и здесь наблюдается влияние форм на, «-а», «-я», которые присоединяются к существительным III склонения и перетягивают на себя ударение: *стирлядя, лошыдя, граня, дачиря; нитиля.*

Следует отметить, что формы на «-а» являются, видимо, вторичными, поскольку употребляются и формы на «-ы», «-и» от этих же слов: *лошади хороши были, дочери у миня.*

Итак, в образовании форм именительного падежа в говоре отчетливо обнаруживаются две конкурирующие тенденции:

1) окончание «-а», «-я» из области среднего рода, где оно является господствующим, активно проникает в область мужского и женского рода и стремится унифицировать на этой основе именительный падеж;

2) однако другое окончание «-ы», «-и», свойственное очень большой группе существительных мужского и женского рода, оказывает стойкое противодействие.

Первая тенденция обнаруживает большую активность, вторая — преобладает количественно, поэтому их влияние уравнивается. Этому способствует и литературный язык, в котором содержатся как те, так и другие окончания.

Родительный падеж существительных множественного числа имеет нулевую флексию, флексии «-ов», «-ев», «-ей», как и в литературном языке. Но в отличие от литературного языка, в котором эти окончания более или менее равномерно распределены между существительными различных типов склонения, в говоре с. Иштан у существительных всех трех родов преобладает окончание «-ов», «-ев», его имеют:

1) так же, как и в литературном языке, существительные мужского рода с твердой основой и нулевой флексией в именительном падеже единственного числа: *нарядаф; кабаноф; лугоф, годоф*;

2) очень многие слова мужского рода с мягкой основой и нулевым окончанием, которые в литературном языке оканчиваются на «-ей»: *лосиф, радитилиф, пилимениф; пузырёф*;

3) существительные, обозначающие животных и имеющие в ед. числе суффикс «онок»: *тилятаф, парасятаф*;

4) существительные мужского и женского рода, у которых в литературном языке в родительном падеже множественного числа флексия отсутствует: *ягадаф, салдатаф, печкаф, баниф, балезниф*;

5) существительные среднего рода с твердой основой и основой на «j» и окончанием «-о», «-е» в именительном падеже единственного числа: *азербиф, кушаньиф; балотьиф, нинастыиф*;

6) существительные (*pluralia tantum*) *яслиф; рибитишкаф; ножницаф, брюкаф*.

Расширение области распространения окончания «-ов», «-ев» соответственно сузило сферу употребления других окончаний родительного падежа.

Флексия «-ей» сохранилась в говоре с. Иштан у имен существительных женского рода третьего склонения и у имен мужского рода с нулевой флексией и мягкой основой: *двирей, пичей, ситей, лашадей, каней*.

Очень малочисленна в говоре группа существительных с нулевой флексией. Это единичные существительные первого и второго склонений мужского, женского и среднего рода, которые в большинстве случаев, очевидно, появились в говоре под влиянием литературного языка: *ста-рух, диривень, азёр*.

Архаическая форма родительного падежа отмечена в говоре для существительного «день»: *десить дён, балею на пять дён*.

Родительный падеж от слова «конь» сохраняет древнерусскую форму «коних». Такая форма уникальна в нашем говоре и свойственна лишь одному слову: *пастух пагнал коних: коних пасет*. (При склонении во множественном числе слово «конь» сохраняет ударение на основе во всех падежах). Форма эта широко распространена в говоре и устойчиво сохраняется в речи старшего поколения.

Рассмотренные материалы позволяют нам сделать следующие выводы.

Говор с. Иштан сохраняет систему трех родов для имен существительных. Средний род удерживается в говоре, не обнаруживая стремления к разрушению и исчезновению. Однако имен существительных среднего рода в говоре гораздо меньше, чем в литературном языке, поскольку

ку в последнем средний род имеет большая группа слов старославянского книжного происхождения с отвлеченным значением и окончанием «-ие», а в говоре подобные слова единичны, их появление обусловлено влиянием литературного языка.

Диалектные различия в роде и числе имен существительных в говоре не затрагивают системы этих грамматических категорий по сравнению с литературным языком, поскольку они касаются частных (наблюдается лишь несколько иное распределение по родам очень незначительной группы имен существительных).

Система рода говора еще более тесно, чем в литературном языке, связана с системой склонения имен существительных. Об этом свидетельствует ярко проявившееся в говоре стремление к объединению существительных одного родового класса в одну систему склонения. Все имена существительные среднего и мужского рода изменяются в говоре по образцу первого склонения, включая существительные среднего рода на «-мя» и мужского рода типа «мальчишка», а также несклоняемые в литературном языке слова, а имена женского рода, хотя и имеют два разных образца склонения, обнаруживают тенденцию к их слиянию.

В отличие от нормированного литературного языка, который сохраняет осколки старых разрушенных систем, наш говор характеризуется более свободным развитием. В говоре с. Иштан тенденция к усовершенствованию системы склонения, к унификации ее проявляется настолько сильно, что все те группы имен существительных, которые в литературном языке стоят особняком вне основных типов склонения, оказываются вовлеченными в систему трех склонений, за пределами которой ничего не остается. Несклоняемые существительные, существительные на «-мя», слово «путь» — все это включается в один из типов склонения.

Гораздо более упорное стремление к унификации, чем в литературном языке, проявляют в говоре существительные множественного числа. Этот процесс не остановился на дательном, творительном и предложном падежах, а распространился на именительный и родительный падежи и, в основном, сделал свое дело.

Система склонения имен существительных в говоре всеобъемлюща и стройна, она охватывает все слова, и в этом ее отличие от системы склонения литературного языка. Особые типы склонений существительных на «-мя», слова «путь», несклоняемые существительные в литературном языке в говоре не существуют, а это означает, что данные диалектные различия свидетельствуют о принципиальной разнице между системой склонения говора и литературного языка.

Характер особенностей морфологической системы имени существительного в говоре красноречиво подтверждает тот факт, что законы развития говора, не скованного нормами, действуют в таком направлении, что способствуют созданию более совершенного и гармоничного языкового здания, чем литературный язык. Все лишнее, всякие обломки существовавших когда-то в языке систем ликвидируются, если они не оправдывают себя, если их наличие или отсутствие безразлично для людей, говорящих на данном языке, и не затрудняет их общения.

Е. М. ПАНТЕЛЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В ГОВОРАХ ТОМСКОЙ И КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

В статье анализируются некоторые предложные и беспредложные глагольные конструкции, неизвестные современному русскому литературному языку, но распространенные в русских старожильческих говорах средней части бассейна реки Оби (в пределах Томской области и северной части Кемеровской области). Материалом послужили записи разговорной речи всех возрастных групп населения, сделанные во время диалектологических экспедиций в Томскую и Кемеровскую области. Мы рассматриваем особенности управления отдельных глаголов (дарить, водиться, обращаться, заниматься, преследовать, внушать, погрозить, уважать, миноваться, остаться, изменять, нанести) и особенности употребления конструкций с предлогом «за».

Предложные конструкции с формой творительного падежа припредложного имени существительного

Особенностью управления в наших говорах является употребление предлога «за» в таких конструкциях: *Кто за ней водится* (Б. П.)¹⁾. *У меня брат был, так за ним водиться надо было* (К.). *С маленькими хуже, за большими-то лучше обращаться* (М. Я.). *Занимаются за пчелами* (Степ.). — *Занимаются с детьми* (Степ.). *Водились с ними, нянчились, теперь выросли* (Б. П.). В этих конструкциях припредложное имя существительное называет лицо или предмет, на которые распространяется действие глагола. В соответствии с нормами современного русского литературного языка глаголы «заниматься», «водиться», «обращаться» выступают с предлогом «с». Употребление предлога «за» объясняем тем, что эти глаголы синонимичны глаголам «ухаживать», «присматривать»²⁾, которые сочетаются с предлогом «за» и формой творительного падежа имени существительного. Глагол «заниматься» в приведенных примерах тоже выступает как близкий по значению к глаголам «ухаживать», «присматривать», образуя с ними один синонимический ряд и заимствуя у них качество предложного управления. Употребление сочетания «заниматься за + творительный падеж», безусловно, поддерживается стремлением говорящих проводить строгое соот-

¹⁾ В скобках дано название того населённого пункта, где отмечены приводимые примеры. См. список условных сокращений в конце статьи. Синонимические сочетания отделяются чёрточкой.

²⁾ Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР, т. 1—16, 1948—1964.

ветствие глагольной приставки и предлога, выступающего с глаголом. Такое соотношение приставки и предлога характерно и для современного русского литературного языка³). В говорах оно проводится в большей мере.

Близки по значению к рассмотренным такие конструкции: *Потому что за мостом много было работы* (Полом.). *За льном работы много было* (Тюм.). *Конопле, за ним меньше было работы* (Полом.). *Лен, а труды-то какие были за ним* (Полом.).

Параллельно употребляются конструкции с предлогом «с». Например: *Со льном много было работы* (Тюм.). *Хватало работы с хозяйством* (Пача). *Канители много с огородом* (Б. А.). В приведенных примерах припредложное имя существительное называет предмет, на который распространяется действие глагола. Это же значение имеют сочетания «с+творительный падеж». Конструкции образуют один синонимический ряд, причем между ними нет различий ни в семантике, но в стилистической окраске. Они, таким образом, представляют дублетные речевые средства. Поэтому под влиянием современного русского литературного языка сфера употребления предлога «за» в указанном значении постоянно сужается. Отсутствие каких-либо различий у двух или нескольких сочетаний, их дублетность, является причиной изменения подобных речевых средств.

Явлением подравнивания предложного управления у синонимичных глаголов объясняем управление в таких сочетаниях: *Учитель, мы за ним не преследуем* (М. А.). *А как стали работать, так уж за нами не стали преследовать* (Кал.). *После этого-то преследовали за ним* (Власк.). В этих примерах глагол «преследовать» употреблен в значении «следить»⁴).

Несколько иное значение выражает сочетание «за+творительный падеж» в таких конструкциях: *Она жила за стариком* (Полом.). *Они не сибирячка, она тока⁵ за сибиряком жила* (Пашк.). *А вычахла за ним (жена за мужем)* (Пашк.). *За ним никто не живет* (К.). *За ним жила, так молока не ела* (Драч.). *За ним легче прожить было* (Ишт.). В приведенных примерах припредложное имя существительное называет лицо, которое совершает действие, обозначенное глаголом. Однако это значение выражено не столь полно и отчетливо, как в сочетании «с+творительный падеж». (Ср., например: *За ним никто не живет* (Власк.). — *С ним никто не живет* (Власк.). *За ним легче прожить было* (Ишт.). — *С ним легче прожить было* (Ишт.).

По свидетельству Т. П. Ломтева, аналогичные конструкции употреблялись и в древнерусском языке. Там они использовались «для обозначения самостоятельного лица, не зависящего от других и имеющего зависимых от себя лиц»⁶). С этим значением конструкции употребляются и в наших говорах. От синонимичных им сочетаний «с+творительный падеж» они отличаются семантикой; несмотря на это, оборот «за+творительный падеж» используется в единичных случаях. Это объясняется тем, что значение сочетаний (обозначение зависимого лица) не поддерживается нашими новыми принципами жизни общества. Значение, вы-

³) Грамматика русского языка. Изд. АН СССР, т. I, 1960, стр. 659.

⁴) Иванова В. А. Особенности управления некоторых глаголов в русских народных говорах. Материалы и исследования по русской диалектологии, изд. АН СССР, в. 2, 1961, стр. 143.

⁵) В примерах отражаются только морфологические и лексикализованные особенности говоров.

⁶) Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 411.

ражаемое конструкцией, исчезает, и, следовательно, должны выйти из употребления те средства, которые выражают это значение. Процесс отмирания оборота «за+творительный падеж» в указанном значении в современном литературном языке закончился, в говорах — он на пути к завершению.

Предложные конструкции с формой родительного падежа припредложного имени существительного

В наших говорах отмечены конструкции: *Братья ямищичили, я нет, как-то миновался от этого* (Тюм.). *Кулаки были сосланы, а мы остались от Нарыму* (Кал.). Употребление предлога «от» в этих примерах* объясняем тем, что глаголы «миноваться», «остаться» близки по значению к глаголу «освободиться», вступают с ним в синонимические связи и заимствуют у него форму предложного управления. Кроме того, употреблению предлога «от» в указанном значении способствует лексическое значение глаголов (миноваться, остаться, освободиться) и предлога «от», общее для них, связанное с идеей удаления. (Ср., например, предложения из сочинений абитуриентов: «Атом стал на службу к человеку». «Преданность к делу партии». «Давыдов знакомится с местными коммунистами и принимается к активной деятельности». Отмеченную в говорах конструкцию: «Поучи-ка ты меня к уму, к разуму, к работушке чижёлой (Арин.), в которой лексическое значение предлога «к» (отношение направленности) не противоречит общей семантике предложений).

Отметим особое управление в таких конструкциях: *Он от стороженья давно отказался* (В. Т.). *Вася сегодня от работы отпросился* (Пашк.). *Пу и отпросился от службы* (Егоз.). Во всех приведенных примерах особая форма управления объясняется стремлением говорящих к строгому соответствию глагольной приставки и предлога, употребляющегося с глаголом⁷⁾.

Предложные конструкции с формой винительного падежа припредложного имени существительного

Отметим особое управление в конструкциях типа: *А этот три раны нанес на продавца* (Пашк.), где употребление предлога «на» нужно объяснить причиной конкретных языковых изменений: единой формой управления одного и того же глагола, употребляющегося как в прямом, конкретном, так и отвлеченном значении⁸⁾. Форма управления заимствуется у прямого, конкретного значения глагола. Подобные конструкции отмечены и в других говорах⁹⁾.

Мысль о том, что глагол может употребляться с падежной формой предложного или беспредложного имени, с которой сочетается синонимичный ему глагол, не является новой, недавно высказанной в нашей лингвистической литературе. Она была четко сформулирована и подтверждена анализом целого ряда подобных явлений Ф. И. Буслаевым, который писал: «Значение синонимов особенно важно в рассуждении управления глаголов, потому что глагол, заимствуя переносный смысл от синонимов, с которыми поставляется в один разряд, получает то же

⁷⁾ Иванов В. А. Указанная работа. Стр. 147.

⁸⁾ Словарь русского языка С. И. Ожегова, изд. 4, 1961, стр. 374.

⁹⁾ Кузнецов П. С. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2, 1949, стр. 98.

самое управление, как и прочие глаголы, которыми выражаются эти синонимы¹⁰).

По нашим наблюдениям, подравнивание управления может быть не только у глаголов — синонимов, но и у глаголов, значения которых прямо противоположны, антонимичны по отношению друг к другу. Например: *Лишить их преимуществами колхоза* (Верш.). *Лишить транспортом* (Верш.). Параллельно употребляются конструкции типа: лишить сена, лишить огорода, нормированные с точки зрения современного русского литературного языка. Сочетание глагола «лишить» с формой творительного падежа, на наш взгляд, возможно по аналогии с глаголом «обеспечить».

Беспредложные конструкции с формой творительного падежа приглагольного имени существительного

В наших говорах глагол «дарить» может употребляться в синонимичных конструкциях¹¹) с двумя дополнениями: или с дополнениями, выраженными формами винительного и творительного падежей имени существительного, или с дополнениями в винительном и дательном падежах имени. Например: *Дарят жениха платком* (Кал.). — *Вот жениху дарят рубашку* (М. А.). *Жених дарит её конфетками, орешками* (Пашк.). — *Невеста дарит жениху платок.* (Пашк.). *Невесту платком дарить* (Бражк.). *Все бояре невесту дарят деньгами* (Верш.). *Стряпку дарят чем-нибудь* (Кафт.). — *Дарили матери платье* (Кафт.). *Всем дарили платки* (Бражк.). Конструкции типа: дарить кого, чем известны и другим говорам¹²).

В наших говорах отмечены конструкции, в которых при глаголе «дарить» отсутствует дополнение в форме творительного падежа имени существительного, а в синонимичных им оборотах нет дополнения, выраженного винительным падежом. Например. *Отец дарил отца и мать* (Тюм.). *Ну и дружку дарят* (Вар.). *Дружку дарят* (М. А.). — *Невеста дарила свекру* (Пача). *После блинов невеста дарит матери, свекровке* (Пашк.). В приведенных примерах творительный падеж называется предмет, средство, с помощью которого совершается глагольное действие. А. А. Потебня обозначает творительный падеж в подобных оборотах как «творительный орудия и средства»¹³) и по поводу таких конструкций замечает: к «оженить» с творительным примыкают (о-, по-), дарить кого, чем, т. е. снабдить кого даром, наделом. Лишь благодаря забвению этого значения возможно сочетание «подарить кому, что»¹⁴). Винительный падеж в таких сочетаниях называется лицо, по отношению к которому совершается действие.

В синонимичной конструкции лицо, к которому направлено действие, выражено формой дательного падежа. Второе дополнение при глаголе «дарить», как глаголе переходном, выражено формой винительного падежа без предлога. В значении этой конструкции нет указания на орудие действия, средство совершения действия. Так как рассмотренные соче-

¹⁰) Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 2, синтаксис, 1958, стр. 80.

¹¹) Синонимическими считаем взаимозаменяемые конструкции, которые выражают одно лексическое значение, имеют в своем составе опорные слова одного грамматического класса и выполняют одну синтаксическую функцию.

¹²) Собиенникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961, стр. 152.

¹³) Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, стр. 449.

¹⁴) Там же, стр. 449.

тания различаются семантическими оттенками, они сохраняются в языке. Употребление в наших говорах глагола «дарить» с формой творительного падежа имени поддерживается тем, что глагол «дарить» сближается по значению с приставочным глаголом «одарить», который сочетается с формой творительного падежа существительного. (Ср., например, конструкцию «*Хозяин оплачивал ямщикам*» (Арин.), где приставочный глагол «оплатить» сближается по значению с глаголом «платить», заимствуя у него и форму предложного управления). В этом случае происходит подравнивание управления у синонимичных глаголов. Это причина изменения управления в сочетании «дарить чем».

Беспредложные конструкции с формой винительного падежа приглагольного имени или местоимения

В наших говорах широко употребляются конструкции: *Он её всё время изменял* (Пашк.). *Я свою Олю никогда не изменю* (Тюм.). *Она изменила его* (М. А.). Такой характер управления тоже составляет особенность рассматриваемых говоров, которая объясняется тем, что в говорах глагол «изменять» используется только в прямом, конкретном значении — сделать иным¹⁵); отсюда и управление — винительный падеж без предлога. Это управление не является диалектным новообразованием сибирских говоров, оно характерно и для других говоров¹⁶).

Интересно отметить управление в таких конструкциях: *По-моему люди сами себя внушили* (Полом.). *Я не верю, сами себя внушили* (Полом.). *Внушат сами себя* (Пача). *Наговоры слушали, ну я не верю, сами себя внушали* (Тюм.). *Ячмень на глазу тоже наговором лечили, люди внушали себя* (Драч.).

Глагол «внушать» по нормам современного литературного употребления должен сочетаться с формой дательного, а не винительного падежа, как в рассматриваемых примерах. Такое управление возможно потому, что глагол «внушать» сближается по значению с глаголом «убеждать», заимствуя у него и форму управления.

Отметим такое управление: *Витя, погрози мать* (Власк.). *Погрозил её* (Драч.). *Даже угрожали нас* (Арин.).

Глаголы «погрозить», «угрожать» в современном русском литературном языке употребляются с формой дательного падежа имени существительного. В приведенных примерах используется форма винительного падежа имени, это объясняется тем, что глаголы «погрозить», «угрожать» осознаются близкими по значению с глаголами «испугать», «страшать», которые образуют сочетания с формой винительного падежа.

Беспредложные конструкции с формой дательного падежа приглагольного имени существительного или местоимения

В наших материалах есть конструкции, в которых глагол заимствует характер управления от синонимичного глагола, входящего в состав словосочетания. Например: *Я говорю, всегда уважай таким людям* (Пашк.). *Она уважает ему* (Власк.).

Глагол «уважать» в современном литературном языке употребляется с формой винительного падежа имени, в приведенных примерах использован дательный падеж существительного. Это объясняется тем,

¹⁵ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. 1—4, 1935—1940. Словарь русского языка С. И. Ожегова, изд. 4, 1961.

¹⁶ Сборник ОЯС, т. 72, 1903, стр. 15.

что глагол «уважать» сближается по значению с сочетанием «оказывать уважение», которое может иметь при себе дополнение в форме дательного падежа.

Такие сочетания известны и в современных воронежских и рязанских говорах¹⁷⁾.

Таким образом, сопоставляя особенности управления в говорах Томской и Кемеровской областей с другими говорами, можно сделать вывод о том, что отдельные конструкции, нехарактерные для современного русского литературного языка представляют собой особенность живого разговорного языка. Особые случаи управления в рассмотренных сочетаниях объясняются: 1) процессом подравнивания управления у синонимичных глаголов; 2) стремлением говорящих проводить соответствие глагольной приставки и предлога, употребляющегося с глаголом; 3) использованием единой формы управления для отвлеченного (переносного) и конкретного (прямого) значений одного и того же глагола; 4) употреблением такого предлога, лексическое значение которого однородно с семантикой глагола. Это причины частных языковых изменений.

Кроме того, есть необходимость выделять общие языковые изменения. Они проявляются в том, что обороты речи, синонимичные между собой, но не различающиеся семантикой, структурой или стилистической окраской, являются дублетными, конкурирующими языковыми средствами; одно из таких сочетаний в конечном итоге или должно изменить свое значение, или выйти из системы языка. Из синонимических сочетаний сохраняются те, которые различаются между собой, которые являются взаимодействующими речевыми средствами, когда каждая из конструкций употребляется для выражения определенного значения или оттенка значения. Это делает оправданным их существование в языке и употребительность в речи.

Список условных сокращений

Арин.	— Ариничево Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.
Б. А.	— Большой Антибес Мариинского района Кемеровской области.
Б. П.	— Больше-Паново Верхне-Кетского района Томской области.
Бражк.	— Бражкино Томского района Томской области.
Вар.	— Варюхино Юргинского района Кемеровской области.
Верш.	— Вершинино Томского района Томской области.
Власк.	— Власково Яшкинского района Кемеровской области.
В.-Т.	— Верх-Тайменка Юргинского района Кемеровской области.
Драч.	— Драченино Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.
Егоз.	— Егозово Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.
Ишт.	— Иштан Кривошеинского района Томской области.
К.	— Курья Верхне-Кетского района Томской области.
Кал.	— Калеул Мариинского района Кемеровской области.
Кафт.	— Кафтанчиково Томского района Томской области.
М. А.	— Малый Антибес Мариинского района Кемеровской области.
М. Я.	— Максимкин Яр Верхне-Кетского района Томской области.
Пашк.	— Пашково Яшкинского района Кемеровской области.
Пача	— Пача Яшкинского района Кемеровской области.
Полом.	— Поломошное Яшкинского района Кемеровской области.
Степ.	— Степановка Верхне-Кетского района Томской области.
Тюм.	— Тюменеве Мариинского района Кемеровской области.

¹⁷⁾ Собинникова В. И. Указанная работа, стр. 166.

И. А. ВОРОБЬЕВА

НОВЫЕ РУССКИЕ ГИДРОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ (по материалам гидронимии Восточной Сибири)

На русской почве исторически сложился суффиксальный тип образования собственных речных названий. Восточная Сибирь не является в этом отношении исключением. Так, здесь повсеместно распространены названия с суффиксами: -КА (и его сложными вариантами): р. Березовка, Рудиковка, Каменка, Усолка, Ослянка, Шаманка; с -ОВ-, -ЕВ-, -ИН-: р. Тасеева, Иркинеева, Малышева, Блохина; с -ИХА: р. Мищиха, Мантуриха, Максимиха, Жданиха, Размахниха.

Эти модели появились в Сибири с первых же лет ее освоения русскими. По материалам «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова (1701 г.) на территории современной Восточной Сибири в районе Енисейска, Красноярска преобладали гидронимы с -ОВ-, -ИН-, встречаются названия с -ИХА и -КА. Наибольшее количество гидронимов с -ИХА было сосредоточено в XVII веке в низовьях Енисея (у Туруханска), а также южнее по Енисею до бассейнов Елогуя и Бахты. Вокруг Илимска и в бассейне Илима много речных названий было образовано с суффиксом -КА¹⁾.

Однако уже в то время в отдельных местах Восточной Сибири преобладающей моделью для образования гидронимов было использование разного рода относительных и качественных прилагательных: р. Быстрая, Черная, Половинная, Северная, Сухая; Светлая, Мокрая. Наиболее часто гидронимы-прилагательные встречались вокруг Байкала, у Иркутска и Якутска. Много их было и по Илимю. Они характеризовали реку по какому-либо признаку, событию. Русский посол Н. Спафарий еще в 1675 году так определял причину номинации некоторых рек: «...а называют *Снежною* для того, что в тех горах стоит снег, зимою и летом не тает, и оттуда река течет... а называют *Выдряною* для того, что выдры и бобры ловят по ней много. На Култуке есть река *Култушная* и там пристанища, а Култук называют самый край узкой Байкальского моря... Слывет *Переменная* для того, что стоит равно против устья Ангары реки, и те, которые хотят перебежать море через, от Ангары парусом бегут или перебегают прямо, для того что тут море зело узко. ...р. *Росольная*: а подле ее из земли ключ кипит и проливается в ту речку, а из того ключа соль садится на всякий год, а бела, как снег, а подобием, как вареная, тоloch не надобно...»³⁾). Из примеров, которые можно было бы

¹⁾ Подробнее см. нашу статью «Русские гидронимы Сибири в XVII веке».

²⁾ Там же.

³⁾ См. Спафарий Н. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 году. СПб, 1882, стр. 120, 121, 132.

увеличить, ярко видно, что эти названия связывались непосредственно с каким-либо характерным признаком объекта.

Эти гидронимы могли иметь суффиксы, но они не были топонимизирующим средством, а входили в состав прилагательного, уже имеющегося в языке. Поэтому нельзя относить данную модель к суффиксальному типу, или по классификации В. А. Никонова, к основам со служебными формантами. Единичные примеры со словообразующим топонимическим суффиксом типа Култушная от Култук в связи со своей единичностью, нерегулярностью общего выхода не меняют.

Позднее, особенно в конце XIX в. и в наши дни названия-прилагательные стали в Восточной Сибири основной гидронимической моделью. Достаточно указать, что весь север и северо-восток Восточной Сибири, освоенные в последнее время, в основном имеют русские гидронимы в форме полных прилагательных, например, в бассейне Хатанги встречаются реки: Спокойная, Тундровая, Высокая, Большая, Малая, Нижняя, Западная, Северная, Новая, Широтная, Звериная, Блудная, Загадочная, Постоянная, Новогодняя, Оленья, Волчья, Заячья, Медвежья, Россомашья, Озерная, Подгорная, Средняя, Поперечная, Водораздельная, Первая, Конечная, Песчаная, Легерная, Лабазная и т. д.

Об усилении роли этой гидронимической модели в топонимии Восточной Сибири можно судить по таким данным: в XVII веке здесь гидронимы-прилагательные составляли 19%, а в наше время 60%⁴⁾. Появление огромного числа названий-прилагательных характерно не только для Восточной Сибири, а является общей чертой всех вновь освоенных территорий, например, в Западной Сибири⁵⁾. Но в Восточной Сибири эта черта проявляется наиболее ярко, так как на этой необъятной территории есть обширные районы, освоенные русскими лишь недавно, при советской власти.

Немалая часть этих названий была дана геологами, гидрологами, картографами и т. д. См., например, хотя бы такие гидронимы, как р. Маршрутная, Ориентирная, Визуальная, Астрономическая, Угленосная, Водомерная, Новогодняя, Агрессивная, Завершающая, Решающая, Неуместная, Загадочная, Задумчивая, Непонятная, Грустная, Сомнительная, Устремленная, Коралловая, Гранатовая, Агатовая, Хрустальная, Лунная и т. д. Но считать их искусственными нет оснований, так как те, кому дано право первооткрывателя называть географические объекты, интуитивно опирались на ту ономастическую схему, которая существует в сознании современного русского человека. Современный же человек, по нашим наблюдениям, суффиксальным названиям, бытовавшим ранее, предпочитает безаффиксные, в том числе использование готовых прилагательных, имеющихся в языке. И лишь изредка подобные гидронимы образуются либо префиксально-суффиксальным способом: р. Подгорная, Подсопочная, Подхребетная, Захребетная, Подпорожная, либо суффиксальным: р. Подкагерная (впадает в бухту Подкагерга), Тимкинская, Доманская, Зиминская, Савинская, Орловская, Костинская, Кричальская, но в общей массе они не составляют и половины процента всех гидронимов-прилагательных. Таким образом, суффиксальный тип, исторически сложившийся в русской топонимике, сдает в настоящее время свои позиции.

⁴⁾ Подсчет сделан студенткой ТГУ Р. Завьяловой в неопубликованной дипломной работе «Русские гидронимы Восточной Сибири».

⁵⁾ См. Воробьева И. А. Русская гидронимия Западной Сибири. «Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений», Л., 1965, стр. 221.

Однако наступление на позиции суффиксального типа в гидронимии Восточной Сибири идет и с другой стороны — в связи с появлением в качестве гидронимов большого количества безаффиксных названий в форме существительных именительного и родительного падежа: рр. Академик, Жемчужина, Мечта, Старт, рр. Покоя, Ожидания, Оленевода, оз. Энтузиастов. Появление этих типов в русской топонимии очень тонко подметил В. А. Никонов, который впервые указал, что данные типы в основном встречаются в названиях населенных мест и микротопонимии и формируются из двух видов основ: 1) из фамилий и имен без аффиксов, 2) из названий колхозов, перенесенных на название населенных пунктов⁶⁾.

Материал гидронимии Восточной Сибири позволяет расширить как сферу их применения, так и круг основ, участвующих в образовании топонимов⁷⁾.

Прежде всего, в качестве гидронимов встречается большое количество личных христианских и современных имен (около 45 названий), причем в большинстве случаев это имена мужчин: рр. Сидор, Григорий, Яков, Федор, Никита, Иван, Касьян, Тит, Тихон, Семен, Митрий, Афанасий, Капитон, а также уменьшительно-пренебрежительные имена: рр. Петрушка, Ивашка, Тимша, Гриша, Сидорка, Сенька. Сходные же названия имеют и некоторые озера: рр. Исай, Аким, Сергей, Мартын, Матвей, Афоня, Егорка. Женские имена получили реки: Фекла, Пелагея, Людмила, Татьяна, Надежда, Наталья, Светлана, Анисья, Ольга, Ира, Натка. Гидронимы в форме именительного падежа личного имени встречаются в основном на севере Восточной Сибири — в бассейне Хатанги, Анабара, по Омолою, в устье Яны, по правым притокам Алдана, — изредка в Чукотском национальном округе и на Дальнем Востоке. Нельзя не указать, что и на этих территориях они представляют островки в пределах 2—3 градусов широты и долготы. Сочетание на очень близкой территории таких названий как Ира и Натка, Анисья и Ольга, Фекла и Пелагея, и особенно Людмила, Татьяна, Наталья, Надежда, Светлана снимают вопрос о появлении их в результате фонетической ассимиляции иноязычных заимствований.

Однако происхождение гидронимов — личных имен, на наш взгляд, неодинаково. Более искусственными из них кажутся гидронимы — личные женские имена. Их появление, возможно, связано с аналогией неправильно истолкованной внутренней формы гидронима Лена или с посвящениями. Речные названия, имеющие в своей основе личные имена, встречаются и на других русских территориях, например, Ульяновка, Еленка, Яшка в Верхнем Поднепровье⁸⁾, но их происхождение также еще не выяснено.

Другим путем возникли, на наш взгляд, гидронимы — личные имена мужского пола. Наличие таких названий, как р. Митрий, р. Петрушка, Сидорка, Ивашка, Тимша, говорит о том, что эти названия бытовали в народе, прошли через устную форму употребления. Встает вопрос о тех, кто дал подобные наименования рекам, и почему отсутствует согласование гидронима с нарицательным географическим термином, характерное для славянской топонимии вообще.

Предположение о том, что названия типа Григорий, Аким относятся к ручьям, отпадает, потому что 1) данные гидронимы взяты из карт, на

⁶⁾ Никонов В. А. Славянский топонимический тип. «Географические названия», «Вопросы географии», № 58, 1962, стр. 32.

⁷⁾ Мы используем примеры, собранные Р. Завьяловой в уже указанной работе.

⁸⁾ См. Топоров В. Н. и Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Изд. АН СССР, 1962, стр. 55, 65 и т. д.

которых не отмечены столь мелкие географические объекты, 2) эти же гидронимы относятся и к озерам, что свидетельствует об отсутствии согласования у них с нарицательным термином вообще. Можно сделать предположение, что они возникли не в среде русских, а у аборигенных народов, воспринявших русские христианские имена, и лишь закрепились русскими в несколько измененной форме. Наше предположение основывается на том, что на этих же территориях есть много названий рек, озер, которые состоят из 2-х частей: русское имя плюс номенклатурный термин аборигенных народов: рр. Сергей — Юряге, Дмитрий — Юрях, Митрей — Отохта, Парфен — Юрях, Ефрем — Пастах, Илья — Урек, Тихон — Юрях, Николай — Юрях, Егорша — Джиелях, Иван — Юряге, Егор — Юряге, Тит — Юряге, Севастьян — Юряге. Озера: Васька — Коеле, Севастьян — Кюеле, Мария — Кюеле, Мартын — Кюель, Яков — Кюеле, Прохор — Уолбаша. Есть гидронимы с фамилиями: озера: Корякин — Кюеле, Лебедев — Джемелех, Фомич — Далдын.

Эти гидронимы также встречаются на севере Восточной Сибири, но почти никогда не соседствуют с личными именами без нарицательного термина, за исключением левого притока р. Хатанги. Поэтому можно полагать, что русские отбросили номенклатурный термин аборигенных народов, особенно там, где было многочисленное русское население. Часть их могла вообще появиться по аналогии с указанными нерусскими гидронимами.

Но как бы то ни было, они прошли через народное употребление и закрепились в русской топонимической системе. По этой модели русские стали образовывать новые названия, например, рр. Диана и Венера, находящиеся рядом, и такие составные гидронимы, как р. Дядя Ваня, р. Академик Павлов.

У аборигенов Сибири модель «собственное имя человека плюс нарицательный географический термин» имела значение притяжательности. У русских же наиболее ярким притяжательным значением обладала гидронимическая модель с суффиксами -ИН-, -ОВ-, -ЕВ-, поэтому не случайно множество русских гидронимов Сибири были образованы по этой модели. Однако большинство данных названий возникло в более ранние эпохи. В последнее время суффиксы -ОВ-, -ЕВ-, -ИН- перестали быть продуктивными не только в языке, где сейчас в этой функции используется родительный падеж, но и в топонимии, где притяжательность стала также выражаться родительным падежом.

Укреплению родительного падежа в русской топонимии способствовали не только такие языковые процессы, как угасание притяжательных суффиксов -ИН-, -ОВ-, но и появление многочисленных названий-посвящений со словом «имени», а потом и с опущением его: пик Победы, колхоз имени Чапаева, площадь имени Ленина или просто площадь Ленина.

Вот почему родительный падеж личных имен в составе гидронимов встречается в Восточной Сибири также достаточно широко и иногда сопровождается названиями в форме именительного падежа личного имени, особенно в устье Яны и Омоля: рр. Андрея, Осипа, Егора, Алексея, Ивана, Марка, озера: Николая, Порфирия, Алексея, Мартына, Константина, Афони и т. д. Правда, среди них почти нет гидронимов в форме родительного падежа уменьшительного имени, кроме Афони, что говорит о том, что они более позднего происхождения, чем названия в форме именительного падежа, и являются более официальными. Появились в составе указанных гидронимов и фамилии: рр. Романчука, Никитиной, Захаренко — в основном посвящения.

Названия-посвящения широко распространяются в настоящее время, в связи с чем имеются широкие возможности для возникновения гидронимов в форме родительного падежа личного имени. Поскольку рассматриваемые названия обязательно должны употребляться с номенклатурным термином, ибо по функционированию — это словосочетания, постольку увеличивается в русской топонимии фонд не эллиптических топонимов, хотя эллиптичность, по мнению Б. А. Серебренникова, является характерной чертой русской топонимии⁹⁾.

Еще шире, чем личные имена, распространены в Восточной Сибири речные безаффиксные названия, имеющие в своей основе нарицательные существительные женского, мужского и даже среднего рода: рр. Волна, Медведь, Морда, Рогатка, Палатка, Мечта, Молодость, Моряк, Пионер, Лимон, Чудо, Вступление.

Не вызывает сомнения возникновение некоторых из них на основе метонимии, когда наименование предмета или явления, находящегося в реке, на реке, рядом с ней, могло быть перенесено на водный объект: р. Грань, Кочка, Волна, Пропась, Нора, Гарь, Галька, Зола, Прорва, Каньон, Обрыв. Такие переносы — нередкое явление в славянской топонимии вообще. Они встречались и в XVII веке, например: рр. Мельница, Караул, Порог, Лебедь, Песец, Падун (из материалов «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова). Н. Спафарий так описывает смысл названия реки Прорва: «а словес *Прорва* для того, что море прорвал берег на перестрелку и учинил озеро»¹⁰⁾. В Восточной Сибири таких названий много: рр. Кочерга, Морда, Мережа, Петля, Палатка, Рогатка, Стрела, Шалка, Вилка, Барка; рр. Гудок, Топорок, Горбылек, Костер, Зипун, Ерус, Крючок, Маяк, Коготок. Встречающиеся в них уменьшительно-ласкательные суффиксы являются суффиксами апеллятивов, а не гидронимов.

Не менее широко в качестве названий рек употребляются слова, обозначающие зверей, птиц, рыб: р. Мамонт, Сиг, Горноста́й, Уточка, Чайка, Россомаха, Гагара. Надо отметить, что в большинстве случаев эти названия на территории составляют группы близко расположенных друг к другу гидронимов. Так, реки, находящиеся рядом, называются одна — Рябчик, другая — Медведь, третья — Сиг. Вполне вероятно предположение, что они являются кальками с названий аборигенных народов, так же как Россомаха есть перевод с селькупского гидронима.

Иногда встречаются в качестве гидронимов и слова, обозначающие растительный мир, причем также группируются на близкой территории: рр. Ирис, Незабудка, Осока; рр. Колба, Тальник, хотя и возможно иноязычное происхождение некоторых из них, например, Колба. Поэтому едва ли правы те топонимисты, которые отвергают в принципе возникновение подобных названий на русской почве: каждый конкретный случай требует особого рассмотрения. Конечно, гидронимы-апеллятивы во многом носят искусственный характер, и с этим нельзя не согласиться, но на некоторых территориях они уже широко распространены и в свою очередь оказывают влияние на дальнейшее развитие русской гидронимии.

Кроме рассмотренных групп, в Восточной Сибири есть и другие многочисленные названия из нарицательных имен существительных, не имеющих в целом никакого отношения к географии: рр. Жемчужина, Загадка, Находка, Незнакомка; Каверза, Мечта, Молодость, Атака, Дума, Дружба, Описка, Проза, Кручина, Команда, Каторга, Армия.

⁹⁾ См. «Вопросы языкознания». 1959, № 6, стр. 39.

¹⁰⁾ Спафарий Н. Указ. работа. Стр. 121.

Мода: рр. Старт, Финиш, Цирк, Раскол, Булат, Вид, Нарзан, Мираж, Отпор; Чудо, Вступление. Сюда же можно отнести гидронимы типа: рр. Зима, Заря, Буря, Жара, Огонь, Циклон, Рассвет, Иней, в основе которых лежат слова, также не связанные с географией местности.

Еще более искусственны гидронимы, появившиеся в результате переноса апеллятивов, характеризующих человека по профессии, по поведению, увлечениям: рр. Солдат, Артист, Приискатель, Охотник, Горняк. Обогагитель, Академик, Разведчик, Военкор, Моряк, Пионер, Ударник, Отшельник, Капрал, Старик, Молчан, Горемыка, Великан, Тихоня, Дьяволенок, Скандалист, Шатун, Соперник, Противник; рр. Отец, Сестра.

Количественные показатели, пары или группы названий, связанных друг с другом и по смыслу и по территории: рр. Отец — Сестра, Старт — Финиш, Горняк — Обогагитель — Приискатель — Разведчик, Соперник — Противник, Скандалист — Молчан, Солдат — Капрал, Атака — Команда — Армия, размещение их густой полосой на одной территории — свидетельствуют о том, что это не случайные совпадения, появившиеся в результате адаптации иноязычных гидронимов, а в большинстве случаев, названия, данные русскими людьми. Конечно, не исключена возможность возникновения отдельных переосмыслений, вызванных народной этимологией, но в своем большинстве — это русские названия, возникшие совсем недавно: рр. Академик, Военкор, Дружба. Встречаются они в основном на Таймыре, заходя южнее его, но не выходя за пределы Ненецкого национального округа, а также на Чукотке на ее границе с Якутской АССР, изредка в Амурской области. Территория распространения этих названий также говорит о том, что они могли быть даны геологами в XX веке.

Первое впечатление от всей массы гидронимов-апеллятивов — искусственность их возникновения. Однако эта искусственность зависит не от самой модели, а от выбора основ, взятых в качестве гидронимов. Тем более, что подобные названия встречались с первых же лет появления русских в Сибири. Кроме указанных выше гидронимов из «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова, можно было бы привести еще гидронимы XVII века: рр. Лисица, Выдра, Утка, Язь, Комар, Ворона, Межа, Мели, Гари, Вор, Баба, Казак, Раб, Сивер и т. д., являющихся по происхождению кальками, переосмыслениями иноязычных названий, русскими образованиями. Будучи разнородными по происхождению, они, однако, закрепились в русской топонимической системе и открыли дорогу для возникновения в топонимию других апеллятивов. Поэтому и современные безаффиксные названия рек, какими бы искусственными они нам ни казались, окажут свое влияние на дальнейшее формирование русских гидронимических моделей.

То же самое можно сказать и о родительном падеже нарицательных существительных, употребленном в качестве гидронима, типа: р. Ковылей, р. Воспоминаний, р. Четырех, рр. Картографов, Гидрологов, рр. Встречи, Анамалии, рр. Оленевода, озера Сомнений, Энтузиастов, Россейей, Сожаления, Ожидания, Покоя, оз. Восьмого Марта и т. д. Правда, эта гидронимическая модель не встречалась в прошлом и является абсолютно новой для гидронимии, но оттенок посвящения, чаще всего не конкретному лицу, а группе людей или событию, важно-му явлению, делает ее в настоящее время актуальной.

Итак, некоторые наблюдения в области русской гидронимии позволяют сделать общий вывод о возросшей продуктивности безаффиксных названий, словосочетаний, включающих в себя форму родительного падежа существительных, использования готовых прилагательных, другими словами, всех людей, не имеющих топонимических формантов.

С. И. МАЗО

ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА В ЯЗЫКЕ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII в. г. ТОМСКА

Многие советские лингвисты, в том числе П. Я. Черных, В. И. Боровский, С. Д. Никифоров, неоднократно высказывали мысль о значении памятников деловой письменности для изучения истории русского языка, так как эти памятники живее и ярче отражают общенародную основу языка. М. А. Соколова отмечает: «Морфологические и фонетические показания самых разнообразных памятников деловой письменности дают в руки историка интересный и надежный материал. Это и понятно, так как все процессы, совершающиеся в языке, в его звуках, формах, в его синтаксических конструкциях, зарождаются в разговорном языке в процессе осуществления языком его основной функции как средства общения людей. Естественно, что все эти изменения находят себе место в таких памятниках письменности, которые отражают повседневную жизнь человека»¹). И далее: «Более полное восстановление прошлого нашего языка неминуемо требует обращения к еще не исследованным письменным памятникам. Сопоставление их показаний с данными современного языка, с учетом диалектальных свидетельств дает в руки исследователей надежный материал. В ряду этих памятников центральное, ведущее место и должны занимать памятники деловой письменности. Чем большее количество их будет детально исследовано, тем полнее и безупречнее будет построена история русского языка»²).

Публикуемая нами статья написана на материале деловых документов XVII века г. Томска, хранящихся в ЦГАДА в фондах Сибирского приказа. Нами рассмотрены различного рода челобитные томских служилых людей (детей боярских, конных и пеших казаков), пашенных крестьян, посадских людей, отписки воевод, таможенных голов, писцовые, городовые и ясачные книги, уголовные и административные сыски.

Документы охватывают период с 1627 по 1675 год, написаны в Томске и адресованы в Москву в Сибирский приказ.

По своему содержанию они очень разнообразны: просьбы о жаловании, о «поверстании в службу, о разрешении привезти в Сибирь свою семью, жалобы на воевод, подъячих, «распросные речи» по уголовным и административным делам. Документы написаны людьми, давно живущими в Сибири и, в частности, в Томске. На это указывают сами челобитчики. «Томского города казачей сынишко» Мартышко Путилов Кутин пишет о своем отце, что он «служиль въ томьскомъ городе

¹) Соколова М. А. Значение памятников в деловой письменности для истории русского языка. Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории, языка и литературы, вып. I, изд. ЛГУ, Л. 1961 г., стр. 124.

²) Соколова М. А. Ук. соч., стр. 130—131.

лЕть³⁾ сорок»⁴⁾. В челобитной «Томского пашеново крестьянина» Бессонки Савельева, написанной в 1651 году, говорится: «Пошу я въ томскомъ городе твою цреву пашну десетинную лЕть шестнадцать и боле»⁵⁾. «Конной казацкишко» Васка Балахин живет в Томске «лЕть тритцеть»⁶⁾, а «посацкий» человек Ивашко Каменной — «тритцать девять лЕть»⁷⁾.

Многие исследователи, занимавшиеся изучением заселения Сибири, указывают, что до второй четверти XVIII века население Сибири происходило из северных областей России. (Буцинский П. Н., Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1899 г.; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. I. 1886 г.; Шунков В. М. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М. — Л., 1946 г. и др.). Первыми насельниками Томска были служилые люди. «Они построили Томский город, они отсюда предпринимали походы в окрестные земли, объясачивали иноземцев»⁸⁾. Вслед за служилыми людьми появляются люди посадские и пашенные крестьяне, а также «гулящие люди»⁹⁾.

Заселение Томска шло двумя путями: 1) посредством переселения по собственной воле и 2) посредством ссылки. И переселение, и ссылка касаются, главным образом, выходцев из-за Урала. Это были, прежде всего, русские и преимущественно уроженцы северных и центральных местностей России. По данным П. М. Головачева, среди первых жителей Томска было до 30 человек из северных городов: из Соли Камской, Соли Вычегодской, Вологды, Холмогор, Великого Устюга, Вычегды и др. волостей и уездов¹⁰⁾.

Д. Н. Беликов в книге «Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта» указывает, что «в уцелевших печатных и письменных памятниках Томской старины крестьяне из Устюга, Соль-Вычегодской, Кайгорода, Яренска, Бятки встречаются постоянно»¹¹⁾. Д. Н. Беликов приводит еще один довод в доказательство того, что выходцы с севера занимали преобладающее место среди населения Томска и его окрестностей. Он пишет, что крестьяне Томского и Кузнецкого округа высоко чтут праздник 8 июля потому, что это — день преподобного Прокопия Устюжского, считающегося покровителем всего Вологодского края¹²⁾.

«Томск и первые русские деревни вокруг него были основаны служилыми людьми, преимущественно, если не исключительно, северного происхождения», — отмечает А. Д. Григорьев¹³⁾.

³⁾ Здесь и дальше по техническим причинам буква «Ять» заменяется буквой Е, И — десятиричное И — восьмиричным, фита — Ф, омега — О.

⁴⁾ ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, ст. 381, л. 363.

⁵⁾ Там же, л. 370.

⁶⁾ Там же, л. 606.

⁷⁾ Там же, л. 631.

⁸⁾ Малиновский И. Прошлое города Томска. Город Томск. Томск, 1912 г., стр. 5.

⁹⁾ Там же, стр. 6.

¹⁰⁾ Головачев П. М. Состав населения и экономический быт Томска в XVII веке. Томск в XVII веке. Изд. В. А. Горохова, СПб., б. г., стр. 164.

¹¹⁾ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск, 1898 г., стр. 8.

¹²⁾ Беликов Д. Н. Ук. соч., стр. 8.

¹³⁾ Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Известия института исследования Сибири, № 6. Труды историко-этнографического отдела № 1, изд. Томского губернского отдела государственного изд-ва, б. г., стр. 14.

Северное происхождение многих томских жителей XVII в. подтверждают и наши памятники. «Сибирской томского города пешой казацкишко» Оска Филатьев пишет в своей челобитной: «...служу въ Сибире тебе гдрю четьрнацеть лЕть, а женишко мое Федосица Терентьева и два сынишка Ивашка да Кирпушка скитаюца межъ дворъ у Соливычегодские»¹⁴). «Томского города пешей казацкишко» Потапко Васильев просит разрешения перевезти в Томск семью, которая находится «на Вологде»¹⁵).

Кроме северян, в Томске жили выходцы и из других частей России: Москвы, Великих Лук, Рязани. Уже в 1623 году в состав населения Томска входило немало «иноземцев», большей частью поляков¹⁶).

Цель нашего исследования — проследить, как отражен в указанных документах язык жителей Томска XVII века. Наши памятники не лишены тех черт, которые были присущи большинству рукописей XVII столетия: в них наблюдается безразличное употребление букв И и И-десятеричного, Ф и фиты, О и омеги, ассимиляция звонких и глухих согласных, смешение Ё и ять, вынесение букв над строкой.

Данная статья посвящена особенностям вокализма в языке документов города Томска XVII века.

Буквы А и О

В исследованных нами памятниках буквы А и О употребляются этимологически правильно и четко различаются в неударенных слогах. Замены гласной О гласной А, отмеченной в единичных случаях П. Я. Черных в языке «Уложения 1649 года»¹⁷), в наших памятниках не наблюдается: посаду (ф. 214, ст. 536, л. 57), посацкие (ф. 214, ст. 536, л. 35), коса (ф. 214, ст. 381, л. 342), дощаник (ф. 214, ст. 381, л. 242), сирота (повсеместно), рогатину (ф. 214, ст. 204, л. 5), товарищ, толмач (повсеместно).

Буква О на месте буквы А в начале слова употребляется:

а) в именах собственных: Офонасей (ф. 214, ст. 381, л. 370), Обросимов (ф. 214, ст. 136, л. 906), Олёшка, Ондрюшка (ф. 214, ст. 136, л. 607);

б) в заимствованных словах: оманаты (ф. 214, ст. 381, л. 470), отласы (ф. 214, ст. 506, л. 146), озям (ф. 214, ст. 381, л. 76), онбар (ф. 214, ст. 4, л. 237), орхепископу (ф. 214, ст. 1660, л. 3), и тут же: аманаты (ф. 214, ст. 136, л. 286), алтын (повсеместно), аршин (ф. 214, ст. 381, л. 76), атаман (ф. 214, ст. 381, л. 281).

П. Я. Черных в указанном выше сочинении отмечает единичность употребления О на месте этимологического А в начале слова¹⁸). В наших памятниках такие написания, как Олёшка, Онашко, Ондрей, повсеместны.

Гласная О последовательно употребляется в приставке роз- (рос-) не только в тех случаях, когда ударение падает на приставку, но и в безударном положении: розыскати (ф. 214, ст. 136, л. 142), россмотря, роспрос (ф. 214, ст. 136, л. 286), рознесло, розвалился (ф. 214, ст. 136,

¹⁴) ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, ст. 49, л. 325.

¹⁵) Там же, ст. 40, л. 169.

¹⁶) Головачев П. М. Состав населения и экономический быт Томска в XVII веке. Томск в XVII веке. Изд. В. А. Горохова, СПб., б. г., стр. 166.

¹⁷) П. Я. Черных отмечает употребление гласного А на месте О в слогах, предшествующих слогу с ударенным гласным А. П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. Изд. АН СССР, М. 1953 г., стр. 194.

¹⁸) Черных П. Я. Ук. соч. Стр. 195.

л. 959), распродал (ф. 214, ст. 381, л. 625). Гласная буква А в этой приставке наблюдается только в словах разорять, разорение (ф. 214, ст. 381, л. 281).

Гласная А заменяется гласной О в следующих словах: тотар (ф. 214, ст. 381, л. 438), тотарина (ф. 214, ст. 536, л. II), козачей, козаки (ф. 214, ст. 136, л. 687), Кормашко (ф. 214, ст. 381, л. 535), Босандайка (ф. 214, ст. 381, л. 318), похать (ф. 214, ст. 381, л. 370), сностей (ф. 214, ст. 381, л. 47), Тотьяну (ф. 214, ст. 381, л. 76), подростут (ф. 214, ст. 381, л. 370), работников (ф. 214, ст. 387, л. 47). В словах тотар, тотарин, козак, козачей наблюдается постоянное смешение букв О и А даже в одних и тех же памятниках.

В основе «рост», как и в «Уложении 1649 года» постоянно употребляется О¹⁹). Основа «роб» употребляется и с той и с другой буквой: работники (ф. 214, ст. 381, л. 47), работа, работать (ф. 214, ст. 18, лл. 273, 275).

Буквы Я и Е

В рассматриваемых нами документах очень часто наблюдается замена буквы Я буквой Е после мягких согласных: десетиной (ф. 214, ст. 136, л. 143), петнацеть (ф. 214, ст. 18, л. 273; ст. 381, лл. 47, 76; ст. 11, л. 432), десетиную, десетину (ф. 214, ст. 381, л. 370), тысячи (ф. 214, ст. 381, л. 687), редили (ф. 214, ст. 381, л. 687), нарежаца (ф. 214, ст. 381, л. 625), десетчан (ф. 214, ст. 387, лл. 13 об., 14 об., 16 об.), десеть (ф. 214, кн. 19, л. 931 об.), деветь (ф. 214, кн. 19, л. 437; ст. 11, л. 432; ст. 536, л. 15; ст. 381, л. 553), чешуйчетая (ф. 214, ст. 4, л. 234).

Такая же замена встречается в числительных на -ЦАТЬ после Ц: двадцеть (ф. 214, ст. 18, л. 273; ст. 381, л. 76; ст. 11, л. 432), петнатцеть (ф. 214, ст. 18, л. 273; ст. 381, лл. 47, 76; ст. 11, л. 432), тринатцеть (ф. 214, ст. 381, л. 76), тритцеть (ф. 214, ст. 381, л. 366; ст. II, л. 432).

Мы имеем также несколько случаев, разбросанных по разным документам, где Е заменяют А после буквы Ш: слышел (ф. 214, ст. 381, л. 535; ст. 750, л. 22), послушел (ф. 214, ст. 750, л. 18), лошадей (ф. 214, ст. 4, л. 237). В словах емщик (ф. 214, ст. 204, лл. 76, 55), семьянист (ф. 214, ст. 136, л. 143; ст. 381, л. 370) замена происходит после j.

Обратная замена звуков повсеместно наблюдается в словах имянем, имяной, имянины, имяны, племяны.

Буквы О и Е

Характерным для наших памятников является последовательное употребление буквы Е под ударением после шипящих, и лишь изредка она заменяется буквой О: жонок (ф. 214, ст. 381, л. 635; ст. 136, л. 906), жонками, жонки (ф. 214, ст. 381, л. 535), шол, отошол (ф. 214, ст. 381, л. 440), чорнавку (ф. 214, ст. 136, л. 906), чорных (ф. 214, ст. 18, л. 274; ст. 506, л. 52; ст. 204, л. 26), на чом (ф. 214, ст. 381, л. 469), взочол (ф. 214, ст. 381, л. 887), по счету (ф. 214, ст. 506, л. 39), зжон огнем (ф. 214, ст. 393, л. 32).

О заменяет Е и в начале слова, в именах собственных: Офимья (ф. 214, ст. 204, л. 7), Омелян (ф. 214, ст. 293, л. 13), Овдокимко (ф. 214, ст. 204, л. 64).

¹⁹⁾ Черных П. Я. Ук. соч. Стр. 198.

Буква ЯТЬ

В наших памятниках постоянно смешивается ЯТЬ и Е. Такое смешение имеет место в одних и тех же документах в одних и тех же словах:

а) под ударением: тЕхъ (ф. 214, ст. 40, л. 84; ст. 136, л. 142; ст. 381, л. 631), техъ (ф. 214, ст. 136, л. 142); ЛЕнские (ф. 214, ст. 136, л. 240), ленские (ф. 214, ст. 136, л. 606); вЕдръ (ф. 214, ст. 506, л. 40), ведръ (ф. 214, ст. 506, л. 125); лЕшихъ (ф. 214, ст. 381, л. 291), пешихъ (ф. 214, ст. 381, л. 185); хлЕбные (ф. 214, ст. 381, л. 242), хлебное (ф. 214, ст. 381, л. 185); человеКъ (ф. 214, ст. 381, л. 438), человекъ (ф. 214, ст. 381, л. 370); мЕсто (ф. 214, ст. 381, лл. 328, 363), место (ф. 214, ст. 536, л. 216; ст. 136, л. 687); рекЕ (ф. 214, ст. 381, л. 242), рЕке (ф. 214, ст. 381, л. 328);

б) в безударных слогах: цЕною (ф. 214, ст. 40, л. 47), цена (ф. 214, ст. 381, л. 76), по цене (ф. 214, ст. 381, л. 47); дЕтей (ф. 214, ст. 381, л. 438), детьми (ф. 214, ст. 381, л. 370), детей (ф. 214, ст. 381, л. 159); рЕке (ф. 214, ст. 381, л. 328), рекЕ (ф. 214, ст. 381, л. 242), реки (ф. 214, ст. 381, л. 328); рЕкою (ф. 214, ст. 136, л. 906), рекою (ф. 214, ст. 381, л. 328).

Как известно, памятники XVII века характеризуются смешением ЯТЬ и Е в безударных слогах и правильным употреблением ЯТЬ под ударением. Мы имеем большое количество примеров замены ЯТЬ буквой Е в ударенных слогах.

Нами дана краткая характеристика употребления гласных букв в документах XVII века города Томска. Но и она позволяет сделать некоторые выводы о диалектной основе языка жителей Томска и его окрестностей.

Нам кажется, что последовательное различие А и О в неударенных слогах нельзя приписывать абсолютной грамотности писцов, так как в документах встречается много отклонений от норм орфографии XVII века. Например, написание через О слова *архиепископ*, оглушение и озвончение согласных (збирать, шездесять, зделать, бес подъячих, беспомошных), упрощение групп согласных (празник, шеснацеть), окончание -ОВО (-ЕВО) в родительном падеже прилагательных и местоимений (соболиново, томсково, моево, твоево).

В подтверждение нашего предположения приведем еще один довод. Для ведения дел и для канцелярской службы был определен штат подъячих. Томские воеводы часто жаловались в Сибирский приказ на неграмотность подъячих: «В Томском, гдарь, в съЕзжий избЕ сидит у твоего гдрва дЕла в денежном столе у приходу и росходу подиачей Захар Давыдовъ одинъ и тотъ худъ писать и честь не умЕеть»²⁰). В челобитных упомянутого выше Захара Давыдова О и А не смешиваются, что указывает на его окающее произношение, так как в письме неграмотного писца аканье отразилось бы обязательно.

Заменить таких неграмотных и малограмотных служителей было нечем. В отписке Микифора Нашокина 1653 года об одном из подъячих говорится, что «гдрву дЕлу за ним многое молчание, а перемЕнить ево нЕкимъ»²¹).

Исходя из этого, мы считаем возможным предполагать, что указанное явление — отражение диалектных черт языка жителей Томска XVII века. Как отмечалось выше, основную часть населения города со-

²⁰) ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, ст. 381, л. 32.

²¹) Там же, ст. 536, л. 38.

ставляли выходцы из северных областей Европейской части России и, особенно, из Вологодского края. Четкое различие О и А в неударенных слогах — одна из самых характерных черт северо-великорусских окающих говоров. К северо-великорусским чертам относится также замена начального А гласным О, употребление приставки РОЗ- (РОС-), замена гласного А гласным О в некоторых словах П. Я. Черных говорит об этих явлениях как об элементах окающего «не московского» говора²²⁾.

Эти черты северо-великорусских говоров отмечены Н. Белоруссовым, М. А. Колосовым и А. И. Соболевским²³⁾. А. И. Соболевский высказал мнение о том, что случаи с употреблением А на месте неударного О и обратно являются заимствованиями из акающих говоров²⁴⁾. Нам кажется, что подобное явление, имеющее место в исследуемых нами бумагах, тоже результат заимствования из говоров жителей, приехавших в Томск из Москвы и других областей России.

Как об одной из характерных черт северо-великорусского наречия говорит Н. Белоруссов о замене А звуком Е после мягких согласных²⁵⁾. Ту же черту отмечает М. А. Колосов в работе «Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка». Он говорит о замене А на Е после j (в наших памятниках емщик, семенист)²⁶⁾.

Замену Е на А в словах типа именной, племенной отмечают все указанные исследователи северо-великорусских говоров. М. А. Колосов считает это явление фактом народной этимологии²⁷⁾.

В работах, посвященных северо-великорусским говорам, отмечается замена ударенного Е звуком О. Н. Белоруссов пишет, что «в одних местностях замечается больше таких случаев, в других — меньше»²⁸⁾. Наши памятники не дают нам достаточного материала для сравнения: мы находим в них О только после шипящих. Это можно объяснить тем, что русская графика XVII века не имела буквы для обозначения 'О.

Такая черта, как переход начального Е в О, отраженная нашими памятниками, отмечена М. А. Колосовым в Вологодской губернии²⁹⁾.

Характерной чертой северных говоров является замена ударенного ЯТЬ звуком И. Но явление это не имеет повсеместного распространения. А. И. Соболевский отмечает, что в говорах Каргополя ЯТЬ выговаривается как И только в слове Есть, а в говорах окрестностей, о. Кенозера и реки Моши (северно-восточное Прионежье) ЯТЬ произносят как Е³⁰⁾.

Вполне возможно, что люди, писавшие наши документы, были выходцами из этих мест. На такое предположение наталкивает фамилия одного из подьячих — Ивашки Кенозерова.

²²⁾ Черных П. Я. Ук. соч. Стр. 198.

²³⁾ Белоруссов Н. Об особенностях в языке жителей в Вологодской губернии. РФВ, т. 18, Варшава, 1887 г., М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия. Сб. ОРЯС, т. 17, № 3, СПб., 1877 г. А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии. Вып. 1, Наречие великорусское и белорусское, СПб., 1897 г.

²⁴⁾ Соболевский А. И. Ук. соч. Стр. 32.

²⁵⁾ Белоруссов Н. Ук. соч. Стр. 214.

²⁶⁾ Колосов М. А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка, Варшава, 1878 г., стр. 119.

²⁷⁾ Колосов М. А. Ук. соч. Стр. 119.

²⁸⁾ Белоруссов Н. Ук. соч. Стр. 205.

²⁹⁾ Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия. Сб. ОРЯС, т. 17, № 3, СПб., 1879 г., стр. 318.

³⁰⁾ Соболевский А. И. Ук. соч. Стр. 49.

Таким образом, многие явления вокализма, отмеченные нами в документах, показывают, что господствующим наречием Томска и его окрестностей в XVII веке было северно-великорусское.

Свои выводы мы делаем на явлениях вокализма. Вопросы консонантизма и морфологии будут освещены при дальнейшей работе над памятниками.

Г. И. КЛИМОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О СЛОВОПОРЯДКЕ В ГРУППЕ ОПРЕДЕЛЯЕМОГО СЛОВА И СОГЛАСОВАННОГО АТРИБУТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о словопорядке в славянском атрибутивном словосочетании ставится нередко в плане сравнения древнегреческих оригиналов и их старославянских переводов со стороны изучаемого факта. При этом исследователи иногда слишком прямолинейно заключают либо об абсолютной непроницаемости славянского синтаксиса по отношению к древнегреческим нормам, либо, напротив, об абсолютной его проницаемости, так что словопорядок в атрибутивном словосочетании в старославянском языке представляется им результатом калькирования соответствующей синтаксической нормы древнегреческого языка. Так, например, французский лингвист М. Виднес¹⁾ полагает, что исконным местом славянского прилагательного была препозиция по отношению к определяемому слову, а широко распространенная в древних славянских языках постпозиция объясняется влиянием греческого словопорядка. В этом высказывании, полагаем мы, три ошибочных положения: об исконности препозиции как словопорядка в славянском атрибутивном словосочетании; о никак не ограничиваемой проницаемости славянского синтаксиса в части словопорядка в атрибутивном словосочетании; наконец, об отсутствии различия степени влияния древнегреческих норм на старославянские и на древнеславянские оригинальные тексты.

Последняя ошибка присуща и французскому лингвисту Ж. Канде. Он верно, по нашему мнению, считает постпозицию атрибутивного прилагательного исконно присущей славянским языкам и верно формирует принципы перевода с древнегреческого на старославянский: «...переводчики, сохраняя греческий словопорядок в тех случаях, когда он соответствовал нормам словорасположения родного им языка, редко прибегали к насилию над синтаксисом своего языка и обычно изменяли греческий словопорядок, если такого соответствия не было»¹⁾. Нормальным же словопорядком в древнегреческом атрибутивном словосочетании была постпозиция, что констатирует и Ж. Канде. В этих условиях закономерно, по его мнению, было бы ожидать преобладания постпозиции атрибутивного прилагательного в славянских памятниках, но вот здесь-то Ж. Канде и не проводит должного разграничения старославянских переводных и древнеславянских оригинальных текстов и как противоречие констатирует следующий факт: «По некоторым признакам можно тем не менее допустить, что оно (т. е. славянское прилагательное — О. Л.) имело тенденцию предшествовать существительному»¹⁾.

¹⁾ За неимением работ Виднеса М. и Канде Ж. мы воспользовались переводом основных положений этих работ, приведенных в работе О. А. Лаптевой «Расположение

Скорее всего эти «некоторые признаки» касались оригинальных древнеславянских текстов, в которых, как подтвердили и наши наблюдения, препозиция атрибутивного прилагательного явно преобладает над постпозицией. Мы проанализировали несколько древних болгарских и сербских грамот IX—XIV вв., т. е. текстов, хронологически наименее удаленных от старославянских текстов. Во всех этих грамотах количество атрибутивных словосочетаний с препозицией прилагательного в несколько раз — от 1,5 до 6,5 — превышает количество атрибутивных словосочетаний с постпозицией прилагательного. Между тем старославянские переводные памятники обнаруживают явное преобладание именно постпозиции атрибутивного прилагательного. Мы провели частичный анализ 8 старославянских текстов: Ассеманиева, Супрасльского, Синайского, и Зографского евангелий, книг святого Еноха, Болонской псалтыри, Охридских листков и евангелия Рыльского монастыря. Отношение количества атрибутивных словосочетаний с препозицией прилагательного к количеству атрибутивных словосочетаний с постпозицией прилагательного колеблется здесь в совершенно иных границах, нежели в древнеславянских грамотах: от 0,18 до 0,80. Оно ни разу не превышает единицы и тем убедительно иллюстрирует положение о преобладании постпозиции в старославянском атрибутивном словосочетании.

Но тогда как будто бы оказывается верным вывод о калькировании переводчиками с древнегреческого языка на старославянский словопорядка оригинальных древнегреческих текстов. Однако проведенное нами сравнение словопорядков атрибутивного словосочетания в древнегреческом и в старославянском языке убеждает все-таки в правильности положений Ж. Канде о принципах описываемого перевода.

Мы проанализировали два церковнорусских памятника — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.²⁾ и Ефремовскую Кормчую XI—XII вв.³⁾, — тексты которых изданы параллельно с оригинальным древнегреческим текстом. Совершенно четко мы выделили 4 основных типа соотношений словопорядков в древнегреческом и старославянском текстах:

1) И в древнегреческом, и в старославянском текстах согласованное препозитивное определение — прилагательное. Например: «*διὰ τῆς δοκοντίας εἰς αὐτὴν πορίαν τῶν χρονοματῶν*» — «тем же мынимымъ уродством проведания» (44)²⁾ и т. п. еще в 65 случаях.

2) В древнегреческом тексте — несогласованное препозитивное определение; в старославянском — согласованное препозитивное определение. Производя замену несогласованного определения согласованным, переводчик нашел возможным сохранить препозитивное положение определения. Данный тип соответствия близко примыкает к первому. Например: «*ὥρα ἐκ ὅσον ἄλλ' ἔργον ἐπιπτεῖ σοι τὸ τῆς διαρείας ὄμμα*» «в колику ти невестъ въпадаетъ **мыслное око**» (47)²⁾.

3) В древнегреческом тексте — согласованное постпозитивное определение; в славянском — тоже согласованное постпозитивное определение. Например: «*πῶς ὁ θεὸς εἰς μέγαν ἔλθε παρθενικῶν*»...

древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного» («Славянское языкознание», М., 1959 г., стр. 98, 100—101).

²⁾ «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете», книга 4, II., 1883 г.

³⁾ «Древнеславянская Кормчая», т. 1, СПб., 1906 г.

4) В древнегреческом тексте — несогласованное постпозитивное определение; в славянском — согласованное, но тоже постпозитивное определение. Например: «*καὶ ἢ ἔργῳ ἐστὶ*» — «и не ли то **дело божие**» (46). Именно за счет перевода большого числа древнегреческих несогласованных определений, стоящих естественно, в постпозиции, старославянскими согласованиями, то тоже постпозитивными определениями и происходит значительное снижение в старославянских текстах величины отношения препозитивных определений к постпозитивным по сравнению с древними южнославянскими текстами и с текстами древнерусского языка.

На первый взгляд выделенные типы соотношений между древнегреческим и славянским текстом в части позиционного режима в атрибутивном словосочетании тоже свидетельствуют в пользу мнения о механическом калькировании как о принципе перевода с древнегреческого на старославянский исследуемой части предложения. Однако специальный анализ типов постпозиций определения в старославянских текстах обнаружил, что в подавляющем большинстве случаев это те же самые типы, которые характерны и для древних южнославянских, и для собственно древнерусских текстов, а именно:

а) в случае, если определение выражено притяжательным прилагательным, например: «*како бог приде в утробу девичу*» (43)², «и не ли то **дело божие**» (46)² и т. п.;

б) в случае, если славянское определение — член группы прямого дополнения: «*вину непразнину тьчю подаюштиимъ*» (47)², «*высоту небесную и широту земную... къто исследить*» (48)² и т. п. еще в 24 случаях;

в) в случае, если славянское определение является членом группы постпозитивного (по отношению к сказуемому) подлежащего: «*тако же не разумеются твари божия*» (49)² и еще в 18 случаях.

Таким образом, хотя при переводе с древнегреческого на старославянский и произошло занижение величины отношения препозиций к постпозициям, тем не менее не происходит грубого нарушения норм словопорядка в атрибутивном словосочетании того южнославянского диалекта, на который производился перевод древнегреческих текстов. Именно поэтому мы соглашаемся с той формулировкой принципов перевода с древнегреческого на старославянский язык, которую дает Ж. Канде.

Но совершенно очевидно, что подобный принцип перевода мог иметь место только в случае известной близости норм переводящего языка нормам языка переводимого. В самом деле, и в древнегреческом, и в древних славянских языках была известна и препозиция, и постпозиция определения-прилагательного в составе атрибутивного словосочетания, хотя и в разных количественных соотношениях: в греческом явно преобладала постпозиция, в славянских — препозиция.

5) В том, что в славянских оригинальных текстах в IX—XI вв. нормальным (экспрессивно не окрашенным) словопорядком в атрибутивном словосочетании является препозиция определения-прилагательного, убеждают такие факты, которые мы относим к 5-му типу отношений между старославянским и древнегреческим текстами: в древнегреческом — одиночное (без определения) существительное; в славянском — согласованное **препозитивное** (!) определение. Очевидно в этих случаях переводчик оформлял старославянское атрибутивное словосочетание по нормам этого языка, не имея возможности ориентироваться на оригинал;

например: « *ἀλλὰ περίεργος πιστεύωρεν* » — «**нѣ без лихааго пытания**» (47)²⁾ и т. п.

6) Наконец, следует отметить редкие случаи замен переводчиком постпозитивных древнегреческих определений старославянскими препозитивными, например: « *βλασφημοῦτο τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον* » — «**хоуляшастый духъ**» (56)²⁾ и т. п. Эти случаи иллюстрируют вторую часть вывода Ж. Канде об имевших место изменениях в словопорядке старославянского языка по сравнению с древнегреческим. Эти случаи замен — убедительный довод против мнения о том, что переводчики с древнегреческого на старославянский язык пассивно калькировали древнегреческий словопорядок в атрибутивном словосочетании.

Итак, в старославянских текстах постпозиция определения-прилагательного явно преобладала над препозицией, но отношение числа препозиций над числом постпозиций в этих текстах представляется нам искусственно несколько заниженным вследствие их переводного характера.

В собственно же славянских (древнеболгарских, древнесербских и древнерусских) памятниках примерно того же времени препозиция атрибутивного определения явно преобладала над постпозицией. Однако мы не согласны с М. Виднесом, что исконным местом атрибутивного прилагательного была его препозиция по отношению к существительному-определяемому. Исконным местом славянского прилагательного-определения, полагаем мы, была его постпозиция, и в защиту этого мнения мы приводим ряд аргументов разного характера.

Аргумент первый. Как обнаруживается в ходе интерпретации системы положений о развитии соответствующих мысленных структур (описанном Г. П. Щедровицким в серии очерков «О строении атрибутивного знания»⁴⁾) на языковом материале, первоначально субстантив-атрибутивные отношения, которые существуют между определением и определяемым в составе атрибутивного словосочетания, возникли в составе особого — атрибутивного предложения между его подлежащим и сказуемым. Впоследствии этот тип отношений стал возможен между членами полупредикативного словосочетания, но вместе с типом отношений это словосочетание заимствовало из атрибутивного предложения и порядок следования соответствующих членов: сначала определяемое, потом определение.

Аргумент второй. В пользу положения об исконности прилагательного-определения говорят данные об общем направлении в изменении позиционного режима в атрибутивном словосочетании на протяжении письменной истории русского языка.

Мы проанализировали со стороны словопорядка в атрибутивном словосочетании более 700 текстов русского языка, различных в трех основных отношениях: хронологическом, стилистическом и территориальном.

При этом для каждого текста мы подсчитали количество атрибутивных словосочетаний с препозицией прилагательного-определения и количество атрибутивных словосочетаний с постпозицией прилагательных-определений. Для того, чтобы результаты такого анализа были наиболее удобны для сравнения, мы для каждого текста подсчитали отношение количества атрибутивных словосочетаний с препозицией определения — прилагательного к количеству атрибутивных словосочетаний

⁴⁾ Щедровицкий, Г. П. «О строении атрибутивного знания», сообщения I—VI (Доклады АПН РСФСР, 1958 г., № 1, 4; 1959 г., № 1, 2, 4; 1960 г., № 6).

с п о с т п о з и ц и е й прилагательного-определения. Условно назовем это отношение Т.

Как обнаружили результаты нашего анализа, наиболее резкие различия наблюдаются между группами текстов, разнящимися именно в стилистическом отношении. Это главное различие часто затушевывает хронологическое различие текстов в несколько веков.

Тем не менее на протяжении всей письменной истории русского языка тенденция перехода прилагательного из постпозиции в препозицию очень явственна. Мы нашли из проанализированных текстов средние величины Т для каждого века (без учета стилистических и территориальных различий текстов). Расположенные хронологически, они ярко иллюстрируют указанную выше тенденцию:

X	в. —	1,03
XI	в. —	1,35
XII	в. —	2,68
XIII	в. —	2,49
XIV	в. —	2,21
XV	в. —	1,95
XVI	в. —	2,94
XVII	в. —	3,40
XVIII	в. —	3,46
XIX	в. —	32,25
XX	в. —	80,30.

Аргумент третий. В древних индоевропейских языках, древнегреческом и латинском, известны и препозиция и постпозиция как нормы словоупотребления в атрибутивном словосочетании. Но описание этих норм производится обычно таким образом, что позволяет сделать два вывода:

1) конкретные языковые причины, обусловившие два типа словоупотребления в атрибутивном словосочетании, продиктованы системноязыковыми связями между различными средствами выражения атрибутивных отношений (см. ниже) и носят явно вторичный характер по сравнению с причинами, продиктованными соотношением языковых конструкций с соответствующими мысленными конструкциями (см. аргумент первый);

2) именно препозиция определения-прилагательного, как обусловленная системноязыковыми связями, является вторичной по отношению к первичной постпозиции, как обусловленной изоморфными отношениями генетически исходных языковых конструкций с соответствующими мысленными конструкциями. В самом деле, препозиция определения-прилагательного становится возможной лишь тогда, когда а) сохранение постпозиции почему-либо препятствует успешному выполнению данным атрибутивным словосочетанием его коммуникативного задания или б) когда препозиция имеет особую смысловую нагрузку (экспрессивно окрашена) по сравнению с постпозицией.

Вот примеры подобных описаний норм позиционного режима атрибутивного словосочетания в античных языках.

Древнегреческий язык. Как отмечает Ж. Канте, «древнегреческое определение обычно (разрядка наша — Г. К.) постпозитивно и занимает препозитивное положение лишь в тех не очень частых (разрядка наша — Г. К.) случаях, когда оно несет на себе того или иного рода логическую ударенность или входит в состав «этимологической фигуры». Однако эта норма проводилась в древнегреческом языке не всегда последовательно; положение осложнялось также тем, что место греческого прилагательного зависело от наличия или отсутствия артикля при именной группе¹⁾).

Латинский язык. «Определение, выраженное прилагательным или числительным или родительным падежом, может стоять как перед определяемым существительным, так и после него. Если на определении или на определяемом есть логическое ударение (например, при противопоставлении), то по большей части впереди ставится слово с логическим ударением (разрядка наша — Г. К.). Если нет логического ударения ни на определении, ни на определяемом, то прилагательное по большей части ставится позади определяемого»⁵).

Аргумент четвертый. Н. Д. Андреев в работе «Машинный перевод и проблема языка-посредника» приводит следующие данные. В большинстве из наиболее распространенных 26 языков мира определение стоит перед определяемым. При этом в индоевропейской семье языков постпозиция является нормальным словопорядком в атрибутивном словосочетании только в группе романских языков, а также в иранском языке. Такие четкие границы распространения того или иного словопорядка в атрибутивном словосочетании в замкнутых группах языков позволяют ставить вопрос о том, что особенности словопорядка в том или ином языке обусловлены конструктивными особенностями систем самих языков этих групп — особенностями, отсутствующими в других языках.

Аргумент пятый. В качестве пятого и самого основательного аргумента мы выдвигаем гипотезу о причинах произошедшей в славянских языках инверсии исконно постпозитивного определения-прилагательного и доказываем ее фактами из истории русского языка.

В настоящее время общепризнано, что некогда имела место только синтаксическая (позиционная) универсальная дифференциация имен прилагательного и существительного. Морфологическая же (суффиксальная) дифференциация касалась далеко не всех слов этих частей речи. Особые суффиксы, отсутствующие у имен существительных, имелись только у притяжательных прилагательных, у относительных прилагательных (например, суффикс -ск-). Некоторые попытки суффиксального отграничения от имен прилагательных были предприняты и в системе имен существительных. Так, А. А. Потебня пишет: «Вообще я думаю, что имена существительные на «-ыць», «-иця» и другие суффиксы, не вносящие никакого особого оттенка (разрядка наша — Г. К.), кроме существительности и единичности, непосредственно произведены не от прилагательных, а от существительных... Побуждение к присоединению к такому существительному «молодь» суффикса «ыць» могло быть именно желание отделить его от прилагательного «молодь» и таким образом обособить категорию прилагательного»⁶).

В настоящее время также общепризнано, что в древних славянских и других индоевропейских языках в предложениях, где сказуемое выражено именем существительным или именем прилагательным, отсутствовал глагол-связка настоящего времени. Так, А. А. Шахматов пишет: «Учение, утверждающее, что естественным способом выражения сказуемого является глагол..., находится в противоречии с историей языка... древнерусский язык представляет уже ряд предложений, где отсутствует связка настоящего времени... предложения бессвязочные восходят в русском языке к глубокой древности. В настоящее время, благодаря преимущественно исследованиям А. Meillet, вполне установлено, что и

⁵) Соболевский С. И. «Грамматика латинского языка», ч. I, М., 1948 г., стр. 382—383.

⁶) Потебня А. А. «Из записок по русской грамматике», ч. III, Харьков, 1899 г., стр. 57.

в древнейшем греческом языке и в языке древнеиндийском тип бессвязочных предложений господствовал сравнительно с типом связочных предложений»⁷⁾. Точку зрения А. А. Шахматова вполне разделяет и Т. П. Ломтев⁸⁾.

Комплекс описанных условий, а именно: наличие только позиционного различия имени прилагательного и имени существительного в составе атрибутивного словосочетания, а также отсутствие глагола-связки настоящего времени — затруднял однозначное членение на группу подлежащего и группу сказуемого таких предложений, где сказуемое было выражено именем прилагательным и существительным и где при существительном подлежащем и при существительном-сказуемом имелись в свою очередь определения-прилагательные. Безусловно имевшая место интонационная оформленность таких предложений помогла безошибочно различать подлежащее, сказуемое и определение в подобных предложениях лишь в случае их малочленности. Однако возможности интонационного различия значительно снижались в условиях многочисленности такого рода предложений. В языке возникла возможность двоякого членения описанных предложений на группу подлежащего и сказуемого, а атрибутивного словосочетания — на определение и определяемое. Это обстоятельство существенным образом препятствовало выполнению этими предложениями и этими атрибутивными словосочетаниями их коммуникативного задания.

В древнерусском языке еще изредка встречаются предложения, относительно которых возможно двоякое членение на группу подлежащего и группу сказуемого. Ипатская летопись⁹⁾: «от слуха зла не убоится» (44); «жена бо разумлива благословена» (54). Переяславль-Суздальская летопись¹⁰⁾: «никакого зла страха ради» (4).

Таким образом, полагаем мы, имевшая некогда место в истории славянских языков инверсия исконно постпозитивного прилагательного-определения явилась **средством расподобления** с одной стороны **подлежащего** и **сказуемого** в предложениях, где последнее выражено прилагательным или существительным, и, с другой стороны, **определяемого** и **определения** в атрибутивном словосочетании. Это и есть главное положение нашей гипотезы о причинах описанной инверсии.

Но тот же самый комплекс причин, который обусловил инверсию прилагательного, определения к существительному — подлежащему, необходимо должен был закрепить постпозицию прилагательного, определения к существительному—сказуемому или к существительному—постпозитивному (по отношению к сказуемому) подлежащему.

Тот же самый комплекс причин, который обусловил инверсию исконно постпозитивного определения-прилагательного вообще, мог сохранить постпозитивное положение тех прилагательных, которые были каким-то образом (иначе, чем позиционно) дифференцированы от имен существительных — например, суффиксально, как имена прилагательные притяжательные и относительные с суффиксом -ск-.

В самом деле, анализ текстов русского языка различных периодов развития обнаружил в них именно названные выше случаи постпозиции определения-прилагательного при явном преобладании препозиции вообще. Эти типы постпозиции мы называем остаточными и считаем их

⁷⁾ Шахматов А. А. «Синтаксис русского языка», Л., 1941 г., стр. 179—180.

⁸⁾ Ломтев Т. П. «Очерки по историческому синтаксису русского языка». М., 1956 г., стр. 36, 37.

⁹⁾ «Летопись по Ипатскому списку», Спб., 1871 г., стр. 44, 54.

¹⁰⁾ «Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века». М., 1851 г., стр. 4.

существенными доводами в пользу истинности нашей гипотезы о причинах инверсии. Приведем примеры перечисленных выше типов остаточной постпозиции из русских текстов XI—XVII вв.

Остаточная постпозиция определения, выраженного притяжательным прилагательным. Новгородские берестяные грамоты¹¹): «а **рожь Петрову** повелело есемо измолотиво Криву дати» (1). Ипатская летопись⁹): «Тем же **от смерти Святославля до смерти Ярославли лет 85**» (107); «**от пленения Соломона до пленения Иерусалимова лет 448**» (99).

Слово о полку Игореве¹²): «**по замышлению Бояню**» (108); «**рища в тропу Трояню**» (109);

Письма XVII в.¹³): «прикожи ко мне писат про свое многолетное здорове и **про здорovie невестушкино**» (20). Остаточная постпозиция определения, выраженного относительным прилагательным с суффиксом -ск-.

Новгородские берестяные грамоты¹¹): «Поими **кони корилески**» (94); «**мыла на белку бургалского**» (17); «Цълобитье осподину **посаднику новгороцкому**» (142).

Ипатская летопись⁹): «**внидеть в море Варяское**» (29); «**близ устье Днепрское**» (35); «**пишетъ в летописании грецкомъ**» (96).

Слово о полку Игореве¹²): «**жены руския въсплакашась**» (112); «**зареза Редедю пред полкы касожьскими**» (108).

Письма Петра Великого¹⁴): «никаково озлобления **дезертиром Швецим** не чинили» (148); «Малороссийскую землю поработить **под владение Полское**» (242).

Остаточная постпозиция прилагательного — определения к существительному — сказуемому.

Новгородские берестяные грамоты¹¹): «е была **земля павлова**» (50)¹²).

Сочинения И. С. Пересветова: «Турецкий царь Махмет-салтан сам был **философ мудрый**» (247).

Остаточная постпозиция прилагательного, являющегося определением к существительному — постпозитивному (по отношению к сказуемому) подлежащему.

Ипатская летопись⁹): «**предвидяше пред ними ночью столп огнь**» (64).

Слово о полку Игореве¹²): «трещат **копиа харалужныя**» (111). Калызинская челобитная¹⁵): «Поставлен в воротах ш шелепом **старец кривой Фалалей**» (144).

К XVIII веку, полагаем мы, в русском языке окончательно сформировалась категория логической ударенности одного из членов атрибутивного словосочетания с постпозицией определения-прилагательного как средством выражения этой ударенности. Это обстоятельство приводит к исчезновению из русского языка остаточных постпозиций как таковых. Остатки их мы встречаем в формулообразных выражениях современного русского языка: «**страх божий**», «**изверг рода человеческого**», «**привести в веру христианскую**» и т. п.

Таковы наши аргументы в пользу доказываемого положения об истинности постпозиции определения-прилагательного как словопорядка в атрибутивном словосочетании в славянских языках.

¹¹) Арциховский А. В. и Борковский В. И. «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—57 гг.)». М., 1963 г.

¹²) «Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII в.в.», М., 1947 г.

¹³) Котков С. И., Панкратова Н. П. «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII в.в.», М., 1964 г.

¹⁴) «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. 8, вып. I, М., 1948 г.

¹⁵) «Русская повесть XVII в.», М., 1954 г.

А. П. ДУЛЬЗОН

О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Неродственные языки можно изучать с разной целенаправленностью: можно искать в них различия, чтобы выяснить причины и пути развития различного материально-языкового воплощения одной и той же мысли; можно, наоборот, искать в них общности, чтобы установить, как и почему потребность выражения тождественного содержания приводит носителей разных языков при отсутствии контакта между ними, к выработке одинаковых по типу конструкций, или же можно искать в имеющих общности различных языков доказательство былой совместной жизни их носителей. Обычно общностями последнего рода считают материальное совпадение, т. е. наличие в неродственных языках тождественных по звуковому составу и семантическому значению языковых единиц, слов и морфем.

В истории языкознания нет недостатка в попытках историко-сопоставительного изучения неродственных языков. Несмотря на это, необходимо признать, что научная методология подобного рода изучения языков до сих пор еще недостаточно разработана. Разработку основ методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков, несомненно, нужно признать одной из актуальных задач современного языкознания.

Мы рассмотрим дальше несколько частных вопросов этого рода на конкретном материале юкагирско-коттских и юкагирско-кетских языковых связей, при чем речь будет идти только о таких общностях, о которых можно предположить, что они возникли путем контактного развития этих языков.

Юкагирский язык, как и кетский с примыкающим к нему вымершим коттским, представляют собой языки со своеобразной структурой, не находящей себе близкой аналогии в других языках. Эти языки вместе с некоторыми другими языками Дальнего Востока у нас обычно объединяют в одну группу под названием палео-азиатских языков. В основе этого термина лежит не представление о генетическом родстве этих языков — родства между ними, в обычном понимании этого слова, фактически не имеется, а представление об их носителях, как о представителях этнических групп древнейшего населения территории Азии. Конечно, классификационные термины подобного рода вообще допустимы, но в данном случае лучше было бы применять термин с более узким содержанием и называть рассматриваемую группу языков палеосибирской.

Из сказанного становится понятным особый интерес к этим народам и их языкам со стороны лингвистов, этнографов, археологов и антропо-

логов: установление связей этих языков между собою и с другими языками будет способствовать раскрытию древней истории крайнего севера Азии, т. е. той ее части, которая из-за отсутствия письменных источников остается нам неизвестной вплоть до XVII—XVIII вв. Естественно ожидать, что при наличии древней общности в палеосибирских языках, расположенных на периферии урало-алтайского языкового ареала, мы найдем архаические особенности, утерянные в центре ареала, которые помогут воссоздать историю развития этой обширной семьи языков.

Связи юкагирского языка с уральскими (финно-угро-самодийскими) уже неоднократно привлекали внимание исследователей (Х. Паасонен, Э. Леви, Б. Коллиндер, К. Боуда, И. Ангере, Е. А. Крейнович¹).

В результате этих исследований стало очевидным наличие в юкагирском языке значительного количества общностей в словаре и морфологических формантах, в особенности с самодийскими языками. Алтайские связи юкагирского языка, несомненно, то же имеющиеся, хотя и не в таком большом количестве, выявлялись Е. А. Крейновичем²). Этим же автором впервые выдвигается положение о наличии в юкагирском языке кето-коттских связей³). Впрочем, одну общую кето-котто-юкагирскую особенность типологического характера отметил уже раньше В. И. Иохельсон — образование формы мн. ч. некоторых личных местоимений посредством чередования гласных⁴). Образование форм числа у личных местоимений посредством вариации гласных, широко распространено в алтайских языках, в частности, в монгольских и тунгусо-маньчжурских⁵).

Для коттского языка это утверждение вообще не имеет никаких оснований, но в кетском языке (в большинстве говоров) действительно формы числа первых двух личных местоимений построены на основе чередования гласных: кур. ат «я» — ъ^от «мы», ук «ты» — ъ^ок «вы». Однако, это чередование вторичного происхождения; ср. етин (XVIII в.) из атин, адин «мы» (форма етн, ъ^отн «мы» до сих пор употребляется в кетских говорах).

Е. А. Крейнович приводит свыше десяти особенностей коттского языка, имеющих большей частью существенное значение в его грамматической системе, которые, по его мнению, совпадают по составу звуков, а также в структурном и семантическом отношении с соответствующими особенностями юкагирского языка. На этом основании сделан важный вывод о том, что юкагиры первоначально проживали в соседстве с коттами к юго-востоку от Красноярска.

¹) Н. Paasonen. Zur Frage von der Urverwandtschaft der finnisch-ugrischen und indoeuropäischen Sprachen. Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. VII, N 1—3, Helsingfors-Leipzig, 1907; E. Lewy. Possessivisch und passivisch. Ungarische Jahrbücher, Bd. VIII, N 3—4, Berlin-Leipzig, 1928; B. Collinder. Zu den externen Verwandtschaftsverhältnissen der uralischen Sprachfamilie. V-me Congres International des linguistes, Résumés des Communications, Bruges, 1939; B. Collinder, Jukagirisch und Uralisch, Uppsala, 1940; K. Bouda. Die finnisch-ugrisch-samojedische Schicht des Jukagirischen, Ungarische Jahrbücher, Bd. 20, Berlin, 1940; J. Angere. Die uralo-jukagirische Frage, Stockholm, 1956; J. Angere. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch, Uppsala, 1957; Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.—Л., 1958.

²) Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.—Л., 1958, стр. 237 сл.

³) Там же, стр. 221 и сл.

⁴) Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. III, М.—Л., 1934, стр. 151.

⁵) Ср. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкаского наречия. Л., 1929, стр. 46; Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I, М., 1959, стр. 250; Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940, стр. 79; В. И. Ленин. Самоучитель эвенского языка, М., 1935, стр. 208.

Мы рассмотрим дальше указанные особенности обоих языков, разбив их на следующие группы: а) материальные общности в морфологии и лексике; б) типологические общности.

В юкагирском языке спряжение переходных глаголов различается от спряжения непереходных. В формах переходных глаголов словоизменяемые аффиксы вообще никакого сходства с кетским или коттским спряжением не имеют. В спряжении же непереходного глагола в некоторых случаях имеется внешнее сходство с оформлением коттских глаголов. Е. А. Крейнович сопоставляет следующие окончания глаголов в обоих языках:

а) для 1 л. ед. числа:			
юкаг.	јэнг,	д'энг,	т'энг
кот.	јанг	нанг	чанг, танг
б) для 3 л. ед. числа:			
юкаг.	ј	н', ни	ч.т.
кот.	ј (и)	н,	с,т'

Выделение особых окончаний 3 л. в коттском языке представляет собой недоразумение. Фактически эти «окончания» представляют собой исходы глагольных основ, по которым А. Кастрен расположил свой материал⁶⁾. Коттский язык ни в 3 л. ед. ч., ни в 3 л. мн. числа личных окончаний не имеет. Эта особенность коттского спряжения находится в резком противоречии с системой личных форм спряжения кетского языка; скорее всего она была воспринята коттами из языка местных тюрков, с которыми они впоследствии и ассимилировались. Личным окончанием 1 л. ед. ч. у коттских глаголов было -анг, 2-го л. — -у; во мн. ч. к основе глагола прибавлялся сначала аффикс числа — (-а)н, за которым следовал аффикс лица, а именно: для 1 лица — -тонг, для 2 лица — -онг. Личные аффиксы коттского глагола правильно распознал К. Боуда⁷⁾.

За исключением окончания 1 л. ед. ч. все остальные окончания в обоих языках никакого сходства не показывают. Впечатление сходства в форме 1 лица усиливается благодаря тому, что юкагирские непереходные глаголы имеют в окончаниях всех лиц обоих чисел перед аффиксами лица компоненты: јэ, т'э, д'э. Поскольку их употребление зависит только от характера звукового исхода глагольной формы, к которой они прибавляются, их можно рассматривать как варианты одного и того же элемента, например: т'э. По-видимому, это — словообразовательный суффикс непереходных глаголов.

Особенностью коттской системы глагольной аффиксации является то, что все личные окончания глагола (кроме окончания -анг 1 л. ед. ч.) восходят к личным местоимениям, а именно, окончание -у 2 л. ед. ч. к местоимению у «ты»; окончание 1 л. мн. ч. -тонг к местоимению ајонг «мы»; окончание 2 л. мн. ч. -онг к местоимению ауонг «вы». Кажущееся расхождение в 1 лице мн. числа объясняется следующим образом. Окончание этого лица восходит к первоначальной форме личного местоимения ат-онг «мы»; ср. пумп. ад-ынг «мы»⁸⁾ (внутри слова кетским звонким смычным в коттском наречии соответствует глухие)⁹⁾. Усечение этого

⁶⁾ А. Castrén. Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1858, S. 116, 122—124.

⁷⁾ К. Bouda. Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. Das kottische Verbum, Deutsche Morgenländische Gesellschaft, Leipzig, 1937, S. 43 ff.

⁸⁾ Дульзон А. П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. Ученые записки Томского пединститута, т. XIX, вып. 2, Томск, 1961.

⁹⁾ Дульзон А. П. Кетские наречия первой половины XVIII в. Труды Томского областного краеведческого музея, т. VI, вып. 2, Томск, 1963, стр. 43.

слова и его употребление в качестве глагольного аффикса должно было произойти раньше перехода общекетского звука «д» в палатализованный «д'», который затем между гласными перешел в «j», т. е. адонг → ад'онг → ајонг. Отметим еще, что форма личного местоимения 1 лица с палатализованным «д', т'» сохранилась в некоторых современных кетских говорах (ад', ат' «я»). Личные окончания юкагирского глагола в отличие от кетских, не возводятся к личным местоимениям и с коттским языком сходятся только в 1 л. ед. ч. (кот. -анг, юкаг. -нг).

Таким образом в области глагольного формообразования между обоими языками имеется коренное структурно-типологическое расхождение; сходство же в 1 л. ед. ч., как мы увидим дальше, — кажущееся. Говорить о тождестве системы спряжения можно только при наличии структурно-типологического единства. Односторонний же учет одних общностей в той или иной подсистеме разных языков при игнорировании различий в них неизбежно приводит к ошибочным выводам. В данном случае мы видим, что один и тот же звук «нг», занимающий в глагольном слове этих языков одно и то же место, выполняет совершенно различную функцию — в коттском это личное окончание, а в юкагирском — фонетический оформитель слов, оканчивающихся гласными¹⁰). Разница в функции указанного общего элемента подсистемы в сопоставляемых языках не позволяет нам их отождествить несмотря на материальное совпадение.

Чтобы доказать наличие окончания -јанг в коттском языке, Е. А. Крейнович сравнивает отдельные формы спряжения двух глаголов с разной основой — ито:јанг «я прихожу» и е:штајанг «я положу». Сравнение полной парадигмы показывает, что элемент «j» повторяется во всех лицах и уже поэтому не может рассматриваться как часть аффиксов, дифференцирующих лицо. Более углубленный же анализ показывает, что указанные глагольные формы членятся следующим образом: и-то-и-анг («и» — префикс наст. времени, -анг — окончание 1 лица) и е:ш-таи-анг («е» — локальный префикс со значением «на, вверх», ш — аффикс настоящего времени, -анг — личное окончание).

Наличие окончания -чанг для 1 л. ед. ч. выводится из глагола сабан-чанг «я пашу» на основании того, что сабан означает «плуг». В действительности же этот глагол членится так: сабан-ч-анг («ч» — деноминативный суффикс).

Чтобы доказать наличие окончания -танг в коттском языке приводится слово кајантэтанг «я голоден», из которого вычленяется -танг на основании того, что А. Кастрен (стр. 264) приводит слово кајанте «голодать». Однако этот перевод представляет собой описку. Что это так, видно из следующей строчки словаря: кајанте-нит «голодный человек». Слово кајанте — производное прилагательное (кајан-те); в форме кајантэтанг действительно отделяется -танг, но это вовсе не личное окончание глагола, а предикативный суффикс прилагательного в 1 л. ед. числа.

Добавим еще, что все «окончания одной из групп спряжения коттского глагола», приводимые на стр. 225 (примечание) Е. А. Крейновичем, фактически в коттском языке не существуют: окончания этой группы глаголов (ср. А. Кастрен, § 171) следующие: 1 л. ед. ч. — -анг, 2 л.-у, 3 л. — -нуль, 1 л. мн. ч. -тонг, 2 л. -онг. 3 л. — нуль, т. е. они совпадают с окончаниями ранее упомянутых нами групп коттского глагола.

Нам остается рассмотреть сопоставление спряжения юкагирского глагола «ходить» с коттским «уходить». Внешнее сходство в формах

¹⁰) Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.-Л., 1958, стр. 149.

спряжения этих глаголов действительно имеется, особенно в 1 л. ед. ч.: юк. ујѣнг «я ходил», кот. уијанг «я уходил». На основании этого сходства Е. А. Крейнович выделяет корень: юк. у-, кот. уи-, окончание юк. -јѣнг, кот. -јанг. О том, что нельзя отождествить эти окончания, говорилось уже выше. Можно ли отождествить корни этих глаголов? Сравним некоторые формы настоящего времени коттского глагола с формами тех же лиц прошедшего времени: ијанг «я ухожу» — уијанг «я уходил»; ијау «ты уходишь»; уијау «ты уходил»; пе:т'анг ← *пе:т'ијанг «я уношу» — пе:туијанг «я уносил»; енангаише «они забывают» — енангуише «они забывали». Из этого сопоставления нетрудно убедиться в том, что «у» является аффиксом, оформляющим прошедшее время¹¹); в юкагирском же языке у: — корень слова.

Формы спряжения коттского глагола «уходить» образованы из двух различных корней: «и» и «га». Корень «га» в чистом виде выступает в 3 л. ед. числа — д'а:га «он уходит» («да:а» — личный префикс). Этот корень коттского глагола, конечно, нельзя отождествить с юкагирским притяжательным окончанием 3 лица имен существительных -ги (стр. 204).

Итак, мы пришли к выводу, что в спряжении глагола ничего общего между обоими языками не имеется; внешнее сходство в спряжении возникло случайно. Подобные факты предостерегают нас от поспешных выводов и напоминают о необходимости путем строгого анализа разобраться сначала в каждом языке отдельно, что именно представляет собой та или иная особенность подсистемы, которую хотят сопоставить с особенностью подсистемы другого языка.

Рассмотрим теперь предикативные аффиксы.

А. Кастрен приводит (стр. 141) следующие предикативные формы прилагательного хама: «хороший» (мы отделим в них сразу личные аффиксы): хама:-танг «я — хорош», хама:-у «ты — хорош», хама:-ту «он — хорош», хама:-тонг «мы — хороши», хама:-онг «вы — хороши», хама:-?ианг «они — хороши» (в последней форме в порядке замещения гортанного смычного «?» встречается звук «г»). Для 3 л. ед. ч. имеется еще форма для одушевленных предметов женского пола на -та и для отнесения к названиям вещей форма на -а, указанные А. Кастреном в другом месте (§§ 80, 81), например: и:г чаа «день — теплый», попе:ча коаш-та «сестра — красива». Все эти окончания, за исключением окончания 1 л. ед. ч., имеют свое полное соответствие в кетском языке¹²). Е. А. Крейнович утверждает, что предикативные формы коттского слова хама: совпадают почти полностью с тождественным юкагирским словом ама «хороший». Сравнение показывает, что аффиксы этого слова в обоих языках совершенно различны не только в звуковом отношении, но и по своей функции; ср. например, членение формы 1 л. ед. ч.: юкаг. ама-т'е-нг кот. хама:-танг «я — хорош».

А. Кастрен приводит (стр. 141) особую форму этого же прилагательного, названную им формой будущего времени, которая образована посредством вспомогательного глагола д'ајанг, имеющего свое соответствие в кетском языке (инхоатив состояния), где, однако, формообразование происходит путем префиксации по типу глаголов возвратно-переходного спряжения, в то время как в коттском формы глагола образованы по-

¹¹) Наличие форманта «у» в прошедшем времени некоторых коттских глаголов доказал К. Боуда в указанной выше работе (стр. 47), а вариацию гласных как способ образования времени констатировал уже А. Кастрен (155).

¹²) Ср. Дульзон А. П. Очерки по грамматике кетского языка. Ч. I, Томск, 1964, стр. 92.

средством суффиксации. Вот эти формы:

кетские

батак
кутак
атак
донгтак
конгтак
ангтак

коттские

нама: д'әјанг
д'әу
д'әх
д'әјекантонг
д'әјеканонг
д'әјекан

Парадигма показывает, что это правильно образованный глагол с основой д'ә (д'а, кетск. та); он имеет значение «буду, сделаюсь». Настояще-будущее время этого глагола образуется посредством форманта «и»: д'әјанг = *д'а-и-х'анг «стану»; д'әх = д'а-и-х' «станет»; д'әјекантонг — д'ә-ик-ан-тонг «станем», д'әјеканонг — д'а-и-к-ан-онг «станете». д'әјекан = д'а-и-к-ан «станут» (во 2 л. ед. ч. звуки «и» и «к» выпали). Отметим еще, что -ан — формант множественного числа основы глагола.

Как мы видим, для объяснения «окончания «кантонг» коттского глагола нет необходимости привлекать арманский диалект эвенского языка; к тому же эвенское слово оролкантин «красный», лучше сказать «рыжий», оленьего цвета», распадается на части (оро-л-кан-ти-н)¹³), не содержащие никаких общих компонентов с коттским языком.

А. Кастрен думал (§ 182), что глагол д'әјанг тождествен глаголу д'әујанг «я живу», так как иногда прошедшее время от имен образуется «посредством прошедшего времени этого глагола (аујанг «я жил»)». А. Кастрен здесь неправ, но не потому, что эта форма будто бы разъясняется из юкагирского языка, а потому что основой глагола «жить» является «у» (д'әујанг = д'а-у-и-анг, где д'а- — личный префикс первого лица, -и- — формант настоящего времени непереходного глагола, -анг — личный суффикс 1 л. ед. ч., -у- — корень; А. Кастрен приводит на стр. 203-а форму множественного числа этого имени действия унг в значении «сидя, живя»).

Е. А. Крейнович отождествляет аффикс -к 2 л. повелительного наклонения юкагирского глагола с компонентом -к-, встречающимся в повелительном наклонении «некоторых» глаголов коттского языка. Фактически из 16 групп глаголов, выделяемых А. Кастреном, сложный аффикс -а:л'чек имеет только 5 подгрупп (А. Кастрен, §§ 156—160, 170), где компонент «к» является не формантом императива, а частью основы глагола, встречающейся поэтому во всех его личных формах; этот же словообразовательный аффикс широко распространен в кетском языке¹⁴). Приведем пример: кот. hala:кнг (hal-a:-к-нг) «воюю, веду войну» — ha:la:l'чек (hal-a:l'-че-к «воюй, води войну»; hali «война»).

Остановимся теперь на формантах склонения имен в юкагирском, коттском и кетском языках.

В юкагирском языке местный падеж образуется посредством аффикса, совпадающего с окончанием местно-временного падежа имбатского наречия кетского языка -га и -ка с различными фонетическими вариантами¹⁵); в сымском наречии местный падеж оканчивается на -гей, -кей

¹³ Ср. Ришес Л. Д. Основные особенности арманского диалекта эвенского языка. Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, VII, М., 1955, стр. 130—131.

¹⁴ Дульзон А. П. Аффиксация как метод передачи грамматических значений. Томск, 1962.

¹⁵ Дульзон А. П. Очерки по грамматике кетского языка. Ч. I, Томск, 1964, стр. 71.

(А. Кастрен, § 65, 68, 3); в коттском дательный падеж имеет эти же окончания (-га и -ка → -?а). А. Кастрен высказал предположение, что это окончание заимствовано из тюркских языков (§ 70, 3). Этот вывод основан только на звуковом тождестве, без учета того обстоятельства, что в тюркских языках это окончание свойственно не местному, а дательному падежу. Поэтому отождествление этого кето-коттского окончания с окончанием местного падежа в юкагирском языке, высказанное впервые Е. А. Крейновичем (стр. 227), является более правдоподобным. Имея ввиду, что этот падеж возможен только у существительных, обозначающих в имбатском наречии неодушевленные предметы, можно предположить, что окончание восходит к слову ка «внутри чего-нибудь, внутри ограниченного пространства, дома»; в составе глагола компонент **ка** может иметь значение «во внутрь чего-нибудь», т. е. значение дательного-направительного падежа, например: кур. тка:sak (т-ка:-с-ак) «он заходит». Если это объяснение является правильным и падежный формант тождествен с юкагирским, то становится возможным предположить, что он заимствован юкагирским языком из кетского, а не наоборот, так как он из юкагирского языка не разъясняется.

В кетском языке формант -ка, присоединяясь к существительным, включающим в себя понятие времени, выражает отрезок времени или момент времени, как и в юкагирском языке. Сходство с этим языком состоит еще и в том, что можно присоединить к глагольным формам этот же формант, например: кур. туре овыл'деYe «когда это было:» (туре «это», овыл'де «оно было»), Ye — окончание местно-временного падежа). Аналогичное значение имеет местный падеж имен действия в юкагирском языке, ср.; например: мэт эл'ил'ен'элYa кэлуж «когда я не имел (еще) оленей, он приехал»¹⁶). Разница заключается в том, что имя действия в юкагирском языке не выражает ни времени, ни лица (т. е. оно является существительным), в то время как соответствующие кетские обороты обозначают и то и другое, т. е., получая аффиксы существительного, все же не перестают быть глаголами.

Е. А. Крейнович правильно отмечает (стр. 228) типологическую общность между кетским языком и юкагирским в отношении родительного падежа: в обоих языках он непременно предшествует определяемому существительному. Есть и несомненная материальная близость, если иметь в виду только внешнюю форму: в юкагирском языке род. п. оканчивается на: -д-, -н-; в кетском на: -т(-ди), -дъ (-да), -нъ(-на)¹⁷). В кетском языке исходным согласным в аффиксе является -д-, звуки же -т- и -н- представляют собой его фонетические варианты. Кетский суффикс -ди, -да является сложным: д — формант, указывающий на 3 лицо, а — обозначает мужской пол одушевленного предмета или одушевленность вообще, а формант и обозначает неодушевленный предмет вообще или женский пол одушевленного предмета. В коттском языке эти два вокалических форманта, имея то же значение, что и в кетском, являются вместе с тем показателями родительного падежа. Следовательно, по существу ни кетский язык, ни коттский особого аффикса родительного падежа не имеют. Пока неясно употребление и происхождение юкагирского окончания родительного падежа, мы не имеем достаточных оснований считать это окончание тождественным с кетским личным

¹⁶) Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.-Л., 1958, стр. 109—110.

¹⁷) Падежных окончаний -ды, -гы, -ны, -нгы, -кы, указанных Крейновичем Е. А. на стр. 227—228 со ссылкой на работу Н. К. Каргера в кетском языке не имеется; знак перевернутого «е», применяемый Каргером Н. К., обозначает звук «ъ» — гласный среднего ряда и среднего подъема, обычно вариант фонемы «а».

формантом -д-, входящим в состав ряда падежных окончаний, в том числе родительного.

Е. А. Крейнович сопоставляет дательно-направительный падеж юкагирского языка с кетским, на основании того, что в их окончаниях встречается общий элемент -дэнг (стр. 227—228). Посмотрим, является ли это сопоставление правомерным.

Дательно-направительный падеж юкагирского языка имеет следующие окончания: н', н, нгин', лангудэн, лангудэ, ланги, дин¹⁸); их значение и употребление не выяснено. В кетском языке этот падеж имеет окончания данг, динг. В этом сложном аффиксе выделяются аффиксы: «д» и «а» или «и» в соответствии с тем, что было сказано выше, так что собственно падежным окончанием является нг (возможные варианты: нг, нгъ, нга, нгä). Сопоставление юкагирского -дэнг с кетским отпадает еще и потому, что конечный звук «нг» в данном случае, как и в некоторых юкагирских наречиях места (стр. 209) является не словоизменятельной морфемой, а фонетическим оформителем конца слов. Говорить о тождестве юкагирских формантов с кетским только на основании того, что некоторые из них содержат звук «нг» (в неконечной позиции) очень рискованно.

В кетском языке можно рассматривать форму дательного (окончание -данга) и местно-личного (-дангт), как производные от формы родительного падежа (окончание -да), а форму исходного падежа (окончание -дангал') как производную форму от дательного падежа. Аналогичное явление наблюдается в монгольских языках («двойственное склонение»¹⁹), например: бур. ахын-да «у брата» (ахын — род. падеж), кет. опдангта (опданг — дат. падеж). Таким образом выделяется собственное окончание местноличного падежа в кетском языке: -т, -та, -да, общее у всех алтайских языков²⁰).

Нет оснований утверждать, что «юкагирские окончания множественного числа находят себе соответствие также и в кетском». У существительных эти окончания совершенно различны (в кетском «н» или «нг», в юкагирском «п»), у кетских глаголов же множественное число последовательно во всех трех лицах выражается аффиксом «н», в то время как юкагирские глаголы имеют только в 3 л. мн. ч. до некоторой степени похожий показатель «нгу, нги, нга». В кетских же глаголах звук «нг» как формант множественного числа, встречается только у именных компонентов сложных глаголов.

Обращает на себя внимание совпадение притяжательных аффиксов 1 и 3 лиц во всех самодийских языках²¹) с кетским и юкагирским (только 3 лицо). Разница заключается в том, что в кетском языке они префигируются, а в тех языках суффируются, например: сельк. äsä-п²²), кет. б-оп «мой отец»; сельк. äsä-т «его, ее отец»; кет. д-оп «ее отец», кам. тура-м «мой дом»; тура-т «его дом»²³). В юкагирском языке притяжательный суффикс -дэ- ставится во всех падежах перед падеж-

¹⁸) Крейнович Е. А. Указанная работа, стр. 61—62.

¹⁹) Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М., 1940, стр. 53; Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М., 1941, стр. 95; Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 73; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953, стр. 177; Г. Д. Санжеев. Грамматика бурятского языка. М., 1962, стр. 91.

²⁰) Котвич В. Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 187.

²¹) A. Castrén's Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg, 1854, S. 210 ff.

²²) Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык, Л., 1935, стр. 39—40.

²³) K. Donners Kamassisches Wörterbuch, Helsinki, 1944, S. 138.

ными окончаниями, например: в дательном падеже окончание *де-пгин*, в местном *де-ге*, в творительном падеже *де-гет* и т. д.²⁴), пример: *пипо-пгип* «к дому», *пипо-де-пгин* «к его дому». Эти окончания сильно напоминают кетские — *-данга* (дат. п.), *-дангт* (местный падеж), *-дангал'* (исходн. пад.); в них компонент «д» тоже является личным аффиксом 3-го лица, но не притяжательным. Это хорошо видно из следующего примера: *д-об-д-ад-нга* «ее отцу», букв. «ее-отец-ему». Звук «д» здесь один и тот же, но это аффиксы разные; функция этих двух аффиксов (*д*¹ и *д*²) определяется их позицией в составе слова.

Типологическая общность между юкагирским и кетским языком в области числительных (наличие особой предикативной и атрибутивной формы) действительно имеется; эта особенность встречается вообще во многих языках и поэтому не может являться критерием их близости.

Нам остается рассмотреть вопрос о словарных общностях рассматриваемых нами трех языков. Е. А. Крейнович сопоставляет 13 слов (стр. 226) на основе прямого сходства или совпадения звукового состава и одинакового или близкого значения.

Четыре слова из этого списка надо убрать потому, что они же встречаются в самодийских языках, с которыми юкагирский язык, несомненно, имеет много общей лексики (*аи* «еще», *а:чэ* «олень», *ама* «хорошо», *эд'и* (л) «жизнь»); слово *вард'а* «стадо» лучше объяснить из русского или якутского, чем из котского о:р. Таким образом остается 8 слов. Из них можно действительно сопоставить юкаг. *кедэ* (нг) «человек» — юкаг. *т'и:нг* «люди», кет. кет — *де:нг*, *д'сәнг* (корни: *т'и:* — *де*, *д'е*). В остальных случаях трудно признать правомерность сопоставления, так как оно основано только на наличии одного общего звука. Другие звуки в сопоставляемых словах не подпадают под какие-либо закономерные соответствия; так, например, краткому «а» в семи котских словах соответствуют в юкагирском пять различных гласных: *а*, *а:*, *о*, *у*, *э*. Странно и то, что в этих «заимствованных» словах заменяются или выпадают и те звуки, которые в заимствующем языке имеются: ср., например: юкаг. *ал* «низ», кот. *и:тал* «под, книзу» (в этом слове *и:* — корень; *л* — суффикс).

Сопоставление слов на основе некоторого внешнего сходства является недостаточным, чтобы их отождествить (И. Фридрих). Можно привести примеры более близкого сходства ряда слов кетского языка с другими языками, например, с немецким: сур. *куол'*, нем. диал. *koül* «уголь», кет. *сага-бет*, нем. диал. *са:Уь* «говорить», кур. *lala-бет*, нем. диал. *lalə* «клепач»; сур. *ыһнә* *обыл'де*, нем. *inne geworden* «он узнал»; кет. *анинг* «дума», нем. диал. *а:нинг* «предчувствие, дума»; сим. *фалта-тет*, нем. *falte* «загибай»; ел. *ъкс*, нем. окс. «бык»; сур. *кь°Yel*, нем. диал. *кејъл* «гортань»; кет. *ол'*, нем. *Hülle* (из *hul-ja*) «оболочка», сур. *lep'c*, нем. диал. *lepsh* «мягкий»; кот. *halan*, нем. диал. *halen* «половина»; кот. *һу:ш*, сим. *һу:с*, др. нем. *hu:s* «дом»; кур. *ирку?с'*, нем. *ihr Haus*; кот. *һуш*, *һуч* «лошадь», нем. диал. *һуч* «лошадь». Имеется и много слов одинакового словообразовательного типа. Такие совпадения еще ничего не доказывают о материальной близости. Известно, что в общих словах разных языков чаще наблюдаются закономерные расхождения в звуках, чем совпадения. Поэтому случаи полного совпадения отдельных слов являются менее доказательными, чем случаи сильного расхождения, но строго закономерного звукового соответствия.

²⁴) Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. III. М., 1934, стр. 160.

Но таких материалов в отношении рассмотренной нами группы языков не имеется. Нет пока поэтому и оснований говорить о близости юкагирского языка с кетским или коттским.

Принятые сокращения

бур.	— бурятское,
дат.	— дательный,
диал.	— диалектное,
дрнем.	— древне-верхненемецкое,
ед. ч.	— единственное число,
ел.	— елогуйское,
кет.	— кетское,
кот.	— коттское,
кур.	— курейское,
л.	— лицо,
мнж. ч.	— множественное число,
нем.	— немецкое,
п.	— падеж,
пумп.	— пумпокольское,
род. п.	— родительный падеж,
сур.	— сургутское,
сым.	— сымское,
ч.	— число,
юк., юкаг.	— юкагирское.

О. И. ГОРДЕЕВА

ПРОЯВЛЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В НЕКОТОРЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ, ОТМЕЧЕННЫХ В РУССКОЙ РЕЧИ ТОМСКИХ ТАТАР

Как известно, при взаимодействии языков в сознании людей, освоивших второй язык, формируется своеобразная система, которая имеет один план содержания и два плана выражения¹⁾.

Созданию самостоятельного плана выражения на новом языке предшествует длительный период времени, в течение которого в сознании говорящих существует очень неустойчивая система выражения, которая построена на материале усваиваемого языка, но носит в себе следы последовательного влияния родного языка говорящих. Влияние родного языка сказывается на всех языковых уровнях языка, в том числе и в синтаксисе²⁾.

Изучением процесса интерференции при освоении неродственного языка стали заниматься сравнительно недавно. Более детально исследовался процесс интерференции при взаимодействии языков и его результаты на фонологическом уровне, менее изучена интерференция грамматическая³⁾.

Все известные нам работы посвящены исследованию интерференции в процессе становления двуязычия: родной язык людей влияет на их речь на новом для них усваиваемом языке.

Языковая практика в условиях нашего многонационального государства показала, что во многих случаях приходится сталкиваться не только с двуязычием, но и многоязычием. Поэтому, безусловно, нуждается в разработке проблема интерференции не только при двуязычии, но при различных видах многоязычия.

Для выяснения результатов взаимовлияния нескольких языковых систем в условиях многоязычия нами предпринята попытка анализа русской речи томских татар⁴⁾.

¹⁾ Щерба Л. В. О понятиях смешения языков. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I, 1958, стр. 47—48.

²⁾ Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. 1962, стр. 236—248; Щерба Л. В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. Указ. сб., стр. 39—49.

³⁾ Сведения о качестве грамматической интерференции имеются в работах Розенцвейга В. Ю. и Умана Л. М. См., например, Уман Л. М. Проблема грамматической интерференции. Автореферат канд. диссертации, М., 1964; Розенцвейг В. Ю. и Уман Л. М. К проблеме грамматической интерференции. Сб. «Проблемы структурной лингвистики», 1962, стр. 60.

⁴⁾ Томскими татарами вслед за профессором Дульзоном А. П. мы называем тюркоязычное население, проживающее в отдельных деревнях по реке Томи до Кузнецка и в прилегающих к устью Томи прибрежных районах реки Оби.

Родной язык томских татар представляет результат смешения старого местно-тюркского наречия, которое относится к особому диалекту томских татар, с казанско-татарским языком, выполняющим роль литературного языка⁵⁾.

Освоение русского языка томскими татарами происходило и происходит под влиянием окружающих русских сибирских старожильческих говоров⁶⁾ при постоянно усиливающейся роли русского литературного языка, который воздействует на русскую речь татар непосредственно, благодаря обучению в школе, чтению русских газет, журналов, книг, слушанию радио. Русский литературный язык во многом определяет качество речи русских старожилов, оказывая этим косвенное влияние на русскую речь томских татар.

Таким образом, специфика освоения русского языка татарами заключается в том, что они осваивают сложную языковую систему, имеющую значительное количество фонетических, морфологических, синтаксических и лексических вариантов, литературных и местных, то есть они обладают большей свободой выбора при создании плана выражения, чем это бывает при освоении языка в процессе изучения его в школе при знании какого-либо литературного языка.

Целью статьи является определение качества синтаксической интерференции, возникающей при освоении русского языка томскими татарами, и выявление конкретных условий, которые вызывают появление интерференции в ее существующем виде.

В пределах данной статьи поставленные задачи решаются на материале количественно-именных и глагольных словосочетаний с зависимым именем без предлога.

Для этого нами исследована трансформация этих русских словосочетаний в процессе функционирования их в русской речи томских татар.

Выбор для анализа только беспредложных конструкций связан с тем, что именно эти словосочетания и в русском языке, и в родном языке татар формируются при помощи одинаковых грамматических средств — падежных аффиксов, в то время как предлоги, участвующие в образовании русских словосочетаний, как известно, не находят полного соответствия в родном языке татар. Поэтому, опираясь на некоторые заключения В. А. Богородицкого⁷⁾ и Е. Куриловича⁸⁾, мы склонны при изучении процесса освоения русского языка татарами рассматривать каждое сочетание существительного в косвенном языке с предлогом как самостоятельную конструкцию языка, соотносимую по функции с отдельным падежом с особым морфологическим выражением. Исследование интерференции при освоении предложных словосочетаний составит предмет отдельного исследования.

⁵⁾ См. по родному языку томских татар следующие работы: Дульзон А. П. Диалекты татар-аборигенов Томи; Уч. зап. Томского пединститута, т. XV, 1956; Абдрахманов М. А. К вопросу о закономерностях диалектно-языкового смешения. Неопубл. канд. дисс., Томск, 1960; Тумашова Д. Г. Язык западно-сибирских татар. Казань, 1962.

⁶⁾ О русских старожильческих говорах см. работы В. В. Палагиной. Современный говор старожильского населения западной части Томского района Томской области. Неопубл. канд. дисс. 1951; Блинова О. И. Производственно-промысловая лексика говора с. Вершинина Томского района Томской области. Неопубл. канд. дисс. 1962.

⁷⁾ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Изд. V, М.—Л. 1935, стр. 222.

⁸⁾ Курилович Е. Проблема классификации падежей. Очерки по общей лингвистике, М., 1962, стр. 180; Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 36.

1. Количественно-именные словосочетания

Компоненты количественно-именных словосочетаний в русском литературном языке связаны между собой связью управления, которая выражается в оформлении зависимого имени при помощи аффикса родительного падежа единственного или множественного числа: «семь человек», «три ряда», «много денег», «мало воды», «нет денег»⁹).

В окружающих русских старожильческих говорах отмечаются некоторые особенности в образовании форм родительного падежа в рассматриваемых словосочетаниях. Кроме словосочетаний, в которых зависимое слово в родительном падеже совпадает по грамматическому оформлению с литературным языком, в речи русского старожильческого населения отмечаются словосочетания «два раз», «три раз», где зависимое слово оказывается неоформленным грамматически¹⁰). Иногда при числительных «два» и «три» употребляется особая форма родительного падежа от слова день: «три дни», «три рубли». А. М. Селищев отмечал сочетания «два раз», «три раз» в Томской губернии¹¹) им же выделяются словосочетания «много битва», «рыба много», «кирпич чай», «баба нету», «перстень нету», «нихто нету», как характерные для русского населения Колымы. В известных нам работах по сибирской диалектологии не отмечено таких словосочетаний в речи русского старожильческого населения обследуемых нами районов с русско-татарским населением.

Русским количественно-именным словосочетаниям в родном языке татар соответствуют словосочетания, состоящие из таких же компонентов, что и в русском языке.

Количественно-именные словосочетания русского и родного языка томских татар различаются тем, что между членами словосочетания по-разному реализуется связь управления.

В русском языке главное слово словосочетания обуславливает наличие аффикса родительного падежа в зависимом слове, т. е. связь управления выражается морфологически. В родном языке томских татар та же связь между словами обуславливает отсутствие морфологического аффикса, т. е. для количественно-именных словосочетаний родного языка татар характерна «нулевая» оформленность зависимого слова, например: каз.-тат.: «куп агачлар — много деревьев», «аз утын — мало дров», «ике бола — двое детей; местно-тюркское: «көп куштар — много птиц», «аз утын — мало дров», «мунг сүс — тысяча слов», «эц көн — три дня», «йаннеке йук — нет охотника», «йук ул — его нет»¹²).

Анализ русской речи томских татар показывает, что рассматриваемые словосочетания передаются татарами не одинаково.

⁹) Конструкции типа «нет денег» мы находим возможным рассматривать в составе количественно-именных словосочетаний, так как полностью соглашаемся с высказыванием А. И. Смирницкого о том, что никакое предложение, взятое в отвлечении от интонации, не является настоящим живым предложением, хотя обычно такие конструкции рассматривают при анализе предложений. Этому же способствует наличие связей управления между словом «нет» и зависимым словом. Таким образом, сочетания «нет денег», «нет покоя» по смысловым отношениям, синтаксическим связям и средствам выражения могут быть поставлены в один ряд: «много учеников», «немного учеников», «мало учеников», «нет учеников», «семь учеников».

¹⁰) Палагина В. В. Указ. неопубл. канд. дисс.; см. также записи речи русских жителей сел Кожевниковского р-на, хранящиеся на кафедре русского языка ТГУ.

¹¹) С е л и щ е в А. М. Диалектологический очерк Сибири. 1921, стр. 90.

¹²) Здесь и далее примеры томско-тюркских и татаро-казанских словосочетаний взяты из приложения к указ. неопубл. канд. дисс. Абдрахманова М. А. и работы Закиева М. З. «Синтаксический строй татарского языка», Казань, 1963.

1. Многие количественно-именные словосочетания функционируют в русской речи татар в виде, характерном для литературного русского языка: «много воды», «семь рублей», «две пары», «семь пар», «много тракторов», «много сеялок», «нет отца», «нет толку».

2. Одновременно в русской речи татар очень широко представлены словосочетания, являющиеся синтаксическими кальками с родного языка; в этих словосочетаниях зависимое слово не имеет аффикса косвенного падежа, т. е. стоит в форме именительного падежа под влиянием общего падежа зависимого слова, функционирующего в подобных словосочетаниях родного языка томских татар: «три колодка», «три молодуха», «четыре сестра», «два шапка», «две заход», «две кол», «два раз», «три месяц», «восемь дочерь», «тридцать метр», «двое сын», «много пчела», «покой нет», «шум нет», «сон нет».

Словосочетания «два раз», «три раз» записаны нами в русской речи представителей разных возрастных групп, в то время как среди русского населения эти формы в основном употребляются в речи старшего поколения.

Употребление русских диалектных словосочетаний в русской речи томских татар характеризуется еще одной особенностью по сравнению с употреблением этих словосочетаний в русском старожильческом говоре: для части представителей старшего поколения данные диалектные формы словосочетаний сказываются единственным способом обозначения соответствующих понятий, в то время как для большей части русского населения свойственно употребление или русского литературного или диалектного варианта в зависимости от ситуации, в которой осуществляется каждый конкретный речевой акт, так как в речи русского старожильческого населения рассматриваемые словосочетания обладают своеобразными стилистическими коэффициентами, определяющими их функционирование в системе языка. В русской речи татар данные словосочетания этими показателями не обладают, в результате чего такие русские диалектные словосочетания меньше испытывают влияние русского литературного языка и обладают большей сферой употребления, чем в окружающем русском говоре.

II. Глагольные словосочетания с зависимым именем в винительном падеже без предлога

В русском языке данные глагольные словосочетания выражают объектные отношения — общее и основное значение формы винительного падежа и количественные отношения. Оформленность или неоформленность винительного падежа зависит от рода существительного,¹³ а также от одушевленности или неодушевленности.

В окружающих русских говорах в большинстве случаев эти словосочетания функционируют в том же виде, что и в литературном русском языке, но иногда нарушается система оформления существительного в зависимости от одушевленности — неодушевленности и принадлежности к роду, в результате в речи русских старожилов стмечаются словосочетания: «бить звери», «пасу коровы», «пасти кони».

А. М. Селищев считает такое образование словосочетаний свойственным сибирским говорам, отмечает его распространенность в сибирских документах XVII и начала XVIII веков¹³). В говорах западной части Томского района отмечается оформление аффиксом зависимого слова:

¹³) Селищев А. М. Указ. раб. Стр. 129—130.

в словосочетаниях с переходными глаголами: «возьму мешка», «купить патефона», «люблю грибов»¹⁴⁾).

В родном языке татар значение объекта также передается при помощи оформления зависимого слова, при помощи аффикса винительного падежа: каз.-тат.: «урманны чыгу — проехать лес», «урамны урау — обойти улицу», местно-тюркское: «койны лăктъргăн — схватил овцу», «шишкăнă ьргыт — бросай шишки», «карны керăдим — разгребал снег».

Одновременно аналогичные словосочетания могут образовываться без соответствующего морфологического оформления, т. е. главное слово определяет функционирование зависимого слова в форме, совпадающей с общим падежом. В татарском литературном языке оформленность или неоформленность зависимого слова зависит от определенности или неопределенности, с которой выражается данный объект. Если об объекте говорится впервые, при слове, его обозначающем, нет конкретизирующего слова, то в татарском языке зависимое слово не оформляется при помощи аффикса винительного падежа: каз.-тат.: «печăн чабу — косить сено», «хат язү — писать письмо»¹⁵⁾; местно-тюркское: «туттѳм балык — поймал рыбу», «ташта шишкă — бросай шишку», «бицăн сал — брось сено», «путай таштадым — разбросал пшеницу», балык пышъргăле — приготовить рыбу.

В русской речи татар словосочетания из глагола с винительным падежом без предлога отмечены в следующем виде:

1. Данные словосочетания иногда функционируют в русской речи татар без изменений: «получаю пенсию», «пишет письмо», «иметь хороший муллу», «показали невесту», «овес сбывали», «сено продавали», «горох сеяли», что свидетельствует о том, что в ряде конкретных случаев влияние родного языка не проявляется.

2. Очень часто употребляются в речи разных групп населения словосочетания, в которых к глаголу относится существительное в именительном падеже. С формой именительного падежа употребляются не только те словосочетания, которые отмечены в речи русских старожилов, но и многие другие аналогичные словосочетания: «чернига варим», «сморщина брали», «картошка огребать», «закончили посевной кампания», «страховка платили», «покупали картошка», «гонял жена», «хлопотать пенсия», «баранчик продавали», «крот ловили», «зайчишки ловили», «кроты брали».

Сопоставляя эти конструкции с данными родного языка татар, возможно прийти к выводу о том, что оформление зависимого слова в анализируемых словосочетаниях является морфологическим калькированием с родного языка говорящих, что приводит к появлению синтаксических калек — словосочетаний из глагола с зависимым существительным в именительном падеже.

Употребление таких словосочетаний в русской речи томских татар поддерживается наличием в русском языке словосочетаний типа: «делают канаколь (канифоль)», «гадось (гадость) бросают», «рожь сбывали», «кровь пьет», которые употребляются татарами в неизменном виде.

3. В русской речи татар употребляются словосочетания, в которых зависимое слово стоит не в форме винительного падежа, а в форме родительного падежа: «сеяли овса», «роя надо посадить», «велику (велосипед) девал», «вина пьет», «спирта возили», «снопа убирали», «просил пальта», «собирали денег», «содят ранеток», «дров рубил», «продавали дров».

¹⁴⁾ Палагина В. В. Указ. неопубл. канд. дисс. Стр. 130.

¹⁵⁾ Закнев М. З. Указ. раб. Стр. 117.

Такая трансформация может быть объяснена отсутствием в родном языке татар категории одушевленности — неодушевленности, влиянием русского старожильческого говора и отсутствием в родном языке татар связи между винительным и родительным падежом как между двумя синтаксическими вариантами, о чем более подробно будет сказано в следующем разделе.

III. Глагольные словосочетания с зависимым существительным в родительном падеже без предлога

Эти словосочетания в русском языке могут выражать разные отношения между своими компонентами. Наиболее распространены словосочетания с отрицанием перед глаголом, имеющие объектное значение.

Зависимое существительное в родительном падеже в этих словосочетаниях выступает как синтаксический вариант зависимого существительного в винительном падеже в уже рассмотренных глагольных словосочетаниях, так как эти сравниваемые единицы являются тождественными в семантическом плане, но употребляются во взаимоисключающих позициях¹⁶).

В оформлении родительного падежа зависимого слова нет полного совпадения между русским говором и литературным русским языком. Границы употребления аффиксов родительного падежа, дифференциация их в литературном языке и говоре оказываются различными: в русском старожильческом говоре шире, чем в литературном языке, употребляется окончание «у» за счет окончания «а», во множественном числе наиболее распространено окончание «ов» вместо бесфлексийной формы образования. Оно преобладает в безударном положении у существительных всех родов, держится довольно устойчиво у существительных мужского и среднего рода, вытесняясь у существительных женского рода бесфлексийной формой¹⁷).

В родном языке татар рассматриваемым русским словосочетаниям соответствуют те же словосочетания из глагола и существительного в винительном или общем падеже, которые уже анализировались, т. е. двум русским синтаксическим вариантам «глагол + В. п. = не + глагол + Р. п.» соответствуют в родном языке синонимические синтаксические конструкции, указывающие на определенность или неопределенность в выражении объекта¹⁸).

В русской речи татар оказывается возможным выделить следующие виды трансформации русских глагольных словосочетаний с родительным падежом без предлога.

1. Во многих случаях в русской речи татар рассматриваемые словосочетания употребляются в том же виде, что и в русском литературном языке: «хлеба не ели», «бригадира не видел», «денег не трогал», что свидетельствует о полном усвоении татарами некоторой части русских словосочетаний, т. е. о непроявлении явной синтаксической интерференции.

2. Отсутствие морфологических вариантов в склонении существительных родного языка, незнание границ употребления морфем родительного падежа русского литературного языка, наличие колебаний в употреблении аффиксов родительного падежа в системе русских гово-

¹⁶) Станишева Д. С. К вопросу о вариантах синтаксических единиц. НДВШ, филологические науки, № 1, 1964, стр. 189.

¹⁷) Палагина В. В. Именное и местоименное склонения в говорах томского района. Труды ТГУ им. В. В. Куйбышева, том 138, серия языкознания, 1960, стр. 47, 48, 59—61.

¹⁸) См. об употреблении винительного падежа в предыдущем разделе.

ров обеспечивает функционирование в русской речи томских татар словосочетаний, где родительный падеж существительных образован не так, как в литературном языке: «концу не видел», «медведю не было», «винов не продавали», «горов (гор) не было», «этажов не знали».

3. В речи родных групп населения часто употребляются словосочетания, где зависимое имя употребляется в форме именительного падежа, т. е. при передаче рассматриваемых словосочетаний так же, как и при анализе объектных словосочетаний с винительным падежом, наблюдается синтаксическое калькирование: «вечорка не был», «теплых конюшня не был», «мужик не знали», «толк не знали», «не было валенка» (имеется в виду отсутствие этого рода обуви)¹⁹.

4. Появление словосочетаний типа: «не видел сестру», «не взял палку», «не бери лопату», «рамки не держали», «не знаешь грамоту» объясняется отсутствием в родном языке татар вариантных отношений между словосочетаниями с родительным падежом зависимого существительного, что приводит к расширению границ употребления одного из вариантов. В некоторой степени это поддерживается разговорной разновидностью русского языка.

IV. Глагольные словосочетания с зависимым именем в дательном падеже без предлога

Из словосочетаний с дательным падежом без предлога в русской речи татар отмечены только те, в которых зависимое слово обозначает лицо или предмет, на которое направлено действие, обозначенное глаголом действия, чувствования, говорения: «сказать товарищу», «написать сестре».

В русском старожильческом говоре не отмечено каких-либо особенностей в образовании данных словосочетаний в сравнении с литературным русским языком.

В родном языке татар рассматриваемые словосочетания передаются при помощи аффикса направительного падежа: каз.-тат.: «укучыга йиту — говорить ученику», «кешегә сөйләү — говорит человеку», местнотюркское: «кижигәй айт — скажи человеку», «кимгә бирдинг — кому отдал», «минга бер — отдай мне».

В русской речи татар оформление и функционирование данных русских словосочетаний не отличается от литературного русского языка: «сказал Иванову», «помолюсь богу», «писала брату, сестре», «боронить людям», «родителям помогать», «сказывал председателю», что связано с установлением однозначного соответствия между словосочетаниями русского и родного языка татар.

V. Глагольные словосочетания с зависимым именем в творительном падеже без предлога

Как известно, исследуемые словосочетания русского языка могут иметь различные значения. Нами будут рассматриваться только те, которые отмечены в русской речи томских татар — словосочетания, имеющие объектные отношения между членами, в которых зависимое слово обозначает действие, или орудие действия, или постоянное занятие. Одновременно мы считаем возможным анализировать освоение татарами конструкций из полнозначенательного глагола и творительного предикативного, образующих именное сказуемое.

¹⁹ Слово «валенка» есть результат фонетической трансформации слова «валенок» в им. падеже ед. числа по аналогии со словами «фуганка» (фуганок), «подпилка» (подпилок), «ботинка» (ботинок), «гостинца» (гостинцев) и т. п.

Различия, которые существуют между русскими старожильческими говорами и русским литературным языком, сводятся к неустойчивому функционированию морфологических показателей в системе старожильческих говоров, что, в свою очередь, связано с колебаниями в отнесении некоторых существительных к определенному грамматическому роду²⁰⁾.

А. М. Селищев, как характерную черту сибирских говоров, приводит совпадение форм дательного и творительного падежа множественного числа в одном варианте для всех трех родов — «М»²¹⁾. В окружающих русских говорах это явление представлено дифференцированно; в западной части Томского района оно отсутствует, в южной части — тоже²²⁾, случаи употребления отмечены в Кожевниковском районе²³⁾.

Употребление конструкций с творительным предикативным в литературном языке не всегда находит соответствие в окружающих русских говорах, где в речи людей старшего поколения часто употребляется именительный предикативный, даже тогда, когда он не может употребляться в литературном языке²⁴⁾.

В родном языке татар рассматриваемые словосочетания соответствуют словосочетаниям, состоящим из глагола в сочетании с зависимым именем в неопределенном падеже с послесловом «белән» и «тарафыннан»: каз.-тат.: «балта белән кису — рубить топором», «әдәбият белән кызык-сыну — интересоваться литературой», «студент тарафыннан язылу — быть написанным студентом»; местно-тюркское: «кулагъы мнән — слушает ушами», «машинәннн уйвалар — убирает машиной», «йанекце болар — будет охотником», мугъалим иде — был учителем».

В русской речи татар данные словосочетания представлены в следующем виде:

1. В речи молодого поколения постоянно и во многих случаях, и в речи людей старшего поколения рассматриваемые словосочетания выступают в неизменном виде: «мордочкой ловили, жерлицами»; «пахали деревянной сохой», «били байдонами», «питались рыбой», «занимались пасекой, хлебопашеством». Без изменения функционируют конструкции с творительным предикативным: «работаю подкатчиком», «учителем работал», «был депутатом».

2. Очень широко в речи людей старшего поколения и детей дошкольного возраста представлены словосочетания, в которых форма творительного множественного числа совпадает с дательным падежом: «рукам держали», «кадкам заготавливали», «теленкам возили», «лёгким (воспалением лёгких) болели», «машинам довозили». Такое образование словосочетаний, с одной стороны, объясняется сохранением в русской речи татар тех морфологических особенностей, которые относятся к числу исчезающих в системе русских старожильческих говоров (имеются в виду те говоры, где эта особенность в свое время была распространена), с другой стороны, устойчивость употребления объясняется причинами фонетического порядка, т. е. непременное конечного безударного «и» связано с тем, что татары в процессе речевого общения не слышат этого безударного звука в непривычной для родного языка позиции²⁵⁾. Устой-

²⁰⁾ Палагина В. В. Указ. неопубл. канд. дисс. Стр. 51, 53, 55.

²¹⁾ Селищев А. М. Указ. раб. Стр. 85.

²²⁾ Блинова О. И. Указ. неопубл. канд. дисс., стр. 60.

²³⁾ См. записи диалектологических экспедиций в Кожевниковском районе Томской области и в Яшкинском районе Кемеровской области, хранящиеся на кафедре русского языка ТГУ.

²⁴⁾ Палагина В. В. Указ. неопубл. канд. дисс. стр. 132, 133.

²⁵⁾ Чистович Л. А. Об изменении порога различения звукового раздражения при изменении его сигнального значения. Физиологический журнал им Сеченова И. М., том 41, 1955, № 9, стр. 185.

чивости употребления также способствует уже названная раньше нейтральная стилистическая окраска, которую в период освоения нового языка приобретают все его слова в речи людей, осваивающих этот язык.

Как результат нарушения границ употребления морфем русского языка, связанных с родовой соотнесенностью существительных, необходимо рассматривать словосочетания «шalem закрывали», «соломом кроют», «оспом заболела», «страдат головным болем».

3. В речи людей старшего поколения отмечаются случаи, когда в конструкциях, выполняющих функцию сказуемого, употребляется именительный предикативный там, где в литературном языке может быть только творительный предикативный: «работала старший гонщик (гонщиком)», «сделался агроном», «был врач (врачом)», «оказался жулик», «был тракторист». Функционирование таких конструкций безусловно связано с влиянием родного языка, где нет творительного предикативного, кроме того, это находит поддержку со стороны русского старожильческого говора, где именительный предикативный распространен шире, чем в литературном языке.

Специфика трансформации рассмотренных словосочетаний в практике русской речи томских татар позволяет сделать несколько выводов об образовании и употреблении татарами русских словосочетаний.

1. По отношению к отдельным отрезкам русской речи томских татар возможно говорить о наличии скрытой интерференции, при которой часть словосочетаний образуется и употребляется в соответствии с нормами устанавливаемого языка, в то время как другая его часть, не находящая соответствия в родном языке татар, остается неиспользованной.

2. В большинстве случаев, русская речь татар в настоящее время характеризуется явной интерференцией, что заключается в следующем:

а) при грамматическом оформлении зависимого слова наблюдается нарушение границ употребления отдельных падежных морфем. Это объясняется тем, что одному аффиксу родного языка говорящих в русском языке соответствует несколько аффиксов, которые для томских татар оказываются взаимозаменяемыми, так как они несут одно и то же грамматическое значение;

б) из двух морфологических вариантов, диалектного и литературного, сосуществующих в речи русских старожилов, в русской речи томских татар часто функционирует более устойчиво, чем в русском языке, только один вариант. Иногда более последовательно употребляется старожильский вариант, так как для татар оказывается менее заметной его «диалектная» окраска и в результате этого в русской речи татар диалектный способ образования формы какого-либо падежа испытывает более слабое, чем у русских старожилов, влияние литературного языка;

в) из двух русских синтаксических вариантов, отмеченных в речи русских старожилов, в русской речи томских татар укрепляется вариант, близкий к синтаксической структуре соответствующих словосочетаний родного языка томских татар;

г) русская речь томских татар содержит синтаксические кальки из родного языка. Обычно калькируются словосочетания с общим падежом зависимого слова, не оформленным каким-либо аффиксом.

Все эти качества русской речи томских татар показывают, что влияние родного языка на усваиваемый язык наблюдается и в морфологии, и в синтаксисе. Это создает особую неустойчивую языковую систему, которой пользуются татары в речи на русском языке.

Э. Ф. МОЛИНА, В. А. ФАТНЕВА

К ЭТИМОЛОГИИ ГРЕЧЕСКОГО СЛОВА *μοῖρα*

Среди многочисленных древнегреческих богов и божеств своеобразное место занимают повелительницы человеческих судеб — мойры. Они находятся в стороне от веселого, беззаботного течения олимпийской жизни. Занятие их самое обычное, очень распространенное на земле — пряжа. Только нити у них не простые. Каждая ниточка представляет олицетворение судьбы одного из жителей земли. От мойр, полагали древние, зависит продолжительность жизни, все удачи и неудачи человека.

Вероятно, формирование культа мойр происходило в более позднее время, так как Гомер, воссоздавший картины быта и деяний олимпийцев, упоминает в своих поэмах — «Илиаде» и «Одиссее» — о мойрах всего два раза, у более поздних авторов они упоминаются чаще. Платон пытается даже дать их описание: «Они сидят на высоких стульях, в белых одеяниях, в венках на голове... Они дочери необходимости»¹).

Некоторые считали их дочерьми Неба, другие говорили об их рождении он Ночи.

По общераспространенному мнению, мойры — это три сестры, как уже говорилось выше, они прядут, причем у них наличествует уже некоторое разделение труда: старшая — Клото — прядет, средняя — Лахезис — тянет нить для пряжи. Это олицетворение случайности судьбы человека. Она может вытянуть нить какой угодно длины, но третья мойра — самая младшая — Атропа (неотвратимая, неумолимая) сидит с ножницами наготове. Своей деятельностью она символизирует ограниченность человеческой жизни, ее неотвратимый, безжалостный конец.

Следовательно, в образах трех мойр показано прохождение человеком через три возраста и символизируется определенная грань человеческой жизни. Распорядительницы людской судьбы, мойры, соединялись в фантазии древних греков с самыми важными, с самыми значительными моментами их жизни: с рождением, свадьбой и смертью.

Не вполне ясны взаимоотношения мойр с главой Олимпа — Зевсом. В одной традиции повествуется о том, что Зевс, как и все небожители, тоже зависит от них и не может диктовать им своих решений, в другой — утверждается, что Зевс вместе с мойрами предreshает судьбы смертных, а в Дельфах Зевса называли «Мойра-гетес — «предводитель мойр»²).

¹) Платон, «Государство», цитирую по Preller, Griechische Mythologie, 1860, 411.

²) Stoll, Mythologie 1875, I, 49, 151.

Итак, мифологическое понятие «мойры» не вполне определено: у поздних авторов они иногда отождествляются с богинями мщения — Эриниями. Этимология же этого слова объяснена тоже недостаточно. Поэтому попытаемся провести лингвистический анализ греческого слова *μοῖρα* — божества судьбы.

Преллер слово *μοῖρα* — связывает с греческим *μόρος* «жребий, судьба, особенно — смерть». В этом корне, как и во многих других индоевропейских корнях, «о» могло чередоваться с «е»: *μέρος* — «часть, доля, участие, роль, очередь». Этот корень, в свою очередь, Преллер возводит к глаголу *μεῖρομαι* «измерять, мерить, получать в удел, получать по жребию»¹⁾.

С мнением Преллера можно согласиться, если сделать некоторые уточнения. За образующую основу слова *μοῖρα* взять не глагол *μεῖρομαι*, а более древний индоевропейский корень **mei* — «мерить»²⁾, от которого образован и греческий глагол.

В простом индоевропейском корне **mei* — вполне допускается чередование е : о в дифтонге: *mei* — /**moi*. В и. е. языке-основе шло очень активное образование новых слов от простых корней за счет суффиксации. Огромной продуктивностью обладал суффикс -г-. Так, интересующее нас слово *μοῖρα* образовано с данным суффиксом и формантом -а-, показателем женского рода. Вальде приводит древнелатинскую форму *moerus* **moiros* «стена, вал»³⁾.

Нет сомнения в том, что *μοῖρα* и *moerus* происходит от одного и того же корня **mei*/**moi*-, и при наличии различного грамматического рода очень близки по своему значению.

И. е. дифтонг «oi» изменяется в «oe», а в начале второго столетия до н. э. на месте «oe» появилось U долгое: например, гр. *Φοινίξ*, лат. *Roepus*, *rupicus*; гр. *Ποινή*, лат. *роена*, отсюда глагол *rupire* — наказывать. В ряду этих слов гр. *μοῖρα* лат. *moerus*, *muus* не составляют исключения⁴⁾.

Старые и новые формы уживаются рядом долгое время, сохраняясь в произведениях Лукреция, Энния, Вергилия, а также в остатках дошедших до нас надписей.

Лат. *muus* означает: крепостная, городская стена, ограда, защита, вал, укрепление. Совершенно адекватны в семантическом отношении более древняя лат. форма *moerus* и гр. *μοῖρα*⁵⁾.

Таким образом, все эти слова, производные от индоевропейского корня **mei*/**moi*- «мерить», обозначают «стены, какие-то пределы, ограничивающие определенную территорию».

Гр. слово *μοῖρα* происходит от того же индоевропейского простого корня и означает тоже измерение, но не пространства, а времени. Это понятие более отвлеченное. Оно включает в себя продолжительность жизни человека, разумность ее, сменяемость молодости зрелостью, наступление старости.

Постепенно у древних сложился культ мойр. Но первичное значение, внутренняя семантика самого этого слова со временем была забыта.

Несмотря на это обстоятельство, древнейшее содержание греческого

³⁾ Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 1954, II, 131.

⁴⁾ Нидерман «Историческая фонетика латинского языка». М., 1949, стр. 63.

слова *μοῖρα* объясняется благодаря лингвистическим фактам другого и. е. языка. В работах большей частью использовались материалы латинского и греческого, но не славянских языков.

А ведь именно в славянском слове «мЕра» мы находим полное фонетическое соответствие гр. слову *μοῖρα*. И. е. дифтонг «о», сохранившийся в греческом языке, в славянских языках развился в ять; в старославянском мЕра, древнерусском мЕра⁵⁾.

Кроме того, слав. «мЕра» полностью раскрывает для нас первоначальное значение гр. слова *μοῖρα*. Славянская «мЕра» до сих пор сохранило свою первоначальную семантику. На основе полного фонетического соответствия слов гр. *μοῖρα* и слав. мѣра можно предположить, что они и по значению адекватны.

Итак, материал славянских языков объяснил и напомнил то, что было забыто уже древними греками.

Следовательно, мойры, которые являлись распорядительницами судеб древних греков это не что иное, как конкретизированное понятие меры, удела жизни. Фантазия древних помогла воплотить отвлеченное понятие меры в конкретные образы трех женщин-прях. Богини судьбы, как и другие обитатели Олимпа, созданы по типу самих греков.

Вполне определенное вначале значение слова *μοῖρα* совершенно забылось. В результате этого мойры в греческой мифологии являются неопределенными божествами судьбы, сущность которых нам помогает выяснить лингвистический материал славянских языков.

⁵⁾ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. 1910—1914, стр. 579.

Г. А. ЧУПИНА

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ЗАПРЕЩЕНИЯ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на то, что вопрос о выражении запрещения в латинском языке так или иначе затрагивается во многих работах, его нельзя считать решённым до конца. Авторы исторических грамматик и изысканий, касающихся в какой-то мере данного вопроса, чаще всего лишь регистрируют факты бытования различных прохибитивных конструкций, не устанавливая причин их возникновения, не связывая определённые явления в данной синтаксической конструкции с общими тенденциями развития латинского языка¹⁾. Развернувшаяся в конце прошлого и в начале нашего столетия на страницах американских и английских журналов дискуссия по вопросам латинского запрещения также не привела к должным результатам²⁾.

Каждый язык развивается по внутренним, ему присущим законам, и ни одно языковое явление не появляется случайно, оно всегда обусловлено течениями, действующими в языке. С другой стороны, в языке действуют законы, присущие не только данному, отдельно взятому, языку, но и всей данной системе языков.

Какие же общие тенденции в развитии латинского языка оказали влияние на развитие некоторых конструкций в системе запрещения? В каком направлении шло это развитие?

Вопрос о запрещении в латинском языке обширен и охватить его во всём объёме в рамках одной статьи невозможно. Поэтому ограничимся рассмотрением типов *ne time* и *noli tangere* и постараемся там, где возможно, сопоставить в сравнительном и типологическом плане с соответствующими данными других языков.

Повелительное наклонение выражает решительное приказание и примыкает к утвердительному значению изъявительного наклонения, не имеет своей основы, а является чаще всего чистой основой индикатива (мы имеем в виду \2 л. ед. ч.)³⁾: атематический тип: основа

¹⁾ Devoto. *Storia della lingua di Roma*, Б. Г., стр. 122. Kiekers, E. *Historische der lateinische, Grammatik* г. 1930, стр. 83. Meillet. A., *Esquisse d'une histoire de la langue latine* 1928, стр. 14, 154. Palmer. *The latin language*, Б. Г., стр. 310. Siegert, *Die Syntax der Tempora und Modi der ältesten lateinischen*, 1939, стр. 36—37. Соболевский С. И., учебник латинского языка, М. 1948, стр. 190. Stolz — Schmalz, *Lateinische Grammatik*, München, 1928, стр. 574—575.

²⁾ *American Journal of philology*, 1894, т. 15, стр. 133—153; 299—328; 1900, т. 21, стр. 80—91; 154—169; 1913, т. 34, стр. 255—276. *The Classical Review*, Oxford, т. 12, стр. 22—32; 100—104; 355—359; 395—399; 1900, т. 14, 160—162; 1901, т. 15, стр. 157—159; 1902, т. 16, стр. 107—110; 408—409.

³⁾ Мейе А., Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л. 1938, стр. 249.

еі гр. "εἶ — εἰ «выходи», лат. і «иди», лит. еі — k «иди» (-к частица, не окончание); тематический тип: скр. bhaga «неси», гр. φερε арм. бер гот. baig др. ирл. бер лат. fer⁴⁾).

Самая краткая форма запрещения, выражающая самое категорическое запрещение, — повелительное наклонение с отрицанием: ср. гр. μηφεοε скр. та bhaga, лат. ne fer, арм. mi ber⁵⁾).

Приведённые выше примеры запрещения в индоевропейских языках позволяют говорить об исконности в общеиндоевропейском плане запрещения, выраженного отрицательной частицей и повелительным наклонением.

Такое запрещение было господствующим и в латинском языке и просуществовало вместе с носителем своим, римским народом, вплоть до образования его потомков, романских языков, и продолжает в некоторых из них жить.

В комедиях Плавта, величайшего комедиографа III в. до н. э., лоббимца широких народных масс, язык которого изобилует элементами языка народа, истинного носителя латыни, неоднократно встречаем императив с ne. Abi ne iura: satis credo (Pers 4, 5, 20) «Уходи, не клянись: я достаточно верю». Ne plora (Circ 1, 2, 47) «Не плачь» Scio bonam esse voce, ne clama nimis (Mostell 96) «Я знаю, что ты хороша голосом, не кричи слишком». Примеры можно продолжить. С. И. Соболевский в научном комментарии к «Адельфам» Теренция подчёркивает, что эта форма запрещения у Теренция встречается гораздо чаще, нежели форма с poli⁶⁾.

Элмер (Elmer) подсчитал, что у Плавта и Теренция из всех разнообразных запретительных конструкций более 1/3 занимает императив с ne⁷⁾.

В классический период запрещение, выраженное императивом с отрицанием ne, прочное место занимает в языке поэтов. Напр. — у Вергилия — equo ne credite Teucris (Aen. 6, 95) («Тевкры, не верьте коню»). У Катуллы — Nobis dicere ne dubita (6, 7, 18) «Не бойся с нами говорить». At tu ne pugna cum tali coniuge, virgo (6, 2, 60). «А ты не перечь такому супругу, дева!» У Проперция — Tu modo ne dubita de gravitate mea (2, 20, 14) «Ты только не сомневайся в моей стойкости». Позднее у прозаика Ливия «Ne time-te (3, 2, 9) «Не бойтесь». И даже в поздних документах, напр. Ne errate: mores bonos commercia corrumpunt mala (Послание к Коринфянам, XV, 33) «Не обманывайтесь, худые сообщества развращают нравы».

При дальнейшем развитии языка ne начинает восприниматься как слишком слабое и усиливается добавлением oīno/oenū «одно», Ne oenū даёт non, ср. Non tradite (Catul 66, 80) «Не передавайте». Non puta (Ovid; Epist; 164) «Не думай». Как известно, non было в большом употреблении в народном языке, особенно в поздней латыни⁸⁾, позже оно входит во все романские языки: французское ne/non, редуцировав-

⁴⁾ Это же можно заметить и в языках других групп: напр. удмуртский (финно-угорская гр.) лыдзы «читай», инф. лындзы — ны.

⁵⁾ В удмуртском эн лындзы «не читай».

⁶⁾ Публий Теренций, Адельфы, Подробный научный комментарий, составленный С. И. Соболевским. М., 1954, стр.

⁷⁾ Elmer. The Latin prohibitive, American Journal of philology, 1894, т. 15, стр. 147.

⁸⁾ Stolz — Schmalz, указ. соч., стр. 573, Veikko Väänänen, Le Latin vulgaire des Inscriptions Pompeiennes. 1959, стр. 124.

шееся в пеп, а затем в пе сначала перед согласным⁹⁾, итальянское поп, румынское пи, испанское по, португальское пао. С императивом все эти отрицательные частицы образуют запрещение, напр.: фр. *ne parle pas*. итал. *pop parlate* (2 л. мн. ч.), рум. *pi cantati* (2 л. мн. ч.). О том, что французское запрещение, внешне кажущееся несколько отличным от подобного типа латинского языка, продолжает линию латинского, а не является новообразованием, говорит история его компонентов, восходящих к латыни. *gotte* < *gutta*, *grain* < *granus*, *mie* < *mica*, *point* < *punctum*, *pas* < *passus*. В итальянском частицу *pop* усиливают *punto* «точка», *mica* «крошка»¹⁰⁾. В самой латыни в разговорном языке ещё со времён Плавта отрицание усиливалось с помощью слов, означавших какие-нибудь очень мелкие предметы. Напр., *Pluma haud interest* (Plaut Mostell 407) «Нет никакой разницы» (букв. «Нет посередине и перышка») «*Non flocci pendere* (Ter. Eun 411) «ни во что не ставить» (букв. «не ценить ни на вес пушинки»)»¹¹⁾.

Но говорящий может требовать, советовать, запрещать не только в категорической форме, игнорируя точку зрения слушателя, но и в смягчённой, предупреждая его о недопустимости тех или иных действий. Чтобы придать своему высказыванию нужный оттенок, говорящий должен использовать нужную ему форму запрещения. Язык начинает изыскивать другие новые средства и приходит к помощи конъюктива и перифрастических конструкций.

Латинский язык имеет в своём арсенале великое множество разнообразных средств запрещения. Мы остановимся на наиболее интересном из них — конструкции с *poli*. Эта конструкция своими корнями уходит также в седую дописменную эпоху и складывается постепенно, ибо ни одно явление в языке не появляется мгновенно. Точных путей её оформления мы не можем установить, потому что в законах XII таблиц (V в. до н. э.) и в дошедших до нас надписях доплавтовского времени, имеющих сакрально-религиозный характер, её нет и быть не может. А нужно полагать, что она появилась раньше. У Плавта встречаемся с ней уже как вполне утвердившейся и занявшей своё место среди других конструкций. Ср. *Noli facere mentionem te emisse* (Mostell 136) и Теренция *Noli metuere* (Ph., 556) «Не бойся». Постепенно настолько утверждается в своих позициях, что в языке прозы классического периода почти полностью вытесняет тип *ne time*. Так, ни в одном из многочисленных произведений Цицерона мы не находим запрещения, выраженного с помощью императива с *ne*. И это обстоятельство позволило авторам нормативных грамматик говорить о монополии в системе запрещения конструкции с *poli*.

Что представляет собой форма *poli*? Это *imperativus praesentis* глагола *polo*, который, как известно, восходит *nevolo* > *novolo* > *polo*¹²⁾. Глагол *volo* в императиве имеет форму, впоследствии ставшую союзом. По аналогии с *vel* императив глагола *polo* должен бы быть *pol*, а не *poli*. Императив *poli* оптативного происхождения, в парадигме он имеет *-i*¹³⁾. Оптативное происхождение *poli*, его семантика говорят о первоначальном его употреблении для выражения предупреждения,

⁹⁾ Бурсье Э. Основы романского языкознания. М. 1952, стр. 320. Доза А., История французского языка. М. 1956, стр. 315—316.

¹⁰⁾ Бурсье Э. Указ. соч., стр. 462.

¹¹⁾ Бурсье Э. Указ. соч., стр. 106.

¹²⁾ Тронский И. Историческая грамматика латинского языка. М. 1960, стр. 250. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М. 1950, стр. 215—216.

¹³⁾ Kiekers, Указ. Соч. т. 2, Б. Г., стр. 324 Эрну, Указ. соч. стр. 215—216.

совета наряду с другими перифрастическими конструкциями. Здесь можно говорить о таком интересном явлении в языке, когда семантика и грамматическая форма приходят на помощь друг к другу для наиболее точного выражения человеческой мысли. Первоначальное значение конструкции можно проследить и в более поздний период, когда между конструкцией с *poli* и с *ne* в смысловом отношении нельзя ставить знака равенства. Напр., *Noli pugnare duobus* (Catul, 61, 64) «Не имей желания сражаться с двумя». *Noli parricidio nuptias auspicari*. (Apul VIII, 6) «Воздержись заключить брак с убийцей». Как видно из примеров, авторы именно предупреждают о недопустимости действия, не высказывая категорического запрещения.

Но в то время как другие близкие по составу¹⁴⁾ перифрастические конструкции запрещения имеют стилистический характер и не являются нормой, *poli* постепенно теряет свою семантику, лишается модального оттенка, и конструкция с ним становится грамматической нормой, вариантом императива с *ne*/поп. В классический период совет, предупреждение начинают передаваться конструкцией с *noli* + *velle*.

Ср. *Nolite igitur id velle, quod fieri non potest* (Cic. Phil. VII, 9) «Не желайте того, чего не может быть» (букв. «Не желайте желать»).

Nolite velle experiri. (Liv., VII, 40) «Не желайте испытывать (букв. «не желайте желать испытывать»).

Но почему из многочисленных видов перифрастической запретительной конструкции грамматикализация получает именно конструкция с *poli*? Нам кажется, такому явлению способствовали следующие факты. *Nolo*, как мы говорили выше, имеет в своём составе отрицательную частицу *ne*/поп, следовательно, в своей семантике содержит отрицание, а в императивной форме запрещение. Грамматикализации способствовала и оппозитивная природа *poli*. В общиндоевропейском плане в системе запрещения оппозитив занимает исключительно важное место¹⁵⁾. В ставших утвердившейся грамматической формой запретительных конструкциях в современных славянских языках имеются те же факты, способствовавшие грамматикализации конструкции, что и в латинском языке. Например, болг. не дей ходи, сербохорват. немој писати, македонское немој да одиш¹⁶⁾.

Ни в одном из прямых потомков латинского языка конструкция с *poli* не обнаруживается. Почему бесследно исчез прочно утвердившийся, грамматикализовавшийся, занявший своё место наряду с типом *ne time* тип *poli tangere*? В языке ни одно явление не может появляться и не может исчезать случайно. Нам кажется, что проникновению в романские языки данного типа воспрепятствовала потеря глаголом *poli* своего первоначального значения, которое запрещающим уже не ощущается. Для выражения смягчённого запрещения употребляются другие перифрастические конструкции, бытовавшие уже в латыни, компонентом которых был глагол, имеющий определённый смысл. Конструкция с *poli* не заняла своего места в потомках латыни и потому, что в самой латыни, продолжал жить тип *ne time*, неправильно трактуемый исследователями как арханизм в языке поэтов, классиче-

¹⁴⁾ Мы имеем в виду не все, а близкие к типу *poli timere* по своему составу и содержанию, т. е. конструкции, первым компонентом которых является глагол в императиве *fuge, mitte, omitte* вторым — глагол в инфинитиве.

¹⁵⁾ Гухман М. М. Готский язык. М., 1958, стр. 182—183.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 264.

¹⁶⁾ Ивич. Вид у словенском императиву с негацијом, славянская филология, II, IV, Международный съезд славистов.

ского периода. Совершенно прав Палмер (Palmer), отмечающий, хотя и мимоходом, что этот тип в системе запрещения оставался не только в языке поэтов, но и в языке разговорном, в языке простого народа¹⁷⁾.

Проанализированный материал даёт возможность сделать следующие выводы: конструкция с *poli* возникает для выражения пожелания, совета, но постепенно теряет своё основное назначение и становится вариантом запрещения, выраженного императивом с *pe*. Императив с *pe* в самой латыни никогда не исчезал, а жил в языке народа.

¹⁷⁾ Palmer, Указ. соч. Б. Г., стр. 310.

Э. М. МЕНЧЕР

ПУТИ РАЗВИТИЯ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Исходя из определения каузативного глагола как глагольной формы, возводимой к глаголам с праиндоевропейским суффиксом *-éjo-* и выражающей побуждение к действию или вступлению в определённое состояние, выраженное первичным глаголом, рассмотрим вкратце пути развития каузативных глаголов в немецком языке. Напомним, что применительно к германским языкам каузативные глаголы относились к I классу слабых глаголов на *-jan* с вокализмом, в большинстве случаев совпадающим с огласовкой ед. ч. претерита соответствующих сильных глаголов, т. е. с чередованием гласных по аблауту. Ср. гот. *sitan-sat-setum-sitans* «сидеть» и каузатив *satjan* «садить».

Это закономерное совпадение. Как известно, германские языки развили глагольный аблаут наиболее систематически по сравнению с другими и.-е. языками. Основному качественному чередованию *e: o* других языков и.-е. системы в германских языках соответствует чередование *e: a*. В соответствии с этим чередованием чередования гласных первых пяти классов германских сильных глаголов могут быть сведены к аблауту *e: o: o* с различными неслоговыми показателями при основном гласном и отступлениями в мн. ч. прет. глаголов IV и V классов. VI ряд построен на чередовании *a: o*. На чередовании гласных по аблауту построены и формы связанных с сильными глаголами каузативов.

Правда, в некоторых случаях каузативы обладают вокализмом причастия II (ступень редукции) или презенса первичного глагола¹⁾. Ср. гот. *aljan* «откармливать» к *alan* «расти» (с гл. VI) двн. *gizzen* «царапать» к *gizan* «рвать(ся)», где слабые глаголы обнаруживают гласный причастия II, и двн. *spriutzen*, нвн. *spreizen* «подпирать» двн. *spriozan* «всходить, распускаться», где слабый глагол имеет вокализм презенса сильного, если не считать преломления, о чём будет сказано ниже. Надо заметить, что приведённые выше глаголы *gizzen* и *spriutzen* имеют интенсивное, а не каузативное значение.

Гораздо реже каузативы сопоставляются не с сильными, а с слабыми глаголами III класса, причём часто как каузатив, так и соответствующий слабый глагол III класса были производными от одного и того же прилагательного. Ср. двн. *heilen* «исцелять» к *heilen* «быть здоровым» (гот. *hails* «целый, здоровый»). Двн. *hleinein* нвн. *lehnen* «прислонять» к *hlinein* «прислоняться».

Сопоставляя теперь в современном немецком языке количество слабых каузативных глаголов, ясно сохранивших семантическую связь

¹⁾ Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Strasburg, 1899. II Abt. S. 52.

с соответствующими сильными первичными глаголами, с количеством каузативных глаголов в двн., мы не можем не заметить сильного сокращения этих первых образований. Так, в нвн. вполне ясно ощущается связь в таких парах как *trinken* — *tränken* «пить — поить»; *sitzen* — *setzen* «сидеть — садить»; *saugen* — *säugen* «сосать — кормить грудью»; *liegen* — *legen* «лежать — положить»; *sinken* — *senken* «опускаться — опускать», «погружать», и, возможно, в некоторых других парах. Слабый глагол *wachen* «бодрствовать» тоже сохранил свою семантическую связь с каузативом *wesken* «будить». Однако, в двн. насчитываются более ста примеров каузативных глаголов. Можно предположить, что в общегерманском периоде можно было образовать от каждого непереходного сильного глагола соответствующий слабый глагол с каузативным значением.

Благодаря каким процессам эта прежде богатая категория превратилась в процессе развития языка в пережиточную? После утраты продуктивности этой словообразовательной модели имевшиеся пары подвергались различным фонетическим процессам и связанным отчасти с ними смысловым сдвигам, которые в конечном счёте привели к резкому сокращению их количества. Как считает Г. Пауль, исходным пунктом отмирания типов формирования является звуковое обособление; обособление значения наступает лишь впоследствии²⁾.

Рассмотрим прежде всего фонетические процессы, характерные для немецкого языка и приведшие к значительным изменениям первоначальной формы каузативов. Мы здесь коснёмся только фонетических процессов, характерных для каузативных глаголов, т. е. вызванных наличием *j* в суффиксе, оставляя в стороне более общие изменения фонетической системы немецкого языка, отразившиеся на форме каузативов и соответствующих первичных глаголов. Это — умлаут, зап.-германское удлинение согласных *i*, в значительной мере, преломление. Кроме того, специальное отражение в каузативных глаголах находит закон Вернера, что связано с первоначальным ударением каузативов.

1. Умлаут

В отношении вокализма наличие *j* в суффиксе вызвало перегласовку как явление регрессивной ассимиляции. Это переход корневых гласных заднего ряда *a*, *o*, *u* и дифтонгов *uo*, *ou* в соответствующие гласные переднего ряда *e* (*ä*), *ö*, *ü* и дифтонги *üe*, *öu*. Явление умлаута не встречается в готском. Ср. гот. *dragkjan* двн. *trenken* нвн. *tränken* «поить» гот. *baugjan* двн. *bougen* нвн. *beugen* «сгибать» гот. **fôrjan* двн. *fuoren* нвн. *führen* «вести» двн. *gurten* нвн. *gürten* «опоясывать»; ср. *fliezen*, прет. ед. ч. *flôz*: кауз. нвн. *floßen* «сплавлять». Орфографически «е» сохранилось во многих каузативных в нвн., что, конечно, не меняет картины (ср. *sprengen*, *schwemmen*, *rennen* и др.). *ö* в формах *dörren*, *ergötzen* — результат вторичного развития (двн. *derren*, *irgezzen*), т. е. лабиализации. Интересно отметить попутно, что благодаря умлауту понудительные образования от прилагательных (так. наз. фактитивы) вроде *stark* — *stärken* до сих пор являются весьма активной категорией. Здесь умлаут распространился не по причине фонетической ассимиляции, а по грамматической аналогии.

²⁾ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960 г., стр. 238.

³⁾ Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1948 г., стр. 279.

Умлаут в каузативных, производных от сильных глаголов III, IV, V рядов с ед. ч. претерита на а, привёл к тому, что каузативы совпали по своему гласному е (закрытое е) с настоящим сильных глаголов на е (среднее е). Ср. *swellen* (сн. гл.) вздуться: *swellen* (сл. гл.) надувать; двн. *smelzen* (сн. гл.) таять: *smelzen* (сл. гл.) плавить. В нвн. прошедшее на о в глаголах *schwellen*, *schmelzen* (*schwoll*, *schmolz*) — результат вторичного развития (с опорой на причастие) вместо первоначального а.

2. Зап.-герм. удлинение согласных

Со стороны консонантизма мы встречаем удвоение согласных перед полугласным *j*, что свойственно всем зап.-герм. языкам. Удвоение происходит только тогда, когда согласному предшествует краткий гласный, причём *j* исчезает. Удвоение в глаголах на *-jan* создаёт возможность чередования форм с простым и двойным согласным. По законам второго перебора согласных глухие взрывные *p*, *t*, *k* в удвоении дают соответствующие аффикаты *pf*, *tz*, *kch*. Таким образом объясняется разный консонантизм у таких парных глаголов, как нвн. *essen* (гот. *itan*) «есть» — *ätzen* (гот. — **atjan*) «травить», «разъедать» (первоначально «кормить»); *beißen* «кусать» — *beizen* «травить», (первоначально *beißen*, *lassen*); *reißen* «рвать(ся)» — *reizen* «дразнить»; двн. *ir* — *gezzan* (ср. нвн. *ver* — *gessen*) «забывать» — *irgezzan* нвн. *ergötzen* «веселить»; или у каузативов, сопоставимых со слабыми глаголами *wachen* двн. *wachen* (сл. гл. III кл.) «бодрствовать» — *wecken* «будить»; *schwitzen* (сл. гл.) «потеть» — *schweißen* «сваривать». Не подвергался удлинению согласный *g*, после которого *j* в двн. сохранился до X века. Ср. гот. *ga-nisan* «выздороветь», кауз. *nasjan* «спасать» двн. *perien* (*nähren*). Также гот. *laisjan* двн. *leran* «обучать». Как уже сказано, удвоение упрощается после долгого слога: гот. *laidjan* «шестить» двн. *leiten* (раннее южн.-нем. *leitten*).

3. Преломление

Что касается преломления, т. е. чередования гласных *e-i*, *o-u*, *io(ie)-iu(eu)* под влиянием более широкого или более узкого гласного окончания, которое должно было вызываться наличием *j* в суффиксе, то такие примеры не редки у деноминативных глаголов I класса; ср. *recht* — *richten* срвн. *quies* «живой» — *erquicken* «освежать», *voll* — *füllen* (гот. *fuljan*) и т. д. Однако, в производстве каузативных глаголов это явление почти не находит отражения. Можно было бы привести здесь следующий пример каузативного (точнее — интеративного) глагола, имеющего не обычную огласовку ед. ч. прет. сильного глагола, а его формы настоящего времени. Двн. *spriutzen* нвн. *spreuzen*, *spreizen* «подпирать» к двн. *spriozen* нвн. *sprießen* «всходить», «распускаться». Незначительная роль преломления объясняется тем, что каузативы в большинстве случаев обладают «о» — тембром аблаута, чему в германских языках соответствует гласный *a*, который под влиянием *j* в суффиксе подвергается умлауту, а не преломлению.

4. Действие закона Вернера

Ещё в общегерманском языке, в результате изменения звуков по закону Вернера, консонантизм каузативных глаголов во многих случа-

ях стал отличаться от консонантизма формы наст. времени и ед. ч. претерита сильного глагола.

Как известно, прайндоевропейский суффикс понудительных глаголов *-éjo* был ударным (скр. *svarati* спать: *svarayati* «усыплять»), поэтому предшествующий ему взрывной согласный превратился не в глухой спирант, как это требовал закон первого перебора, а в звонкий спирант, давший впоследствии в нем. языке звонкий взрывной. В результате мы имеем такие соотносительные глаголы как двн. *hāhan* «висеть» к *hengen* «вешать»; срвн. *sihen* «сочиться», ед. ч. прет. *sech* кауз. *siigen* «процеживать», гот. *fra* — *wairthan* «гибнуть»: *fra* — *wardjan* «губить»; гот. *leithan* двн. *lidan* «сдвинуть», «путешествовать», «ездить»; др.-сакс. *ledian* двн. *leiten* «водить». Здесь в двн. действие закона Вернера затемнено вторым перебором согласных (*th > d*; *d > t*). Чередование *sáz(r)* имело место в сев.-зап.-германских языках, но не в готском. Ср. гот. *ganisan* «спасаться» — *pasjan* «спасать»; двн. *ginesan* выздороветь — *perien* (**nazjan*). Здесь сыграл свою роль и ротацизм. Также гот. *lisan* «знать»: *laisjan* «учить», двн. *legan*. Как отмечает Прокош, грамматическое чередование в результате действия закона Вернера наблюдается регулярно только в первых трёх классах глаголов. В V, VI, VII классах оно не регулярно. Позднее происходил процесс униформации и последствия закона Вернера были устранены под влиянием аналогии. Поэтому имеются только отдельные примеры этого чередования в соотносительных парах первичный глагол — каузативный глагол⁴).

Подобные фонетические изменения, уничтожая сходство формы каузативов с формой родственных сильных глаголов благоприятствовали и устранению сходства значения.

Попробуем теперь проследить семантические сдвиги в соотносительных парах каузатив — сильный глагол, приведшие к тому, что каузативные глаголы остались отдельными реликтами в современном языке.

1. Исчезновение сильного глагола в современном языке при сохранении каузатива. Исчезнувшие сильные глаголы засвидетельствованы в памятниках готского, двн. и свн. языков. Сопоставимые с ними каузативы живы в современном и немецком языке. Двн. *hellen* нвн. *hehlen* «скрывать» к исчезнувшему *helan* с таким же значением (ср. прил. *verhohlen* «скрытый»); двн. *hneigan* нвн. *neigen* «нагибать» к *hnigan* «нагибаться»; *spreiten* «расстилать» к *spriden* «распространяться»; двн. *derren* нвн. *dörren* «сушить» к гот. *ga* — *thairsan* «засохнуть»; двн. *quellen* нвн. *quälen* «мучить» к *quelan* «испытывать сильные боли»; двн. *dempfen* нвн. *dämpfen* «тушить (мясо)», собственно «заставлять дымить» к срвн. *dimpfen* «дымить»; *trennen* «отделять» к срвн. *trinnen* «отделяться»; двн. *ir-gezzen* «забывать» к нвн. *ergötzen* «забавлять», первоначально «заставить забыть»; двн. *zunden* нвн. *zünden* «зажигать» к срвн. *zinden*, *zinnen* «гореть»; срвн. *regen* «поднимать» к *regen* «возвышаться»; срвн. *senden* «посылать» к *sinden*, *sinnen* «взять направление», «идти». В некоторых случаях непереходное значение исчезнувших сильных глаголов выражается в современном языке возвратными формами слабых глаголов (*sich neigen*, *quälen*, *regen*, *trennen* и т. д.).

2. Исчезновение каузатива при сохранившемся первичном глаголе Процесс, аналогичный вышеописанному только с противоположным результатом. В современном языке каузативы вышли из употребления,

⁴) Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954 г., стр. 191—194.

хотя в некоторых случаях от них сохранились производные приставочные глаголы. Двн. *soufen* (ср. нвн. *er-säufen*) «утопить» при сохранившемся *sufen* нвн. *saufen* «пить»; *sweigan* «заставлять молчать» при *swigan* нвн. *sweigen* «молчать»; *sceinen* «показывать» при *scinen* нвн. *scheinen* «сиять»; *sterben* «убивать» при *sterban* «умирать»; *swenten* «уничтожать» (ср. нвн. *ver-schwenden* «расточать») при *swintan* нвн. *schwinden* «убывать»; *hwerben* «повернуть», «катать» при *hwerban* нвн. *werben* «двигаться по кругу», теперь «вербовать».

В глаголах первого ряда каузативы от прошедшего на *ei* совпали с настоящим сильных глаголов на *ei* (срвн. *i*) в результате дифтонгизации, что и привело к исчезновению той или иной формы. Ср. двн. *scinen* (*scheinen*), *scein-scinum-giscinan*, *sceinen* (*scheinen*). Аналогично с глаголом *piġan*, где исчез примарный глагол.

3. Исчезновение пары в целом, как сильного глагола, так и его каузатива.

Двн. *regen* «заставлять падать» к *gisān* «падать»; *zweinen* «уменьшать» сужать к *swinen* «убывать»; срвн. *seigen* «опускаться» к *sigen* «опускаться»; *stroufen* «сдирать шкуру» к *striefen* «делать полосы на чём-либо» *weifen* «мотать (пряжу)» к *wifen* «размахивать». Каузативы *stroufen*, *weifen* почти не отличаются по значению от соотносительных сильных глаголов, факт, объяснение которого, по-видимому, нужно искать в дописьменном периоде развития языка. Засвидетельствованные в памятниках значения не позволяют проследить подобных сдвигов.

4. Слияние сильных глаголов и каузативов в одно слово, имеющее оба значения.

а) Совпадение форм во всей парадигме спряжения: двн. *weichan* «смягчать» и *wichan* «размягчаться» слились в нвн. *weichen* (сл. гл.) с тем и другим значением; *kleiben* клеить и *kliban* «прилипнуть»: инв. *kleben* (сл. гл.) с переходным и непереходным значением; срвн. *verderben* «губить» и *verdërben* «гибнуть»: нвн. *verderben* (снгл.) с обоими значениями (ср. прил. *verderbt* «испорченный» — пережиток слабого спряжения). Сюда же можно отнести слияние слабых глаголов разных классов как результат унификации типов спряжения сл. гл. вследствие редукции неударных гласных. В двн. сл. гл. I класса выступает как каузатив к сл. гл. III кл. Ср. двн. *heilen* «исцелять» и *heilēn* «заживать»: нвн. *heilen* «лечить» и «вылечиваться».

б) Совпадение только в инфинитиве, с остальными формами по слабому или сильному спряжению в зависимости от переходного или непереходного значения глагола.

Двн. *lesken* «тушить» к *lēsken*, *ir-lēsken* «пораснуть»: нвн. *löschen-löschte-gelöscht* «тушить» и *er-loschen*, *erlosch*, *erloschen* «тухнуть»; двн. *hengen* «вешать» к *hahan* «висеть»: нвн. *hängen-hängte-gehängt* «вешать» и *hängen-hing-gehangen* «висеть»; двн. *smelzen* «плавить» к *smelzan* «таять»: нвн. *schmelzen-schmelzte-geschmolzt vt* «плавить» и *schmelzen-schmolz-geschmolzen* «таять»; двн. *swellen* «раздувать»: к *swällen* «вздуваться»: нвн. *schwellen-schwellte-geschwellt* «надувать» и *schwellen-schwoll-geschwollen* «пахнуть»; двн. *sleizzen* «разорвать», «расколоть» к *slizan* «рваться»: нвн. *ver-schleießen* по сильному спряжению «изнашиваться» и *verschleießen* по слабому спряжению «изнашивать»; нвн. *quellen-quellte-gequellt* «размачивать» к двн. *quellan* «вздуваться» и нвн. *quellen-quoll-gequolle* «разбухать»; срвн. *er-schrecken* «вспугивать» к *erschrecken* «вздрагивать»: нвн. (er) *schrecken* (сл. гл.) «испугать» и *erschrecken* (сн. гл.) «испугаться»; двн. *stecken* к *stechan*:

нвн. stecken vt (сл. гл.) «втыкать») и stecken vi (прет. stak, steckte) «находиться», «торчать»; двн. scellan «заставить звучать» к scëllan «раздаваться (о звуке)»: нвн. schellen (сл. гл.) «звонить» и schallen (прет. scholl, schallte) «раздаваться». Здесь сл. гл. schallen (другого происхождения) вытеснил сильный глагол срвн. schellen, от которого однако сохранилась форма претерита scholl.

Колебания в употреблении слабых и сильных форм у таких глаголов как verderben, stecken, schellen говорит о том, что в сознании говорящих утратило свою значимость противопоставление сильный первичный — слабый каузативный глагол, что и привело к смешению форм. Это только одна из многих причин совмещения в одном глаголе переходного и непереходного значения, чему мы находим множество примеров в современных германских языках.

5. Вытеснение слабым глаголом сильного, причём каузатив получил его непереходное значение.

Здесь можно назвать гл. brennen каузатив от ср. brinnen (гореть). Гл. brennen в современном языке принял значение вытесненного им глагола brinnen «гореть», но сохранил ещё и каузативное значение «жечь», «палить». Таким образом каузативный глагол rennen к двн. rinnen «бежать» в современном языке означает «бежать», а первоначально значил «заставить бежать», «гнать». Вытесненный им rinnen сохранился в значении «течь».

6. Развитие значений сильных и слабых глаголов в разные направления.

Благодаря этому процессу каузативные глаголы перестали восприниматься как понудительные к соответствующим первичным глаголам.

Двн. ganisan: нвн. genesen «выздороветь» — двн. nerien «исцелять», нвн. nâhren «питать»; двн. fuoren: нвн. fahren «ехать» — нвн. führen «вести»; нвн. beißen «кусать» — beizen «травить», «разъедать», первоначально «кормить»; essen «есть» — ätzen (гот. — *atjan) «травить», «прижигать»; singen «петь» — sengen «палить», schleifen «точить» (первоначально «скользящий»), schleifen «тащить»; leiden «страдать» (двн. liden «идти») — leiten «вести», «руководитель». По-видимому, развитие значения глагола leiden от «идти» к «страдать» могло пойти по такому пути: идти — странствовать — переносить трудности — терпеть, страдать. Это легко объясняется, если учесть невзгоды, связанные с путешествиями в старое время.

Двн. swizzen (сл. гл. III кл.) : нвн. schwitzen «потеть» — нвн. schweissen «сваривать», первоначально «заставить потеть», «калить»; (ver) schwinden «исчезать» — verschwenden «расточать»; (ver) schleifen «изнашиваться», «рваться» — schleifen «колоть», «ошипывать». Сюда же можно отнести ряд глаголов, являющихся каузативными лишь к некоторым значениям первичного сильного глагола, а не ко всему объёму его значения. Ср. fallen «падать» — fallen «срубить лес»; fließen «течь» — flößen «сплавлять лес» (сравн. vloezen «заставить течь»); schwimmen «плавать» — schwemmen «сносить водой», «сплавлять (лес)».

7. Семантические сдвиги, предположительно относящиеся к дописьменному периоду.

Здесь можно перечислить ряд слабых глаголов, каузативных по форме, но либо лишённых каузативного значения, либо совпавших по своему значению с соответствующими сильными глаголами. Гот. draibjan «гнать» — dreiban нвн. treiben «гнать», «толкать»; Двн. bougen нвн. beugen — двн. biogan нвн. biegen «гнуть»; Двн. dwengen нвн. zwingen

«протискивать» — днн. *dwingan*: нвн. *zwingen* «принуждать»; гот. *waltjan*: нвн. *wälzen* «катать» — *walzen* «прокатывать»; ср. *drengen* нвн. *drängen* «напирать» — *dringen* «настаивать»; *ströufen* «сдирать шкуру» — *stririefen* «делать полосы» на чём-л. нвн. *reizen* «раздражать» — *reissen* «рвать (ся)».

Соотношение этих парных образований нельзя сводить к единой формуле. Нельзя думать, что все каузативные по форме глаголы обязательно отглагольного происхождения, здесь могли быть отымённые образования. Известно также, что каузативная форма не обязательно влечёт за собой и каузативное значение. Так, итеративные глаголы с суффиксом *-jo* в ряде и.-е. языков нельзя отличить по форме от каузуативов.

Ввиду сильно сократившегося числа каузативных глаголов и утраты смысловой связи с соответствующими первичными глаголами, в немецком языке всё больше стали распространяться значительные каузативные конструкции с полувспомогательными глаголами *machen*, *lassen* + инфинитив, или несколько устаревших *tun*, *heißen* + инфинитив. Любопытно отметить, что в днн. каузативные конструкции встречаются только с инфинитивом глаголов, не имевших соотносительных каузативных глаголов⁵).

В современном немецком языке конструкция *lassen* + инфинитив является универсальным средством выражения принуждения объекта субъектом. (*Er ließ ihn kommen* «он велел ему прийти»). Эта конструкция имеет свои параллели в других германских языках (англ. *make him repeat it* «заставь его повторить») и др. современных и.-е. языках, например, во французском *faire venir*. Замена лексико-грамматической категории каузативных глаголов каузативными конструкциями соответствует общей тенденции развития германских языков, т. е. замене синтетических средств аналитическими. Другой причиной отмирания словообразовательной модели каузативных глаголов явилось и то, что самими сильными глаголами стали пережиточной категорией. Естественно, что к новым слабым глаголам нельзя было образовать каузативов по старой модели. Однако, язык продолжает образовывать слабые отымённые глаголы от прилагательных с фактитивным значением, т. е. выражающее понуждение к вступлению в определённое качество: гот. «красный»: *gōten* «румянить» или глаголы с префиксами, например, *bitter* «горький» *erbittern* «ожесточать»; *möglich* «возможный»: *ermöglichen* «делать возможным» и т. д.

⁵ ⁵) Миссюра Н. А. Каузативные глаголы и каузативные конструкции в немецком языке. Автореферат к диссертации. М. 1953 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О. М. Соколов. О смысловых отношениях между членами коррелятивных пар префиксального типа	3
О. И. Блинова. К вопросу о типах лексических различий диалектного языка	9
О. И. Блинова. Лексико-фонетическое варьирование слова в диалектах	19
В. В. Палагина. Словарь некоторых иноязычных слов в говорах средней части бассейна р. Оби	34
О. Н. Киселева. Особенности морфологической системы имен существительных говора села Иштан Кривошеинского района Томской области	41
Е. М. Пантелеева. Некоторые особенности управления в говорах Томской и Кемеровской областей	51
И. А. Воробьева. Новые русские гидронимические модели (по материалам гидронимии Восточной Сибири)	57
С. И. Мазо. Особенности вокализма в языке деловых документов XVII в. Томска	63
Г. И. Климовская. К вопросу о словопорядке в группе определяемого слова и согласованного атрибутивного определения в русском языке	70
А. П. Дульзон. О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков	78
О. И. Гордеева. Проявление морфологической и синтаксической интерференции в некоторых словосочетаниях, отмеченных в русской речи томских татар	88
Э. Ф. Молина, В. А. Фатнева. К этимологии греческого слова <i>μάρτυς</i>	97
Г. А. Чупина. Об одном типе запрещения в латинском языке	100
Э. М. Менчер. Пути развития каузативных глаголов в немецком языке	105

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СИБИРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Томск, изд. ТГУ, 1966 г., 112 с.

Редактор издательства **Л. Г. Мордовина**

Технический редактор **А. С. Бобренко**

Корректор **Э. Н. Страшкова**

КЗ 01368. Сдано в набор 23/XI-65. Подписано к печати 22/VII-66 г.

Формат 70×108^{1/16}; печ. л. 7; усл.-печ. л. 9,59; уч.-изд. л. 9,5.

Заказ 7654.

Тираж 650 экз.

Цена 67 коп.

Томск, Издательство ТГУ, проспект Ленина, 34.

Областная типография № 1 Управления по печати, Томск, ул. Советская, 47.

Цена 67 коп.

1- 891625

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00365761